

**В.В.АСТАФЬЕВ, Д.М.ГАЛИУЛЛИНА, С.Ю.МАЛЫШЕВА,
А.А.САЛЬНИКОВА**

ИЗУЧЕНИЕ И ПРЕПОДАВАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

П Р Е Д И С Л О В И Е

Основанный в ноябре 1804 г. Казанский университет за прошедшие два века воспитал немало питомцев, внесших значительный вклад в развитие отечественной и мировой науки, культуры, образования, общественной мысли.

Согласно университетскому Уставу 1804 г., в Казанском университете были созданы четыре отделения (факультета): словесных наук; нравственных и политических наук; врачебных и медицинских наук. В рамках словесного отделения действовало пять кафедр: красноречия, стихотворства и русского языка; истории, географии и статистики Российского государства; всемирной истории, географии и статистики; греческого языка и словесности; латинского языка и древностей.

В последующем структура университета и его факультетов неодно-кратно менялась. Так, по Уставу 1835 г. отделение словесных наук вошло в состав нового философского факультета, который в 1842 г. был разделен на три отделения: историко-филологическое, физико-математическое и естественных наук. Наконец, в 1850 г. историко-филологическое отделение философского факультета было преобразовано в самостоятельный историко-филологический факультет, который просуществовал до 1921 г.

В 1921 г. историко-филологический факультет Казанского университета был ликвидирован, хотя историческое отделение факультета вошло в состав ФОНа (факультета общественных наук), созданного взамен традиционных гуманитарных (юридического и историко-филологического) факультетов российских университетов. В 1922 г. был закрыт и ФОН, и история как наука перестала изучаться в Казанском университете на долгие 18 лет.

Лишь в сентябре 1939 г. в Казанском университете был вновь открыт исторический факультет, который через год был преобразован в историко-филологический. Однако возрождение историко-филологического факультета произошло в основном *de jure*, так как вновь созданный факультет разительно отличался от историко-филологического факультета Казанского университета начала XX столетия. Истфилфак образца 1940 г. не располагал ни высококвалифицированными кадрами преподавателей, ни той богатой учебной и материальной базой, которая имелаась в свое время на факультете. По сути дела все приходилось восстанавливать заново. В первые годы преподавание исторических дисциплин было сосредоточено лишь на одной кафедре – кафедре истории. В 1943 г. в составе факультета появилась вторая историческая кафедра – кафедра всеобщей истории. Именно эти две кафедры и обеспечивали подготовку историков в Казанском университете вплоть до 1980 г., когда историческое отделение истфилфака было преобразовано в самостоятельный исторический факультет. Создание исторического факультета во многом способствовало открытию новых кафедр в его составе, росту интенсивности научно-исследовательской деятельности сотрудников факультета.

Сегодня исторический факультет – это один из ведущих научных центров России по подготовке высококвалифицированных специалистов-историков. На восьми кафедрах факультета (отечественной истории до XX в.; современной отечественной истории; истории древнего мира и средних веков; истории нового и новейшего времени зарубежных стран; этнологии и археологии; историографии, источниковедения и методов исторического исследования; истории Татарстана; политической истории) работают действительный член Академии наук Республики Татарстан, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, девятнадцать докторов наук и около пятидесяти кандидатов наук. При факультете действуют два музея: археологический и этнографический. Значительный творческий и научный потенциал преподавателей факультета, солидная учебная и материальная база, а также богатейшие фонды Научной библиотеки им.Н.И.Лобачевского в полной мере позволяют готовить на факультете действительно высококвалифицированные кадры историков как для школы, так и для исследовательской работы.

Казанский университет за два века воспитал немало талантливых исследователей отечественной истории. Имена Д.А.Корсакова, Н.П.Лихачева, Н.П.Загоскина, Н.Н.Фирсова, М.В.Нечкиной хорошо известны всем историкам России.

Вместе с тем, несмотря на почти двухсотлетнюю историю развития исторической науки в Казанском университете, до сих пор не имеется работы, в которой бы история изучения и преподавания отечественной истории в КГУ стала бы предметом специального изучения. Хотя отдельные наблюдения и выводы можно найти в трудах Д.А.Корсакова, Н.П.Загоскина, М.К.Корбута, А.С.Шофмана, С.М.Михайловой, посвященных истории университета. Значительно более конкретный материал по истории отдельных периодов развития исторической науки в КГУ содержится в работах Г.Ф.Шамова, И.П.Ермолаева, А.Л.Литвина, Г.Н.Вульфсона, С.Х.Алишева, А.А.Хабибуллина, А.И.Мухаммадеева, Л.Д.Зариповой, А.Н.Гребенкиной и др.

В данной работе впервые предпринята попытка проследить историю изучения и преподавания отечественной истории в университете на протяжении всей его 200-летней истории.

Авторы прослеживают долгий и сложный путь развития исторической науки в КГУ, говорят о вкладе крупнейших ее представителей А.П.Щапова, Н.А.Фирсова, Д.А.Корсакова, Н.П.Загоскина, Н.Н.Фирсова, Г.Н.Вульфсона, И.М.Ионенко, А.Л.Литвина, И.Р.Тагирова, М.А.Усманова и других ученых, внесших значительный вклад в изучение истории России.

Автором первой главы является доктор исторических наук, профессор С.Ю.Малышева, вторая глава написана кандидатом исторических наук, доцентом В.В.Астафьевым, особый интерес представляют третья (автор – доктор исторических наук, профессор А.А.Сальникова) и четвертая (автор – кандидат исторических наук, доцент Д.М.Галиуллина) главы, в которых освещается история изучения и преподавания отечественной истории в КГУ в XX в.

ЗАРОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КАЗАНИ. 1804–1860 гг.

В начале XIX столетия российская система просвещения приобрела контуры законченности; число университетов возросло до семи: кроме функционирующих Московского и Санкт-Петербургского университетов в 1804 г. были созданы Виленский (польский), Дерптский (немецкий), Казанский и Харьковский университеты, а также Петербургский главный педагогический институт. Университетский Устав 1804 г. провозглашал внутреннюю автономию университетской жизни: выборность ректоров и профессоров, существование собственного суда, невмешательство высшей администрации в дела университета.

Университеты играли весьма важную роль в российской системе просвещения и образования. По именному указу от 24 января 1803 г. Российская империя была разделена на 6 учебных округов: Виленский, Дерптский, Московский, Казанский, Петербургский, Харьковский. Во главе каждого округа должен был стоять университет, управлявшийся ученым советом. Университеты должны были контролировать и опекать учебные заведения, входившие в состав округа¹.

5 ноября 1804 г. императором Александром I был подписан Указ об открытии, а также Устав Казанского императорского университета. В университете, по типу немецкого, учреждалось четыре отделения (факультета): нравственных и политических наук, физических и математических наук, врачебных, или медицинских, наук, и наконец, отделение словесных наук, трудами преподавателей и студентов которого и было начато изучение отечественной истории в Казанском университете.

Из 28 кафедр вновь созданного университета 6 были переданы словесному отделению. Среди них – кафедра истории, географии и статистики Российской империи, представленная И.Ф.Яковкиным, кафедра всемирной истории, статистики и географии, которую занимал П.А.Цеплин, а также кафедра восточных языков, ученые которой проявили интерес не только к языкам народов, населявших край, но и немало сделали для исследования их истории, сохранения и изучения культурных и исторических достопримечательностей края.

Открытие Казанского императорского университета состоялось 14 февраля 1805 г. В феврале же начались занятия со студентами, в большинстве своем – выпускниками Казанской гимназии, давшей университету не только первых студентов, но и многих первых преподавателей.

В первые годы существования университета (до его «полного открытия» в 1814 г. и до ревизии М.Л.Магницкого 1819 г.) преподавание в университете не обрело строгой академичности, присущей западным университетам, существовавшим уже несколько столетий. Казанский университет фактически работал без разделения на факультеты. В течение тех 34 часов в неделю, которые были отведены для занятий, студенты слушали лекции по профилю всех отделений.

Состояние исторической науки в университете в основном соответствовало его младенческому возрасту. По выражению известного автора книги по истории Казанского университета, его питомца – выпускника 1845 г., ставшего позже профессором и деканом историко-филологического факультета, Н.Н.Булича, в первые годы существования университета «...наука принимала невинные формы: считалось научным занятием веселое бегание за бабочками или жучками по лугам, окружающим

Казань, или писание наивно-детских стихов...»¹. К тому же, как замечают современные исследователи, в соответствии с энциклопедическими традициями предыдущего столетия университетское сообщество ценило в преподавателе не узкого специалиста, а широко образованного педагога, узкая специализация не поощрялась. Кроме того, в соответствии с Уставом преподаватели несли и массу административных обязанностей, помимо учебно-научных².

Во многом замедленное изучение отечественной истории в начальные годы Казанского университета было связано с условиями существования самого университета: до 1814 г. он работал без выборных ректоров и деканов. Это положение современники связывали с личностью Ильи Федоровича Яковкина (1764–1836)¹, профессора российской истории, географии и статистики, директора Казанской гимназии, который благодаря своему влиянию на престарелого попечителя Казанского учебного округа С.Я.Румовского фактически управлял всеми делами университета. Яковкин, занимавший кафедру истории, географии и статистики Российской империи, будучи погружен в административные заботы и борьбу с так называемой «советской партией» (учеными, выступавшими против его единоличного режима и за расширение полномочий Совета университета), не отметил научной деятельностью годы, проведенные в Казани. Все его работы – «Летоисчислительное изображение российской истории» (Санкт-Петербург, 1798), «Учебник краткой российской истории» (Санкт-Петербург, 1799) – учебники российской истории, его «История села Царского» в двух частях (Санкт-Петербург, 1829) и другие – написаны им либо до начала его университетской карьеры, либо после его увольнения, в Царском Селе.

В первые годы своего существования университет испытывал острую нехватку кадров. К должности адъюнктов – помощников профессоров – нередко привлекали подающих надежды воспитанников Казанского университета. В 1811 г. адъюнктом стал Петр Сергеевич Кондырёв (1788–1823)² – один из первых студентов Казанского университета, первый его кандидат (1807 г.) и первый магистр (1809 г.), а в 1815 г. – Михаил Алексеевич Юнаков (1790–1820), также выпускник университета. Однако работы этих первых историков-выпускников Казанского университета, рано умерших (Кондырёв в 35 лет, Юнаков – в 30 лет), отражали уровень преподавания российской истории в университете («Статистика русского государства» Кондырёва, «Взгляд на происшествия, к церкви российской относящиеся» и «Рассуждения об истории русского государства» Юнакова, и некоторые другие) не оставили заметного следа в историографии.

В 1814 г. П.С.Кондырёв, уже профессор истории и политической экономии университета, в торжественном заседании Общества любителей отечественной словесности указал на необходимость исследования истории народов, населяющих край, и родственных им народов, важную задачу сбора источников по их истории: *«Кроме общих предметов занятий, – заметил он, – мы имеем еще некоторые такие, кои ближе к нам по обстоятельствам и на кои можем иногда с пользою обращать внимание. Мы живем между многими иноплеменными народами, в древнем татарском царстве, в виду бывшей болгарской столицы. Татары, чувашы, черемисы, мордва, вотяки, зыряне окружают нас. Армяне, персияне, башкиры, калмыки, бухарцы и китайцы ближе к ним, нежели к другим обществам. Мы удобнее можем иметь, касательно языка или словесности их, сношения и из одного делать употребление. Как полезно собирать различные песни сих народов, сказания, записки, повести, книги, надписи и тому подобное и все сие еще весьма ново»¹*. Имя Кондырёва, однако, осталось в истории Казанского университета во многом благодаря его работе с 1807 г. в качестве помощника библиотекаря – профессора М.Л.Сторля (1761–1813). Сторль и Кондырёв проделали большую работу по формированию библиотеки Казанского университета из фондов библиотеки Казанской гимназии. Первая Казанская гимназия еще в 1798 г. по указу Павла I получила огромное собрание книг Г.А.Потемкина, которое в марте следующего года было доставлено из Екатеринославля в Казань на 18 подводках; тогда же библиотека получила книжное собрание секретаря Академии Художеств В.И.Полянского – друга и корреспондента Вольтера.

Парадоксально, но лучшие работы первых лет Казанского университета по истории нашего Отечества не имели отношения к кафедре российской истории. Началом развития отечественной историографии в стенах университета, разработки целых пластов истории нашей страны, доселе не поднятых и связанных с историей местного края и государств на его территории в далеком прошлом, университет обязан подвижникам – немецким ученым, приглашенным для преподавания в юный Казанский университет и принесшим в этот самый восточный российский центр просвещения многовековой дух и опыт европейской науки. Они считали важным делом изучение истории народа, среди которого жили.

Врач, профессор естественной истории и ботаники Карл Федорович Фукс (1776–1846), олицетворявший собой в первые годы существования университета, по выражению советского историка М.К.Корбута, весь медицинский факультет, отдал Казанскому университету 30 лет, а нашему городу – 40 лет жизни. К.Ф.Фукс получил назначение в Казанский университет в сентябре 1805 г. Он быстро овладел русским языком и читал на нем лекции. Поселившегося рядом с Татарской слободой (на Сенной площади) Фукса заинтересовала жизнь и история татар. Он стал и одним из первых казанских историков-краеведов. В 1817 г. он написал «Краткую историю г.Казани». Судьба этой работы необычна. Начав в 1817 г. печатать этот свой труд отрывками в «Казанских известиях», Фукс получил разрешение на печатание книги, которую намеревался выпустить в свет в том же году. По версии Н.П.Загоскина,

печатание отрывков в «Казанских известиях» столкнулось с препятствиями цензурного характера: оно было оборвано на сюжетах о восстаниях 1553–1584 гг., о колонизации и христианизации края, о пугачевском восстании. Рукопись книги также не поступила в набор. И лишь в 1822 г., воспользовавшись старым цензурным разрешением, К.Ф.Фукс издал свое детище, но книга сразу же стала библиографической редкостью и так и не поступила в продажу. Она была мало кому известна до того, как в 1905 г. редакция «Известий Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете» перепечатала эту книгу¹. До 1917 г. она выдержала еще три издания.

В своей «Истории» Фукс, используя многочисленные нумизматические, летописные источники, приводя выдержки из татарских рукописей, надгробных и иных надписей, описывал историю Казани с первых известных ему упоминаний времен царствования хана Золотой орды Тохтамыша; а также тщательно собрал сведения о доказанских поселениях в крае, основанных по свидетельству различных источников мордвой и марийцами. В ряде моментов Фукс выступает не только как историк, но и как очевидец (таким образом, книга его – не только историографический факт, но и важный источник по истории Казани начала XIX в.): так, он сообщает, что в 1807 г. в крепости (Казанском Кремле) был разрушен последний остаток татарской архитектуры – хан-ский дворец. В приложениях к книге Фукс приводил выписки из татарских преданий, список казанских ханов, письма Петра I казанскому купцу Михляеву, данные о постройке памятника погибшим при взятии Казани воинам и сведения о погребенных.

К.Ф.Фукс стал одним из первых казанских коллекционеров «восточных древностей» и документов. Собранный им нумизматическая коллекция представляла сотни монет стран Востока различных периодов, но в первую очередь – Волжской Булгарии и Золотой Орды (позже поступила в нумизматический кабинет Казанского университета, а оттуда – в Петербург). Фукс проявил большой интерес к архиву Казанского губернского правления, содержащему в своих фондах ценнейшие документы (в том числе грамоты царей с эпохи Ивана Грозного), и предложил казанскому губернатору Б.А.Мансурову организовать снятие копий с этих документов. Но получил отказ. В 1825 г. эти исторические документы сгорели во время городского пожара¹. Фукс собирал также и раскольничьи рукописи (благодаря его умению сходить с людьми и уметь им сочувствовать он нашел общий язык с некоторыми раскольниками, по некоторым сведениям, даже ходатайствовал за них²).

Дом Фукса и его жены – поэтессы и писательницы А.А.Фукс – в 30–40-е годы стал центром притяжения для интеллигенции Казани и приезжих в город ученых, писателей. В 1828 г. его посетил известный географ Александр фон Гумбольдт, в 1843 г. – знаменитый исследователь русского крестьянского быта и сельской общины Август фон Гакстгаузен, в 1845 г. – известный исследователь финских племен, профессор Гельсингфорского университета Матиас Александр Кастрен³. В 1833 г. в доме Фуксов побывал А.С.Пушкин, которому Фукс пообещал собрать материал о пребывании Е.Пугачева в Казани. Пушкину не привелось воспользоваться материалом, собранным Фуксом за четыре года. После смерти А.С.Пушкина А.А.Фукс написала на этом материале роман «Зюлима или Пугачев в Казани». Материал и рукописи, собранные Фуксом, практически все исчезли. Лишь часть собранного материала была опубликована на страницах «Казанских губернских ведомостей» и отдельным оттиском в 1843 г., как «Сказания старожилов о пребывании Пугачева в Казани и о состоянии ее в то время»⁴.

К.Ф.Фукс стал первым исследователем быта, жизни казанских татар и некоторых других народов, населявших Поволжье. В «Казанских известиях» в 1814–1815 гг., в журнале «Заволжский муравей» в 1834 г., в «Казанских губернских ведомостях» в 1843–1844 гг. им был опубликован ряд этнографических очерков: «Прием гостей у татар», «Курбан», «Сабан», «Рамазан», «Татарский праздник джин», «Татарская свадьба», «О татарских женщинах» и др. В 1844 г. он выпустил отдельной книгой работу «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении»¹. Эта книга в значительной степени повлияла на все последующие исследования в области этнографии казанских татар, стала важным источником по истории первой половины XIX в. Фукс описывал быт, обычаи, нравы, культурный уровень народа. Он приводил сведения о численности татарского населения Казани, темпах его прироста.

К.Ф.Фукс рассматривал множество аспектов повседневной жизни, быта и нравов татар в каждой из трех выделенных им групп – богатых, среднезажиточных и бедных. Так, он сравнивал положение в них женщин-мусульманок. Важны его заключения и наблюдения о культурном развитии татар, он отмечал высокий уровень грамотности и высокую степень авторитета образования, указывал на развитую музыкальную культуру. Фукс давал сведения о сети татарских школ и училищ, о типографии и издании татарских книг. В работе высказывались наблюдения о самосознании татар (гордятся болгарским происхождением, чтят предков), отмечают их моральные качества, чистоплотность, трудолюбие, гостеприимство. В своем исследовании Фукс приводил данные о торговле казанских татар, об известных купеческих фамилиях и их капиталах.

Историки оценивают эту работу как достаточно достоверный источник по истории Казани и татарского народа².

К.Ф.Фукс интересовался и жизнью других народов. Так, например, в 1826 г., освещая визит в Казань молодого хана Малой Киргизской Орды (речь шла о казахах, о Малом Жузе), Джеан-Гирея, Фукс сделал сообщение о ханах киргизской степи по обе стороны р. Урал, описал родословную ханов Малой Орды по

двум линиям³. В 1840 г. он опубликовал написанную вместе с женой книгу «Записки о чувшах и черемисах», основанную на статистическом материале и на данных личных наблюдений.

Живейший интерес к истории России проявлял и первый профессор Казанского университета, воспитанник Ростокского и Геттингенского университетов Петр Даниил Фридрих Цеплин (в России – Петр Андреевич) (1772–1832). Попечитель Казанского учебного округа С.Я.Румовский предложил Цеплину профессуру в Казанском университете еще до его открытия. Так в конце 1804 г. Цеплин занял кафедру всемирной истории, статистики и географии. Но будучи пылким противником режима Яковкина, ущемлявшего внутриуниверситетскую автономию, он был уволен в начале 1807 г. Однако конфликт Яковкина с Советом университета привлек внимание министра народного просвещения графа А.К.Разумовского к расстроенным делам Казанского университета. Кроме того, новый попечитель Казанского учебного округа М.А.Салтыков, заменивший умершего в 1812 г. Румовского, не склонен был поощрять режим Яковкина. Осенью 1813 г. Цеплин был утвержден ординарным профессором по кафедре дипломатики и политической экономии Отделения нравственно-политических наук.

Автор нескольких рукописных трудов по истории Ливонии, Цеплин, приехав в Казань еще в 1804 г., увлекся историей местных древностей. К сожалению, его рукописные труды – «Введение в российскую хронологию», «История ханов Золотой Орды», «История Казани» – затерялись во время его переезда в 1819 г. в Петербург. Однако следы его изысканий сохранились в работах его коллег и друзей – немецких ученых Х.Д.Френа и Ф.И.Эрдмана.

В конце 1806 г. перед своим первым увольнением из Казанского университета, Цеплин написал своему учителю – известному ростокскому ориенталисту профессору Олуфу Гергарду Тихсену о том, что в Казанском университете вакантна кафедра восточной словесности. По рекомендации Тихсена в 1807 г. кафедру восточных языков в Казанском университете занял его ученик, 25-летний профессор Христиан Мартин (в России – Христиан Данилович) Френ (1782–1851), основавший в Казани школу ориенталистов. По предложению Френа, в свою очередь, оставленную им в 1817 г. кафедру в 1818 г. занял также 25-летний профессор, воспитанник Ростокского и Геттингенского университета Франц (в России – Федор Иванович) Эрдман (1793–1863). Цеплин активно помогал младшим коллегам в исследованиях. Еще в 1813 г. в Петербурге он составил по просьбе Френа краткий историко-хронологический очерк истории Кипчакского царства, который Френ предполагал использовать в своей статье, а в 1817 г., уже вернувшись в Казань, Цеплин помогает профессору Эрдману в работе над статьей «Развалины Булгара», опубликованной в Веймаре в 1820 г. на немецком языке. Цеплин, всегда ратовавший за активное использование такого малоизученного, по его мнению, источника, как русские летописи, предоставил Эрдману массу выписок из русских летописей и замечания к ним¹.

Велики заслуги перед российской историографией – и не только перед ней – Христиана Мартина Френа, десять лет (с 1807 г. по 1817 г.) возглавлявшего кафедру восточных языков в Казанском университете. Три года спустя после его смерти, в 1854 г. в Петербурге (куда в 1817 г. Френ заехал по дороге домой в Ростов, да так и не смог расстаться с восточными рукописями и монетами, никем не разобранными и не изученными, лежавшими в петербургской Кунсткамере) русский ориенталист П.Савельев заявил: *«Мухаммеданская нумизматика как наука ему обязана своим настоящим развитием. Для России он открыл исторические источники как в летописях, так и в монетах Востока»*².

Х.Д.Френ преподавал в Казанском университете арабский и персидский языки (а для желающих – еврейский и сирийский), читал курсы палеографии и золотоордынской нумизматики³. Уже год спустя после своего приезда в Казань, в 1808 г., он издал здесь работу, где описал семнадцать не известных ранее восточных монет. Френ изучил казанские коллекции монет Фукса, Пото, другие коллекции. В 1813 г. он описал коллекцию Пото, содержащую до тех пор неизвестные монеты мусульманского Востока, ханов Золотой Орды и крымских Гиреев. На основе этих изысканий, изучения надписей на монетах он составил годом позже трактат «О титулах и почетных прозвищах ханов Золотой Орды» – первую работу на эту тему. Изучив в Казани более 400 видов монет Золотой Орды, многие из которых были открыты им, он восстановил имена и титулы ханов, представив почти полный ряд ханов, высказал ряд наблюдений о местоположении городов Орды, о происхождении некоторых русских слов. На основе исчерпывающего для того времени исследования джучидской нумизматики он подготовил к 1816 г. монографию, изданную в 1831 г. уже в Петербурге – «Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды», которая на несколько десятилетий осталась самым современным и полным трудом в этой области.

Х.Д.Френ одним из первых заинтересовался доордынской историей волжских болгар. В 1816 г., сопровождая государственного канцлера Н.П.Румянцева, он посетил развалины Булгара, написал труд в двух частях «О древнейшей монете волжских болгар» (1816; 1817), правда, вскоре он сам себя опроверг, открыв еще более древнюю монету¹.

Изыскания Френа, его преемника Эрдмана и других ученых создали в научном мире славу казанской школы ориенталистов, на базе которой позже возникнет знаменитый Восточный разряд. С 1812 г. сотрудником Френа был Ибрагим Хальфин (1778–1829) – учитель татарского языка в третьем поколении. В августе 1805 г. попечителем С.Я.Румовским было рекомендовано И.Хальфину заняться составлением новой грамматики татарского языка. В 1809 г. «Азбука и грамматика татарского языка с

правилами арабского чтения» И.Хальфина была напечатана в типографии Казанского университета. Два года спустя он стал лектором татарского языка в университете, сохранив также должность учителя татарского языка в Первой Казанской гимназии.

В 1823 г. Совет Казанского университета избрал Хальфина адъюнктом восточной словесности². Но он не только преподавал татарский язык, а еще проявлял интерес к истории. В 1822 г. он издал в Казани книгу о жизни Чингисхана и Тимурлана с большим количеством отрывков из различных восточных источников³.

Преподавание в Казанском университете Френа и Эрдмана оценивалось в литературе неоднозначно. Встречались обвинения и в присвоении Френом изысканий по татарской нумизматике Ибрагима Хальфина, и обвинения в научной несостоятельности в адрес Эрдмана⁴. Однако именно Френу и Эрдману Казанский университет, историческая наука обязаны созданием казанской школы ориенталистов, привлечением в исследованиях местной древней истории новых источников.

1819 г. в истории Казанского университета был годом, полным тревожных перемен. В январе 1819 г. умер первый ректор университета профессор И.О.Браун. А в марте в Казань приехал член Главного Правления училищ М.Л.Магницкий с предписанием министра духовных дел и народного просвещения князя А.Г.Голицына «обозреть» Казанский университет⁵. В августе назначенный к тому времени попечителем Казанского учебного округа Магницкий обнародовал в Совете университета результаты своей ревизии и меры, которые он намеревался предпринять. Ряд профессоров, среди которых были Цеплин и Яковкин, были уволены. Этим профессорским погромом началась так называемая эпоха Магницкого: его задачей было приведение преподавания в Казанском университете в соответствие с принципами акта Священного Союза¹. Эпоха эта продлилась до 1826 г., когда Магницкий был уволен после ревизии П.Ф.Желтухина.

Однако упрощением было бы утверждение, что попечительство Магницкого оказало исключительно негативное влияние на изучение отечественной истории в университете. Весьма примечателен и неожиданен для наших традиционных представлений о М.Л.Магницком и его взаимоотношениях с наукой документ, опубликованный в 1822 г. в «Казанском вестнике», сообщение о распоряжении Магницкого: *«Господин Попечитель изъяснив, что Казанский Округ заключает в себе самые исторические места нашего Отечества; что не можно сделать в нем ни одного шага, не встретив или следа тех тяжелых крестов, под которыми оно возрасало в мужа совершенна, или памятников его славы, всегда на вере отцов наших основанных, что Университет имеет все способы предпринять труд рассмотрения перед глазами его лежащих отечественных древностей с сей истинной точки зрения, предложил составить инструкцию для такового путешественника, который бы занялся собранием отечественных и татарских древностей в памятниках, рукописях, медалях и преданиях, от внимания историков наших укрывшихся...»*².

После изгнания Яковкина, при котором кафедра российской истории прозябала 15 лет, кафедру возглавил его ученик адъюнкт Владимир Яковлевич Булыгин (1789–1838), избранный уже два года спустя, в 1822 г., профессором. В 1821–1822 гг. на Отделении словесных наук преподавание распределялось по отделениям (курсам) таким образом (указано количество лекций в неделю)³:

В 1829–1836 гг. В.Я.Булыгин читал студентам отделения словесных наук и нравственно-политического отделения лекции по курсу «История России» на втором и третьем разрядах (курсах) два

раза в неделю, и «Российскую статистику» им же один раз в неделю, руководствуясь, по его собственным словам, работами Карамзина, Гейма и Зябловского¹. Булыгин в своих лекциях делил историю «...1. **на времена темные**, о коих сведения доставляют нам иностранные писатели, а особливо греческие... известия сии или неопределенные или даже баснословны; 2. **на времена исторические**, кои подразделить можно на две части: одна заключить должна времена до основания Российской Монархии, составляя так сказать введение в историю; а другая – все прочие времена исторические. В обоих случаях известия заимствованы будут из Российских летописей...»². «Исторические времена» в свою очередь подразделялись на пять периодов: 862–1015 гг. – «... от основания государства до смерти св.Владимира, где содержатся события приуготовляющие отечество наше к водворению в оном православной церкви», 1015–1224 гг. – второй период до нашествия монголов, подразделяемый надвое смертью Мстислава Великого, 1224–1462 гг. – период монголо-татарского ига, являющий «церковь, борющуюся с искушениями», период также делился Булыгиным надвое смертью Ивана Калиты, 1462–1613 гг. – четвертый период, также состоящий из двух периодов – до междуцарствия и после: «События сего времени являют церковь, борющуюся с опасностями внешними и внутренними», и, наконец, пятый период, разделяемый реформами Петра I, «показывает церковь успокоенную извне, устроенную и благоденствующую внутри...»¹.

Уже судя по этой периодизации истории России в зависимости от «состояния» церкви мы видим, что Булыгин был убежденным приверженцем монархии и православия. Умел он нравиться и Магницкому. В начале 1822 г. он получил благодарность от попечителя за преподавание русской истории, в конце того же года Магницкий восторженно отозвался по поводу представленного Булыгиным «благонамеренного» конспекта русской истории². Можно предположить, что во многом о «благонамеренности» Булыгина Магницкий мог судить по его речи в торжественном собрании университета 17 января 1822 г., в которой, вознеся хвалу достоинствам и благочестию российских государей и заявив, что он не знает другой истории, где бы «...все сословия подвизались так единодушно для блага Отечества...», Булыгин сокрушался, между прочим, что русские «...имели истинно доброе воспитание до времен Петра Великого, в царствование коего увеличившийся приход иностранцев сделал сильное влияние на образ мыслей наших праотцов... Однако ж, все старания, как сего Государя, так и его преемников, занять от иностранцев одно только полезное и доброе, не были увенчаны желаемым успехом...»³.

Работы Булыгина, среди которых несколько, посвященных жизни и быту народностей России⁴, не изменили, однако, существенно уровень исследований отечественной истории на кафедре российской истории. Но живой интерес к истории местного края стали проявлять ученые кафедр российской словесности и всеобщей истории. В 1825–1827 гг. профессор-словесник Григорий Степанович Суворцов (1786–1860) опубликовал свою «Вятскую историю», в которой наряду с историей местного воеводства и епископства, городов и заводов рассмотрел и результаты подушных переписей 1744 и 1764 гг. по губернии. А адъюнкт кафедры российской словесности Михаил Самсонович Рыбушкин (1792–1849) в конце 20 – начале 30-х годов выпустил работы по истории Казани и Свияжска¹, причем, если не считать так и не опубликованную к тому времени полностью «Историю Казани» К.Фукса, работа Рыбушкина по истории Казани стала первым крупным популярным исследованием, доступным широкому читателю. По свидетельству современников, лектором словесности Рыбушкин был весьма слабым. Однако он проявил себя как страстный краевед и журналист. С 1823 г. он работал в комитете, ведавшем изданием газеты «Казанский вестник» и «Прибавлений» к нему, с 1828 г. руководил изданием «Прибавлений». В 1832–1834 гг. вместе с адъюнктом М.В.Полиновским они издавали первый частный журнал в Казани «Заволжский муравей», который стал одним из лучших провинциальных журналов первой половины XIX в. Рыбушкин публиковал в этих изданиях свои статьи, написанные в результате изысканий автора в поездках в Булгары, Билярск, Верхний Услон, Старую Казань. Серия статей Рыбушкина, опубликованная в «Заволжском муравье», «История Казани со времени ее взятия Иваном IV» превратилась в вышедшую в 1834 г. книгу «Краткая история г.Казани» (2-е, дополненное ее издание вышло в 1848–1849 гг.).

Следует отметить, что источниковая база труда М.С.Рыбушкина отличалась от источниковой базы работы К.Ф.Фукса. Так, Рыбушкин не использовал материалы летописей, зато широко привлекал статистические данные, литературу, печать.

Первая часть его «Истории» доведена до взятия Казани Е.Пугачевым. Вторая часть описывала современную Казань первой половины XIX в. Помимо приводившихся сведений о населении города, Рыбушкин подробно описывал его состояние в градостроительном и архитектурном отношении, городскую промышленность и 166 предприятий, промыслы (выделяя отдельную главу пороховому заводу), торговый оборот Казани, составлявший 20 млн руб. Он характеризовал состояние учебных заведений, начиная с 1786 г. Специальная глава в книге Рыбушкина была посвящена нравам и обычаям жителей Казани, в которой самое большое внимание было уделено татарскому населению.

В 1835 г. М.С.Рыбушкин получил назначение на должность директора училищ Астраханской губернии. В Астрахани он написал книгу «Исторические записки об Астрахани», опубликованную в 1841 г. в Москве¹.

В 20-е годы профессор кафедры всеобщей истории, географии и статистики Василий Яковлевич Баженов (1787–1831) составил рукопись «Географо-статистическое описание Вятской губернии».

Благотворное влияние на усиление изучения отечественной и местной истории в Казанском университете оказала деятельность двух выдающихся ректоров университета – Карла Фукса, назначенного ректором в 1823 г., и сменившего его в 1827 г. Н.И.Лобачевского. В 1825 и 1827 гг. университет обогатился двумя замечательными собраниями монет – коллекциями Фукса и вдовы Пото, купленными соответственно за 12 и 7 тыс. руб.² В 1825 г. Совет Казанского университета, сочтя необходимым для научной работы ознакомление с последними достижениями науки за рубежом, дал профессорам Фуксу и Эрдману поручение «...составить предварительный список тех периодических изданий, которые считают нужным для составления Исторических обзоров успехов, сделанных в течение года каждою наукою в Европе»³, таким образом, в Казанском университете готовились первые библиографические обзоры.

Профессор Эрдман, бывший в 20-е годы деканом Словесного отделения, много занимался изучением восточных древностей, в том числе и местных. Ф.И.Эрдман издал в эти годы несколько сочинений об арабских и персидских рукописях, о которых высоко отозвался, например, профессор Петербургского университета О.И.Сенковский, заметивший, что одно из них – «примечание на персидскую рукопись Искендера Менезия о великом Аббазе» – открывает неизвестную специалистам рукопись, содержащую полезные сведения о российском посольстве 1605 г. к персидскому шаху⁴. В 1825 г. Эрдман предпринял экспедицию по Казанской, Оренбургской и Вятской губерниям в поисках восточных древностей и рукописей. Результаты своего путешествия он описал. Ознакомившись с этой рукописью Н.И.Лобачевский предложил перевести ее и сам взялся за перевод, который был опубликован в 1826 г. в «Казанском вестнике»⁵.

Ф.И.Эрдман предлагал создать в Казани «Восточный музей». Его всегда интересовала история и язык народа, среди которого он жил. В 1829 г. Эрдман представил Совету «мнение», где призывал изучать татарский язык и его ветви, бил тревогу, что язык изменяется и многое без изучения может быть потеряно безвозвратно. «Мнение» было одобрено, в конце того же года Эрдман представил нереализованную, впрочем, впоследствии программу для составления полного татарского словаря, в которой, между прочим, писал: «... чем темнее представляются нам иные части в языке, истории, древностях, литературе и географии поселившихся теперь татар в России, тем без сомнения достохвальнее для... Казанского университета, если оный... старается... рассеять... мрак»¹. Эрдман вплоть до своего увольнения в 1845 г. неустанно изучал местную историю, публикуя работы на немецком, латинском, французском языках. Некоторые из них выходили и на русском языке, такие, как, например, «О надгробных надписях в Болгарах» или «Историческое исследование о гуннах Абтале»².

В 20–30-е годы казанские ученые уделяли большое внимание местным источникам – нумизматическим, рукописным и надгробным надписям. Привлекали их внимание и малоисследованные в те годы русские летописи. О необходимости их изучать писал еще первый профессор Казанского университета П.А.Цеплин, выписки из русских летописей активно привлекал в своей научной работе Ф.И.Эрдман.

В 20-е годы выдержки из русских летописей казанские историки публиковали в «Казанском вестнике». Так, Г.С.Суровцов опубликовал в 1827 г. извлечение из Летописца Макарьевского Желтоводского монастыря о пребывании Петра Великого в Нижнем Новгороде и в Макарьевском монастыре в 1722 г.³ В 1823 г. «Казанский вестник» опубликовал отрывки из летописи о «первом Казанском взятии и о болгарских градах и о поведении великия Орды, на то же ходи первое князь Великий Юрий Дмитриевич»⁴.

В 1822 г. в нескольких книгах «Казанского вестника» вышли замечания Н.С.Арцыбашева (бывшего почетного смотрителя Чебоксарского уездного училища, несколько раз претендовавшего на ученую степень доктора русской истории в Казанском университете) на «Историю Государства Российского» Н.М.Карамзина. В них, в частности, известному историку пенялось на неполноту привлекаемых им летописных источников. Говоря о происхождении славян, Арцыбашев упрекал Карамзина, что, привлекая в работе Лаврентьевскую летопись, он упускает из виду Радзивилловскую, вследствие чего именуется уличей и тиверцев «лутици и тивирцы». Наряду с большим количеством других замечаний, Арцыбашев высказал замечания в защиту А.Л.Шлецера, критиковавшегося Карамзиным¹. Сам Арцыбашев в 1819 г. представил Совету Казанского университета на рассмотрение свою рукопись о древней русской истории «от начала России до кончины царя Ивана Васильевича» в четырех книгах. В отзыве Словесного отделения на его «Русскую историю», несмотря на похвалу сочинителю и замечание, что «... сочинение его, и после Истории г.Карамзина будет не излишним и полезным...», отмечалось в качестве существенных недостатков рукописи то, что автор использовал не все источники, описывал события по годам, подобно летописцу, «... а не по взаимной их связи», использовал при описании «некоторые частные случаи», его «слововыражения не всегда соответствуют благоденствию истории...»². Профессора Баженов и Булыгин замечали, что автор более занимался «критическими разысканиями»³, нежели написанием истории.

С середины 30-х годов XIX в. в жизни российских университетов произошли перемены, которые определили два документа. В 1835 г. было утверждено новое положение об учебных округах, расширившее права попечителя учебного округа и изъяввшее учебные заведения округа из подчинения университетам, подчинив их непосредственно попечителю. Университеты утратили значительную долю своих позиций как центры, руководившие просвещением целых регионов. Новый университетский Устав

1835 г. лишил российские университеты значительной части автономии, были исключены из преподавания многие предметы.

Согласно Уставу 1835 г. российские университеты имели философский, юридический и медицинский факультеты⁴. Отделение словесности в Казанском университете стало Первым отделением философского факультета (второе отделение было «естественным» физико-математическим). Отделение словесности подразделялось на два разряда: общей словесности и восточной словесности. По новому Уставу в Отделении словесности было учреждено одиннадцать кафедр: философии, греческой словесности и древностей, римской словесности и древностей, российской словесности и истории российской литературы, истории и литературы славянских наречий, всеобщей истории, российской истории, политической экономии и статистики, арабского и персидского языков, турецкого и татарского языков, монгольского языка¹.

В 30-е годы Казанский университет теряет ряд своих историков, занимавшихся историей России: в 1838 г. умер В.Я.Булыгин, в 1835 г. был уволен М.С.Рыбушкин; Г.С.Суровцов в 1831 г. переводится с кафедры российской словесности на преподавание всеобщей истории, но в 1840 г. увольняется.

Однако отечественная, местная история успешно изучается казанскими ориенталистами под руководством профессора Ф.Эрдмана. В 1826 г. по его представлению в Казанский университет был назначен лектором персидского языка выходец из персидских беков Мирза Мухаммед Али (Александр Касимович) Казем-Бек (1801–1870)². Став в 1831 г. адъюнктом восточной словесности, в 1835 г. он становится (до избрания профессором) членом-корреспондентом императорской Академии наук, и лишь в 1836 г. избирается профессором восточной словесности. Казем-Бек, вероятно, самый известный из казанских ориенталистов, работал в Казани до 1849 г., когда был переведен в Петербургский университет на кафедру персидской словесности.

Занимаясь историей восточных народов, изучая рукописи, А.К.Казем-Бек не упускал из виду точек соприкосновения истории России и стран Востока. Интересна история открытого письма Казем-Бека ректору Казанского университета Лобачевскому, написанного в 1835 г. Занимаясь изучением и объяснением рукописей историка Сейд Мохаммед Ризы «История семи планет» и «История Крымских ханов», Казем-Бек обратил внимание на то, что историк нигде не упоминает о походе крымцев на Астрахань и взятии ее в 1660 г. – о факте, приводившемся, по наблюдению Казем-Бека, в «Русской истории» Левека, в «Новом ядре Российской истории» Нехачина, в «Истории Малой России» Д.Н.Бантыша-Каменского, в «Дополнении к Деяниям Петра Великого» И.И.Голикова, в «Ядре Российской истории» князя А.Я.Хилкова (правильно – А.И.Манкиева. – С.М.). Изучив изложение этого факта в вышеперечисленных трудах, Казем-Бек обнаружил массу противоречий в их сообщениях, а также отсутствие каких-либо документальных подтверждений факта взятия Астрахани крымскими татарами в 1660 г.; не было свидетельств этого ни в «Собрании государственных грамот и договоров», подготовленном Н.Н.Бантышом-Каменским, ни в «Полном собрании законов Российской империи». Взятие «... должно оставаться сомнительным, – заявил Казем-Бек, – пока не отыщется хоть одно ясное историческое доказательство, которое бы вполне оправдало известия Голикова и князя Хилкова»¹. Казем-Бек сообщал, что Казанский университет получил разрешение от министра внутренних дел на то, чтобы студент Казанского университета Г.Матвеев, работающий учителем Астраханской гимназии, занимался в Архиве Астраханского губернского правления «разбором любопытных и еще неизвестных фактов, касающихся до того края...»². Нам неизвестны результаты разысканий студента Матвеева, но как бы то ни было, сама эта история с обнаружением непроверенного факта из российской истории, натолкнувшая казанского ориенталиста на необходимость внимательного изучения губернских архивов Астрахани, свидетельствует и об активном участии студентов Казанского университета в научном поиске.

В 1841 г. магистром восточной словесности Казанского университета стал его выпускник Илья Николаевич Березин (1818–1896)³. В последующие несколько лет Березин путешествовал по Востоку, посетив Персию, Месопотамию, Малую Азию, Сирию, Египет, побывав в Константинополе, в Крыму. Вернулся он в 1845 г., и уже в марте 1846 г. был определен экстраординарным профессором по кафедре турецко-татарского языка.

Но Н.И.Березин большое внимание уделял и отечественным восточным древностям. С 1849 г. он был директором университетского минц-кабинета. В 1852 г. изучал болгарское городище, результатом его исследований стала работа «Булгар на Волге» (Казань, 1853), опубликованная вначале в третьей книге «Ученых записок Казанского университета» за 1852 г. «Судьба этого царства, – писал Березин, – когда-то состоявшего в близких торговых сношениях с руссами, должно необходимо найти себе место в древней истории России»⁴. Березин считал, что в результате всех исследований о Булгарском государстве имеется больше вопросов, чем ответов на них. Историк описал в своей книге развалины Булгара, заявив, что сохранившиеся остатки Булгара принадлежат «мусульманской эпохе» – с X по XV столетие. Описал он и некоторые болгарские древности, а также дал краткий очерк истории ислама в Булгаре. Березин исследовал также филологические источники – болгарские надписи, многие из которых были утрачены к тому времени, но сохранились в записи ориенталистов. Весьма интересно Березин пытался определить год нашествия монгол на Булгарию: он обратил внимание на то, что в болгарских надгробных надписях один из годов обозначался не цифрами, а фразой «пришествие угнетения».

Сложив цифровые обозначения букв, составляющих это болгарское выражение¹, Березин получил год – 623 по хиджре, или 1226 г. «Этот год, – заявил Березин, – ясно указывает на нашествие монголов, хотя исторических документов на это не имеется»².

Исходя из этих своих расчетов, И.Н.Березин подверг сомнению дату битвы на Калке, указываемую Н.М.Карамзиным и С.М.Соловьевым – 1224 г., но определить дату битвы верно не смог, относя ее также к более позднему сроку, чем она в действительности произошла: он считал, что битва могла иметь место между концом 1224 и 1225 гг.³ Но Березин сделал все же интересный вывод: «... основываясь на указании болгарско-казанских эпитафий, – писал он, – я принужден заключить, что Субудай, монгольский полководец, после разбития русских (на Калке. – С.М.), поворотил на Булгарию и здесь произвел опустошения, о которых, по неважности болгарской экспедиции в исполнинских походах монголов, восточные писатели выражаются неточно, а русские летописцы были заняты тогда лишь бедствиями собственной страны»⁴.

И.Н.Березин выступал за как можно более широкое использование филологических источников для открытия и уточнения фактов истории. Например, он предлагал определять территорию Золотой Орды по многочисленным филологическим указаниям, например, по современным ему названиям, в которых содержалось видоизмененное прилагательное «сары» – «желтый», по имени Золотой (Желтой) Орды⁵. Изучая тарханские ярлыки, Березин составил уникальную таблицу ордынских чинов, званий, сословий, налогов и податей. В 1855 г. И.Н.Березин был переведен в Санкт-Петербургский университет при переводе в него Восточного разряда из Казанского университета. Спустя 8 лет в Петербурге он защитил докторскую диссертацию о внутреннем устройстве Улуса Джучиева.

После смерти профессора Булыгина в 1839 г. кафедру российской истории занял профессор Николай Алексеевич Иванов (1813–1869)¹. Иванов читал два курса (общих) по истории России: «Историю России» и «Русские древности». Вначале, до 1841 г. студенты II, III и IV курсов юридического факультета и Первого (словесного) отделения философского факультета слушали по четыре часа в неделю «Историю России» в течение первого полугодия, а «Русские древности» – в течение второго полугодия. Кроме того, Иванов читал студентам I, II, III и IV курсов тех же факультетов всеобщую историю 5 часов в неделю².

В марте 1842 г. Н.А.Иванов направил донесение в первое отделение философского факультета, где предложил перестроить обучение, ограничив изучение общей истории на юридическом факультета разряда Восточной словесности двумя годами, а студентов разряда Общей словесности обучать истории все 4 года. Он писал: «По существовавшей доселе расположению лекций Общей истории, студенты 1, 2, 3 и 4 курсов в разряде Общей словесности, 1, 2 и 3 курсов в разряде Словесности Восточной, и студенты всех курсов Юридического факультета, слушали этот предмет в одно время. Но трехгодичный опыт вполне убедил меня, что такое соединение молодых людей, имеющих совершенно различные цели образования, весьма затрудняет само преподавание... преподавание Общей истории должно происходить в следующем порядке:

Студенты 1 и 2 курсов разряда Восточной Словесности и Юридического факультета слушают вместе:

В 1-й год – Историю Древнюю, по 2 часа в неделю.

Во 2-й год – Историю Средних Веков и Новую...

Студенты всех курсов разряда Общей Словесности слушают также вместе:

В 1-й год – пропедевтику истории... 3 ч. в неделю.

Во 2-й год – Древнюю Историю: число часов то же.

В 3-й год – Историю Средних Веков, столько же часов еженедельно.

В 4-й год – Новую историю, по 3 же часа в неделю»¹.

В 1841 г. II и III курсы Первого отделения философского факультета и юридического факультета слушали российскую историю по три часа в неделю весь год, а IV курс разряда общей словесности Первого отделения философского факультета и IV курс юридического факультета слушали весь год «Русские древности» по часу в неделю. Кроме того, студенты I, II, III и IV курсов этих факультетов слушали у Иванова (5 часов в неделю) «Новую историю», а студенты III и IV курсов – еще и «Историю философии» (1 час в неделю)². С 1851–1852 гг. Иванов читал российскую историю студентам-словесникам II и III курсов и студентам-юристам I и II курсов по шесть часов в неделю, а словесникам IV курса – «Русские древности» по два часа в неделю³. О характере преподавания Ивановым российской истории дает представление программа его курса, представленная им в 1852 г., в которой он, в частности, заявил, что «дух и направление преподавания вполне проникнуты сознанием справедливости мысли, что Отечественная История есть охранительница и благодетельница общественного спокойствия, которую неоднократно высказывал незабвенный ревнитель отечественного, истинно русского просвещения Граф Сергей Семенович Уваров»⁴, и указывал в качестве источников, которыми он руководствовался при подготовке своего курса, на сочинения Устрялова, Погодина и Соловьева.

Н.А.Иванов читал в Казанском университете помимо вышеназванных курсов еще и всеобщую историю, историю философии, специальные дисциплины – русскую историографию, историю реформ начала XVIII в., историю Московского государства второй половины XV – начала XVII вв. Кроме того,

Иванов был первым серьезным инициатором публичных лекций в Казанском университете, которые получили распространение с 40-х годов. В 1839–1840 гг. он читал публичный курс русской истории, в 1843–1844 гг. – серию публичных лекций о Петре I, в 1844–1845 гг. – публичные лекции по периоду российской истории от смерти Петра I до восшествия на престол Екатерины II⁵. Иванова вообще очень привлекала политическая история России, исторические личности.

По мнению Д.А.Корсакова, известного историка, выпускника Казанского университета, период 1839–1850 гг. был лучшим периодом научной деятельности Иванова, в 50-е годы его талант претерпевает изменения, в лекциях усиливается компилятивный элемент. Современники оценивали способности Иванова по-разному. Историк К.Н.Бестужев-Рюмин отмечал его многосторонний ум, громадную память и дар слова. Он считал, что многочисленные курсы, которые читал Иванов, отвлекали его от научных занятий.

По мнению Корсакова, у Иванова был хороший замысел – связать русскую историю и историю славянства с всеобщей историей: *«Обзор судьбы славян начинается с очерка миров римского и «варварского», – отмечал Корсаков, – и, переходя через эпоху великого переселения народов, останавливается на более подробном рассмотрении первоначальной истории славянских племен с VI в. по Р.Х., и на образовании государства у славян западных, южных, восточных»*¹.

К.Н.Бестужев-Рюмин отметил как лучшее сочинение Н.А.Иванова его книгу «Россия», высоко оцененную П.И.Шафариком, но погребенную для русского читателя рецензией О.М.Годянского. Книга эта («Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях. Ручная книга для русских всех сословий») была издана в Санкт-Петербурге в 1835–1837 гг. под весьма одиозным именем Ф.В.Булгарина, однако разделы по истории России в ней были написаны Ивановым². Изложение событий в «России» доводилось до смерти Ярослава Владимировича. Иванов хотел перестроить изложение русской истории. *«Он первый, – писал Бестужев-Рюмин, – поставил ее в среду истории других славянских народов и связал с общею историей Европы»*³.

Некоторые исследования Н.А.Иванова касались истории местного края, Казанской губернии, Казани. В 1846 г. управляющий Казанской губернией возложил на профессора Иванова – члена Казанского статистического комитета руководство деятельностью временного отделения при Статистическом комитете. Отделение должно было «обозреть» все губернские и уездные архивы, описать памятники казанской истории и написать историю Казани. По причинам, связанным с изменениями в губернской администрации, Комитет не сумел довести эту работу до конца, успев «обозреть» лишь некоторые города Казанской и Нижегородской губерний⁴. В 1853 г. Иванов был членом комиссии для составления истории Казанского университета по случаю его 50-летия, которое отмечалось в 1854 г.

С начала 50-х годов XIX в. в российских университетах наметилась тенденция к более узкой специализации образования. 26 января 1850 г. высочайшим повелением философский факультет Казанского университета был разделен на два самостоятельных факультета: историко-филологический и физико-математический¹. А уже с середины-конца 50-х годов историко-филологические факультеты российских университетов подают предложения еще более специализировать образование и разделить историко-филологические факультеты на исторические и филологические. С таким предложением обращался к попечителю Киевского учебного округа в 1858 г. историко-филологический факультет Университета св.Владимира². Обсуждался этот вопрос и в Казанском университете.

В 50-е годы преподавание и изучение российской истории в Казанском университете становится на новый уровень. *«Университеты русские, наравне со всем обществом, оживились с 1855 г., – писал Д.А.Корсаков в 1898 г. – Уничтожение стеснительных правил, введенных в университеты после европейских событий 1848 г., ...являлись преддверием еще больших ослаблений прежних университетских порядков, ослаблений, быстро следовавших одно за другим, начиная с 1856 г.»*³. В 50-е – начале 60-х годов в Казанском университете работала целая плеяда молодых исследователей истории России, ученых-историков с передовыми общественными взглядами.

В 40–50-е годы начал свою деятельность в Казанском университете будущий автор книги по истории первых лет Казанского университета Николай Никитич Булич (1824–1895), возглавлявший с 1853 г. по 1860 г. кафедру русской словесности, и уволившийся в феврале 1860 г. по политическим мотивам, но вновь назначенный в университет в начале 1861 г.⁴

Кроме Булича в ряду молодых ученых можно отметить С.В.Ешевского, читавшего курс лекций по русской истории вместо Н.А.Иванова с 1855 г., Н.А.Попова, назначенного исправляющим должность адъюнкта по кафедре русской истории по рекомендации Ешевского, А.П.Щапова, приглашенного в университет по рекомендации Попова осенью 1856 г. Последний из них – Щапов, впрочем, открывает качественно новую страницу в отечественной историографии и в истории изучения истории России в Казанском университете. Деятельность их в Казанском университете ограничивалась несколькими годами: Ешевского – двумя (конец 1855 – лето 1857 гг.), Попова – тремя (осень 1857 – лето 1860 гг.), Щапова – полугодием (осень 1860 – апрель 1861 гг.), и Казанский университет был лишь этапом на пути их становления как историков и общественных деятелей. Но их деятельность оказала большое влияние на состояние изучения и преподавания российской истории в университете, поколебав традиционный взгляд на историю России.

Бывший студент Казанского университета Степан Васильевич Ешевский (1829–1865) приехал в Казань вторично в 26-летнем возрасте, окончив Московский университет, где он учился у Т.Н.Грановского, П.Н.Кудрявцева, К.Д.Кавелина, С.М.Соловьева; имея опыт преподавания в Московском Николаевском институте, в Ришельевском лицее Одессы. Ешевский, защитив магистерскую диссертацию по всеобщей истории, должен был продолжить курс русской истории Иванова. *«Аудитория Ешевского была всегда переполнена слушателями, – писал Д.А.Корсаков, – несмотря на тихий, болезненный голос и невозможное косноязычие профессора»*¹, на его лекции стекались даже студенты медицинского факультета². В 1855–1856 гг. Ешевский читал студентам второго и третьего курсов русскую историю с воцарения Елизаветы Петровны, позже этот курс лекций не раз публиковался. Ценность его состояла в том, что этот период российской истории тогда еще не был разработан исследователями, курс читался до выхода очередного тома «Истории России с древнейших времен» С.М.Соловьева по этому периоду русской истории. Ешевский использовал при подготовке курса в основном «Полное собрание законов Российской империи», мемуары русских и иностранных авторов той эпохи. Период от смерти Петра I до воцарения Екатерины II он обозначил как период «истории частных лиц», временщиков, «борьбы известных партий, придворных интриг и трагических катастроф»³. Лучшие начинания Петра Великого, писал Ешевский, *«... оставались без исполнения; его планы подвергались изменениям иногда в смысле совершенно противном... В Полном Собрании Законов мы находим 3830 указов в период времени от смерти Петра до вступления Елизаветы, 800-ми больше, нежели во все царствование великого преобразователя, и напрасно, однако, мы будем искать в этой огромной массе правительственных распоряжений какого-нибудь общего плана, какого-нибудь господствующего направления»*¹. В своем курсе Ешевский касался и экономического положения сословий, истории колонизации.

От своего предшественника по кафедре С.В.Ешевский унаследовал еще один курс – «Русские древности», читать который в 1855–1856 гг. не нашел необходимым. 18 января 1856 г. в своем донесении в историко-филологический факультет он изложил причины такого решения: *«...Заняв кафедру Русской истории в половине академического года, я нахожу неудобным начать чтение Русских древностей в настоящем году по следующим соображениям: 1. третьего курса историко-филологического факультета не существует вовсе, а четвертый весь состоит из одного студента. 2. ...Я желал бы составить свою собственную программу, расположив чтение на два года, или, читая каждый год, особенный специальный курс о какой-нибудь части древностей, а не подчинять себя программе г.проф.Иванова, что я принужден был бы сделать, начав чтение в нынешнем втором полугодии академического года...»*². Кстати, малочисленность студентов на историко-филологических факультетах было явлением, характерным в те годы для всех университетов России. Так, выпуск историко-филологического факультета в Московском университете в июне 1863 г. составил всего 12 студентов³. Такое положение во многом было обусловлено загроможденностью и излишней усложненностью программ историко-филологических факультетов. Факультет удовлетворил просьбу Ешевского, и курс «Русских древностей» он начал читать четверокурсникам в 1856/57 учебном году по два часа в неделю⁴. К этому же академическому году Ешевский подготовил и прочел обзор русской историографии от «Хроники» игумена Феодосия Сафоновича до работ С.М.Соловьева и К.Д.Кавелина, разбору которых он уделил особенно пристальное внимание.

Этой же зимой С.В.Ешевский прочитал три лекции, опубликованные после его смерти под названием «Русская колонизация Северо-Восточного края». А в 1857 г. он прочитал в Казанском университете публичную лекцию об историческом значении русской колонизации в Поволжье.

Но деятельность Ешевского в Казанском университете не ограничивалась только лекциями. Еще со студенческих времен он увлекся собиранием древностей – из Казани он вывез тогда небольшое собрание монет и маленькую библиотечку по нумизматике. Теперь его стараниями при университете был организован археолого-этнографический музей. Ешевский собрал большую коллекцию болгарских и пермских древностей, последние он даже описал в «Пермском сборнике».

Наряду с собиранием древностей С.В.Ешевский вывез из Казани несколько масонских книг и рукописей, ставших началом его масонской коллекции, на основе изучения которых он позже опубликует в «Русском вестнике» две статьи: о Н.И.Новикове и о московских масонах 80-х годов XVIII в.; он даже предполагал взять проблему масонства предметом своей докторской диссертации¹.

Но Ешевского всегда больше интересовала история Запада, что отразилось и на его преподавании российской истории. Он даже предлагал М.И.Славянскому, занимавшему кафедру всеобщей истории (Славянский в свое время защищал магистерскую диссертацию по российской истории), поменяться кафедрами, но он отказался. Осенью 1857 г. Ешевский уехал в Москву, где преподавал в Александровском сиротском корпусе и Московском университете.

Курс С.В.Ешевского по русской истории продолжил в 1858/59 академическом году Нил Александрович Попов (1833–1891)², исполнявший должность адъюнкта. Молодой выпускник Московского университета, в своих лекциях он во многом следовал идеям своего учителя С.М.Соловьева. Попов продолжил чтение русской истории третьему и четвертому курсам историко-филологического факультета и второму курсу юридического факультета с конца XVII в., т.е. с того периода, на котором остановился С.В.Ешевский³.

Кроме того, Попов в 1860–1861 гг. читал и специальный курс для студентов тех же курсов – «История Малой России, Литвы и Польши за XV–XVII столетия»⁴.

Н.А.Попов наработал в Казани большой материал по местной истории и современной жизни Казани и края. Так, он исследовал деятельность Казанского Общества любителей отечественной словесности¹, изучал в библиотеке Казанского университета дела Казанского адмиралтейства и опубликовал результаты своих исследований, касающиеся времен Петра I и морского дела в России². В Казани молодой историк готовил и магистерскую диссертацию о В.Н.Татищеве, защищенную им уже в его бытность в Московском университете, которому он отдал 28 лет своей жизни и научной деятельности.

Н.А.Попов отличал интерес к личностям в российской истории, а также к влиянию эпохи на формирование исторической личности. Интересны в этом плане его размышления по поводу вышедшей в 1857 г. в Казани книги С.Д.Горского «Жизнь и историческое значение князя А.И.Курбского». Мысли его о биографическом элементе в истории звучат на редкость современно. Попов выступал против одностороннего взгляда на деятельность исторических личностей, отмечая, что у Карамзина односторонность взгляда на деятельность Ивана Грозного привела и к односторонности его суждений о Курбском. *«История не может судить своих героев на основании идей, с которыми они не были знакомы, – писал Попов, – ...автор (Горский. – С.М.) впадает в недостойную историка роль уголовного судьи своего героя: ведет против него следственный процесс»³, «...уголовная точка зрения неприложима к истории»⁴.*

В эти первые десятилетия существования Казанского университета силами иностранных ученых, работавших в нем, а также местных исследователей, многие из которых сами вышли из стен университета, были сделаны первые шаги в изучении и преподавании отечественной истории, начата разработка целых неподнятых пластов истории местного края, востока России, было введено в научный оборот большое количество нового материала по истории России, востребованы мало использовавшиеся до того времени филологические, летописные, нумизматические и иные источники, предложено собственное видение некоторых событий из истории России. Эти первые исследования историков Казанского университета заложили базу и традиционные направления в изучении отечественной истории в Казани в последующие годы.

ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ КАЗАНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв. 1860–1917 гг.

Развитие исторической науки в Казанском университете во второй половине XIX в., как и во всех основных научных центрах России, претерпело существенные изменения, так как произошли определенные сдвиги в общественно-экономической и политической жизни страны. Кроме того, изменились и условия для развития науки: университет-ский Устав 1863 г. открыл большие возможности для развития научных концепций на исторических кафедрах российских университетов, а также во многом способствовал улучшению университетского исторического образования в России.

Открываются научные исторические общества, создаются губернские архивные комиссии, регулярно стали проводиться археологические съезды, способствовавшие значительному росту исследований в области местной истории и разработке вопросов истории культуры.

Усиливается специализация и дифференциация исторической науки. Так, окончательно оформляется в особую область история государства и права, где находят наиболее полное воплощение теоретические и методологические принципы «государственной школы», постепенно эволюционирующей в чисто «юридическую школу».

Возрастает интерес к социальным и экономическим проблемам прошлого, наглядно свидетельствуя, что время безраздельного господства политической истории в науке прошло. Вместе с тем сохраняет свое ведущее положение теория «государственной школы», поэтому явления социальной и экономической истории рассматриваются еще как следствие, как проявление деятельности государства либо же просто эмпирически описываются.

Ведущее значение в науке приобретает жанр исследовательской монографии, посвященный одному, порой даже совсем частному вопросу и основанный на максимально полном и глубоком изучении источников по этому сюжету.

Меняется проблематика исторических работ. Они посвящаются все более глубокому исследованию отдельных вопросов истории прошлого. Это касается не только «вертикальных» ответвлений исторической науки (история экономического развития в его разных проявлениях, государственных учреждений, правовых норм, история литературы в широком смысле этого слова), но и изучения отдельных регионов. Насколько эти тенденции, характерные для развития российской историографии пореформенного периода в целом, проявились в трудах казанских историков мы и постараемся рассмотреть в данной главе.

Анализ исторических воззрений отдельных ученых-историков Казанского университета уже имеется в ряде исследований¹, однако все эти материалы разбросаны по различным публикациям, что не дает

возможности представить в целом процесс развития исторической науки в Казанском университете в пореформенный период. К тому же картина развития исторической науки в нем в пореформенный период вряд ли будет полной, если ограничиться только анализом исторических взглядов казанских историков, оставив вне поля зрения структуру и характер исторического образования в Казанском университете в эти годы. Именно этим и объясняется во многом то, что данная глава открывается небольшим очерком, посвященным характеру и структуре исторического образования, тем более что данный аспект развития исторической науки в России по сути дела еще не исследовался.

Вся учебно-методическая и преподавательская деятельности в университетах России тех лет определялась положениями университетских уставов 1863 и 1884 гг. Причем в основном Устава 1863 г., так как в Устав 1884 г. были внесены изменения, касающиеся не столько организации учебного процесса, сколько деятельности администрации, а также автономии университетов. Устав 1884 г. привнес жесткую регламентацию в деятельность администрации университета и жизнь студентов, причем это регламентирование порой доходило до абсурда. Так, например, расписание учебных занятий на факультетах должно было быть заверено самим попечителем учебного округа. Однако если не принимать во внимание жесткую регламентацию университетской жизни: лишение права Совета университета избирать ректора, назначать и увольнять профессоров, деканов, утверждение министерством состава экзаменационных комиссий, определение министерством объема учебной нагрузки преподавателей, разгон студенческих землячеств, ужесточение инспекционного надзора и т.д., то в плане учебно-методической работы каких-либо особых изменений Устав 1884 г. не вносил. Поэтому можно с полной категоричностью утверждать, что именно Устав 1863 г. во многом сформировал и определил пути развития высшего, в том числе и исторического образования в пореформенной России.

Так, согласно университетскому Уставу 1863 г. на историко-филологическом факультете должно было быть три отделения: 1) классическое, 2) славяно-русское и 3) историческое. Историко-филологическому факультету полагалось иметь 11 кафедр: философии, греческой словесности, римской словесности, сравнительной грамматики индоевропейских языков, истории русского языка и русской литературы, истории всеобщей литературы, славянской филологии, **всеобщей истории, русской истории, церковной истории, теории и истории искусств**¹.

Как видим, из 11 кафедр лишь 4 кафедры (всеобщей истории, русской истории, церковной истории, теории и истории искусств) имели непосредственное отношение к истории. На весь факультет полагалось иметь не более 12 ординарных и 5 экстраординарных профессоров, что же касается приват-доцентов и лекторов, то их число не ограничивалось уставом, так как в бюджет университета оплата труда приват-доцентов не закладывалась и Совет университета сам определял какое их число и на каком факультете необходимо иметь для того, чтобы обеспечить учебный процесс. Оклад же приват-доцента, в отличие от других сотрудников и профессоров университета, определял Совет университета, который исходил при этом из средств, имевшихся в университетской казне.

Согласно Уставу 1884 г. на историко-филологическом факультете полагалось к ранее существующим иметь еще и кафедру географии и этнографии, к сожалению, эта кафедра была открыта в Казанском университете лишь в 1888 г.

Таким образом, все преподавание отечественной истории в Казанском университете обеспечивала по сути дела лишь одна кафедра – кафедра русской истории, на которой, как правило, работали 2–3 человека (1–2 профессора, 1 приват-доцент). Причем за весь пореформенный период лишь пять человек были преподавателями этой кафедры: А.П.Щапов (1860–1861 гг.), Н.А.Фирсов (1861–1896 гг.), Н.Я.Аристов (1867–1869 гг.), Д.А.Корсаков (1872–1912 гг.), Н.Н.Фирсов (1891–1917 гг.). Как видим, почти весь этот период отечественную историю преподавали в основном два историка: профессора Н.А.Фирсов и Д.А.Корсаков. Правда, необходимо подчеркнуть, что подобное обстоятельство не является из ряда вон выходящим, так как и в Московском университете курс отечественной истории более 30 лет читался С.М.Соловьевым, а с 1879 г. по 1911 г. – В.О.Ключевским.

Что же касается содержания курса по русской истории, то его программа разрабатывалась Министерством народного просвещения и рассылалась по университетам. Однако факультет имел право вносить свои изменения в эту типовую программу. Причем следует иметь в виду, что общий курс по русской истории читался одновременно для всех студентов I и II курсов как историко-филологического, так и юридического факультетов.

Кроме того, в начале учебного года преподаватели должны были представить в Совет факультета программы всех курсов, которые они предполагали читать в предстоящем учебном году.

Так, из донесения профессора Д.А.Корсакова¹ мы видим, что в 1895/96 учебном году он намеревался читать в осеннем полугодии для студентов I и III семестров общий курс по русской истории по 3 часа в неделю. В своих лекциях он намеревался осветить историю России с IX в. до конца XVII в. Студентам же V и VI семестров исторического отделения Корсаков предполагал прочесть специальные курсы по историографии и по истории Смутного времени. Наряду с этим он предполагал проводить и практические занятия со студентами историками (1 час в неделю). Практические занятия, как видно из донесения, представляли собой анализ документов из исторических источников периода Смутного времени. Кроме того, как писал Д.А.Корсаков, *«студентам будут предлагаться письменные работы по разбору источников»*².

В весеннем же семестре Д.А.Корсаков предполагал читать общий курс по русской истории (3 часа в неделю) уже для студентов II и IV семестров. Причем в этом курсе он предполагал осветить события, которые произошли в России в XVIII–XIX вв. Вместе с тем Корсаков намеревался прочитать в этом же полугодии специальный курс для студентов VII и VIII семестров (2 часа в неделю), а также вести практические занятия (1 час в неделю)³.

Таким образом, мы видим, что требования Устава 1884 г. о шестичасовой нагрузке в неделю для преподавателя соблюдались довольно-таки строго.

К донесению преподавателя в Совет факультета традиционно обязательно прикладывался и рекомендательный список литературы. Так, по общему курсу русской истории Д.А.Корсаков рекомендовал студентам следующие сочинения: Н.М.Карамзин «История государства Российского», С.М.Соловьев «История России с древнейших времен», К.Н.Бестужев-Рюмин и Д.И.Иловайский «Руководство к русской истории», П.В.Знаменский «Руководство к русской церковной истории». В то же время по специальному курсу, посвященному истории Смутного времени, он не указывал ни конкретных источников, ни исследований историков по истории этого периода, а записал буквально следующее, что он рекомендует студентам *«как общие учения, сочиненные по истории Смутного времени, так и монографии»*¹.

В конце же донесения Корсакова стоит традиционная для подобных документов фраза: *«Совещательные часы и беседы со студентами по вторникам с 7 часов вечера у меня на дому»*².

Как видно из этого учебного плана профессора Д.А.Корсакова, занятия на историческом факультетском отделении строились на основе «предметной» системы. Так, в осеннем полугодии Корсаков читал общий курс по русской истории сразу для студентов I и III семестров, причем студенты I семестра – это филологи, а III семестра – это историки, что зачастую приводило к тому, что студенты-историки аккуратно посещали занятия и сравнительно легко получали зачет по данному предмету, а только что поступившим студентам-филологам приходилось гораздо труднее усваивать учебный материал.

Все учебные дисциплины, преподаваемые студентам историко-филологического факультета, делились на общефакультетские и специфические. Общефакультетские предметы слушались всеми студентами факультета в течение первых четырех семестров. К числу этих предметов относились: логика, психология, введение в языковедение, греческий, латинский, история древней философии, богословие, новый язык (по выбору). Причем в чтении этих дисциплин соблюдался определенный порядок. Так, вначале преподавались общеполитико-философские предметы: психология, логика, введение в философию, а затем уже читались история древней философии, а на историческом отделении еще и история новой философии.

Очень жесткие требования предъявлялись к овладению студентами греческим и латинским языками. Студенты, поступившие на историко-филологический факультет без испытания в знании элементарного курса греческого языка, к концу четвертого семестра уже должны были сдать экзамены на знание произведений как греческого, так и латинского авторов.

Все специфические предметы делились в свою очередь еще на две группы: обязательные и специальные. В частности на историческом отделении студентам читались следующие обязательные дисциплины: методология и философия истории, история Древнего Востока, история Древней Греции, история Древнего Рима, история средних веков, история нового времени, русская история, история славян, история Византии, история русской литературы, история западноевропейской литературы, история искусства, а также русская историография (как отдел общего курса или как спецкурс). Кроме того, студентам рекомендовались и другие учебные предметы: политическая экономия, история педагогических учений.

Распределялись все эти учебные предметы по семестрам следующим образом: на протяжении первых четырех семестров читались методология и философия истории, история Древнего Востока, Греции, Рима, история средних веков, новая история и, разумеется, русская история, а также история русской литературы. Специальные же курсы по этим предметам, а также курсы по истории славян, истории Византии, истории церкви, истории западноевропейской литературы, истории искусства читались с V семестра.

Наряду с этим студент-историк обязан был в течение каждого семестра участвовать в практических занятиях как по всеобщей, так и по русской истории. Причем практические занятия рекомендовались, как правило, в качестве факультативных.

По всем предметам существовала единая форма отчетности – экзамены. Перед экзаменом проводились так называемые репетиции, по результатам которых преподаватель решал допускать студента к экзаменам или нет. Так, в общей ведомости о репетициях в декабре 1875 г. сообщается о нескольких студентах, не допущенных к испытаниям. Причем почти все эти студенты были не допущены к экзаменам за пропуски занятий по неуважительным причинам¹. И вообще следует отметить, что студент допускался к экзамену по предмету лишь в том случае, если он полностью прослушал курс лекций, на который должен был предварительно записаться, а также, если выполнил обязательные по этому предмету практические задания.

Для испытания по каждому предмету факультет назначал три срока: в сентябре, в январе, а также в апреле-мае. В случае же, если студент не выдерживал испытания в назначенный срок, он имел право явиться для испытания еще раз, в один из двух ближайших сроков. Причем, если студент в первый раз не смог сдать экзамен, то оценка ему обычно не выставлялась. Студент, даже дважды не выдержавший испытания, имел право сдавать экзамен еще, но уже в последний раз и не ранее, как через год после повторной неудачи на экзамене.

Кроме того, на третьем и четвертом курсах студенты-историки проходили обязательную учебную практику в классической гимназии под руководством преподавателя университета. Вначале студенты посещали уроки учителя гимназии, а затем по соглашению с преподавателем университета выбирали тему для урока. Пробный урок обычно давался в присутствии всех студентов, проходивших в этот момент практику в гимназии, а также руководителя практики. От студентов, проводивших уроки, требовалось ясное и сжатое изложение основных главнейших фактов по избранной ими теме «сообразно пониманию учеников гимназии»¹. Пробный урок обычно делился на две части: в первой части студент излагал свою тему, а во второй – выслушивал замечания своих коллег и преподавателя.

Для получения диплома (факультетского свидетельства) об окончании университета студент должен был сдать экзамены по всем основным и некоторым специальным дисциплинам. Правда, по специальным курсам экзамен мог быть заменен по желанию преподавателя и с одобрения Совета факультета коллоквиумом. И, кроме того, разумеется, студент должен был представить дипломное сочинение, т.е. кандидатскую диссертацию. Причем, все экзамены по пропедевтиче-ским курсам должны были быть сданы студентом в течение первых шести семестров. Так, для получения факультетского свидетельства студенты должны были сдать экзамены по 7 пропедевтическим и по 12 основным, а также по вспомогательным дисциплинам, а всего по 24 предметам².

Вместе с тем следует отметить и то, что учеба на историко-филологическом факультете не была среди студентов особо престижной. Так, в архивных материалах содержится немало прошений студентов к попечителю Казанского учебного округа с просьбой о переводе на другой факультет. В основном студенты переводились на физико-математический и медицинский факультеты. Это объясняется во многом тем, что после окончания этих факультетов у выпускников имелась возможность получить более высокооплачиваемую работу, нежели место учителя в гимназии, так как учились на факультете в основном дети священнослужителей и мещан¹. Общее число студентов, учившихся на историко-филологическом факультете, было невелико. Так, в 1875/76 учебном году на факультете училось 13 человек, в 1887/88 – 54, а десять лет спустя – всего лишь 39 человек, а выпуск даже в 90-е годы XIX в. составлял 7–9 человек².

Падение крепостного права в России ознаменовало действительно новый период в изучении отечественной истории в Казанском университете. Ведь с этим крупнейшим событием истории России XIX в. связана самым тесным образом и судьба историка-демократа А.П.Щапова.

Афанасий Прокофьевич Щапов (1831–1876), бакалавр Казанской Духовной академии, магистр русской истории, автор нашумевшей книги «Русский раскол старообрядства»³, в которой впервые в русской историографии история раскола была рассмотрена в связи с общим состоянием российского общества XVII столетия, взшел на кафедру русской истории Казанского университета 11 ноября 1860 г.⁴ Предыстория появления выпускника Духовной академии на кафедре русской истории университета была такова: в конце лета 1860 г. был окончательно решен вопрос о переводе адъюнкта Н.А.Попова, возглавлявшего до этого кафедру русской истории, в Московский университет. В связи с этим открывалась вакансия по кафедре русской истории и Н.А.Попов рекомендовал в качестве своего преемника А.П.Щапова, подчеркнув при этом, что он уже хорошо известен в России как исследователь отечественной истории. Совет университета, рассмотрев представление Н.А.Попова, принял решение о баллотировке А.П.Щапова на должность лектора по кафедре русской истории. 17 сентября состоялись выборы, а 7 ноября 1860 г. пришло известие о том, что Министерство народного просвещения утвердило результаты выборов.

Однако прежде чем приступить к преподаванию курса отечественной истории, А.П.Щапов, согласно требованиям университетского устава, обязан был представить программу курса, а также прочитать две пробных лекции. Программа была разработана и 3 октября 1860 г. представлена в Совет. Щапов назвал ее «Программа истории русского народа», тем самым четко обозначив своеобразие своего подхода к русской истории. Согласно его точке зрения, главным действующим лицом в российской истории является народ, а своеобразие российского исторического процесса во многом объясняется многовековой борьбой федеративного и государственного начала в русской истории. Согласно концепции А.П.Щапова, получившей в исторической науке название «земско-областная теория» исторического процесса, всю русскую историю можно разделить на два больших периода: в первом периоде господствует земско-областная форма общественной жизни русского народа, а во втором государственно-союзная. Причем разделительной гранью этих двух форм «народной жизни» он считал «Смутное время», т.е. период от 1601 г. до 1613 г.

Именно обоснованию своей «земско-областной теории» А.П.Щапов и посвятил свою первую лекцию в Казанском университете, которую он прочел 11 ноября 1860 г. Уже в начале своей лекции он заявил: «... Не с мыслью о государственности, не с идеей централизации, а с идеей народности и областности

вступаю я на кафедру русской истории»¹, а закончил упоминанием о декабристах, что также было сделано впервые в университетской аудитории.

Затем будут лекции о декабристах, о конституции, участие в антиправительственной манифестации, однако все эти факты в жизни А.П.Щапова были во многом обусловлены своеобразным пониманием им сущности исторического развития России. И поэтому вполне закономерными были слова, которыми Щапов закончил свое выступление в апреле 1861 г. на Куртинской панихиде по убиенным крестьянам с.Бездна: «Мир праху Вашему и вечная историческая память Вашему самоотверженному подвигу. Да здравствует демократическая конституция!»².

Такого смелого и открытого выступления власть предрержащие потерпеть не могли, но и арестовать его в Казани опасались, поэтому было принято решение посоветовать Щапову выехать в столицу для объяснения по поводу участия в Куртинской панихиде. 29 апреля 1861 г. А.П.Щапов покинул Казань, в Нижнем Новгороде он был арестован и препровожден уже под стражей в Петербург¹.

После ареста А.П.Щапова кафедра русской истории осталась вакантной: на ведущей кафедре историко-филологического факультета не осталось ни одного преподавателя. В этой ситуации Совет университета, прекрасно понимая, что этого допустить никак нельзя, пошел на нарушение положений университетского Устава 1835 г. и временно поручил преподавание российской истории внештатному преподавателю кафедры всеобщей истории Н.А.Фирсову².

Николай Алексеевич Фирсов (1831–1896) происходил из семьи священника. В 1855 г. окончил Главный педагогический институт в Петербурге. В период учебы в институте входил в студенческий кружок, который возглавлял Н.А.Добролюбов. Идеи Добролюбова, как полагают исследователи, оказали значительное влияние на формирование мировоззрения Н.А.Фирсова³.

По окончании института в 1855 г. Фирсов ряд лет работал старшим учителем истории сначала в Пермской, а затем в Казанской гимназиях. Начало его преподавательской деятельности в Казанском университете относится к осени 1859 г., когда он, будучи сверхштатным учителем Казанской первой гимназии, был прикомандирован к Казанскому университету для преподавания по кафедре всеобщей истории. Надо сказать, что до перехода на кафедру русской истории Фирсов историей России не занимался, так как немногочисленные статьи, которые им были опубликованы в 1855–1860 гг., не имели отношения к отечественной истории.

Временный переход Н.А.Фирсова на кафедру русской истории затянулся почти на полтора года, так как, несмотря на объявленный конкурс на замещение вакантной должности по кафедре русской истории, ни один из российских историков так и не подал заявления об участии в конкурсе. Тогда декан историко-филологического факультета А.П.Владимирский напрямую обратился к Н.И.Костомарову, Д.И.Иловайскому и Д.Л.Мордовцеву с предложением занять кафедру русской истории в Казанском университете, но и они отказались, а Костомаров прямо признался, что «переход в Казань не представляет для него ни нравственных, ни материальных выгод»¹.

Учитывая это обстоятельство, Н.А.Фирсов в ноябре 1863 г. подал прошение в Совет университета о своем желании окончательно перейти на кафедру русской истории, однако министр народного просвещения отказал в ходатайстве Совету университета о присвоении Фирсову звания и.д.адъюнкта ввиду отсутствия надлежащей ученой степени у претендента. Правда, временное преподавание русской истории Фирсову было вновь разрешено².

Окончательное утверждение Н.А.Фирсова в качестве доцента кафедры русской истории произошло лишь в апреле 1867 г., когда ему была присуждена ученая степень магистра русской истории.

Имя Н.А.Фирсова становится известным в русской исторической науке лишь со времени публикации его магистерской, а затем и докторской диссертаций³. В то же время публикация во второй половине 60-х годов XIX в. двух крупных монографий и разработка в начале 70-х годов ряда курсов по русской истории явились своего рода вершиной его исследовательской деятельности, в дальнейшем он так и не создал более ни одной крупной работы, а ряд небольших статей, написанных в 80–90-е годы, не имеют большого научного значения и посвящены в основном истории местного края.

В истории Казанского университета Н.А.Фирсов, пожалуй, известен больше своей администраторской, нежели научной деятельностью. Став в 1869 г. профессором кафедры русской истории, он в 70–80-е годы попеременно занимал должности декана историко-филологического факультета и проректора университета.

Исторические воззрения Н.А.Фирсова, если судить по общему курсу русской истории, во многом основываются на концепции С.М.Соловьева, однако в подходе к проблемам колонизации Среднего Поволжья и Приуралья у него можно отметить совершенно новые, не присущие «государственной школе» моменты. Так, наряду с традиционным для «государственников» вопросом: какова была роль естественно-географических условий колонизации в истории, Фирсов выдвигает и вопросы изучения общественных отношений и экономического положения нерусских народов Среднего Поволжья и Приуралья до вхождения их в состав Русского государства. Сам процесс колонизации Фирсов связывал с деятельностью русских народных масс, который, по его мнению, и привел к окончательному присоединению названных областей к русскому государству, так как «служилый класс был незначительным по своей численности и не ему принадлежит честь первоначальной колонизации земель»¹.

В его работах также отмечалось, что после присоединения этого региона к России значительно усилилась эксплуатация народных масс и особенно со стороны русских торгово-промышленных людей². И как совершенно верно подчеркнул И.П.Ермолаев, он «одним из первых поставил вопрос о социально-экономических последствиях русской колонизации и дал первые выводы по этому вопросу»³.

Дальнейшее развитие вопросы истории колонизации Среднего Поволжья и Приуралья получили в его докторской диссертации «Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 г. и колонизация закамских земель в это время». Давая анализ общественно-экономического положения местного населения в этот период, Фирсов указывал на быстрое развитие русского землевладения в Среднем Поволжье за счет сокращения земель некрещеных владельцев⁴.

В XVIII в., по мнению Фирсова, наблюдается усиление политики христианизации местного населения, правительство ради этого шло на расширение прав крещеных «инородцев» и на уменьшение прав некрещеных⁵. Опираясь на документальный материал, описывая бедственное положение инородцев, он пишет о бунтах и восстаниях местных народов, особенно Поволжья, против Москвы, отмечает жестокость и стяжательство большинства представителей местной администрации.

Таким образом, Н.А.Фирсов высказывал свое несогласие с традиционным подходом к колонизации, как некоему «историческому предназначению» русского народа, которое якобы состоит в цивилизации «восточных инородцев», и считал, что главная цель завоевания Среднего Поволжья и Приуралья заключалась в стремлении русского государства к максимальной эксплуатации покоренных народов¹.

В 1866 г. на кафедре русской истории был приглашен выпускник Казанской Духовной академии Н.Я.Аристов².

Николай Яковлевич Аристов (1834–1882) хотя и окончил Духовную академию на год позже А.П.Щапова, но в годы учебы был близок к нему и именно под его влиянием решил заняться русской историей.

Однако путь на кафедру русской истории для него не был простым. После окончания Духовной академии Аристов вначале преподавал в Симбирской Духовной семинарии, затем переехал в Петербург. В Петербурге он активно сотрудничал с рядом ведущих российских журналов и одновременно работал над магистерской диссертацией. И, наконец, в 1866 г. состоялась защита его магистерской диссертации «Промышленность Древней Руси»³, которая тут же вышла отдельным изданием. Эта книга является уникальным, и не только по тем временам, исследованием, посвященным истории развития ремесел, хозяйства и основных занятий жителей Древней Руси. Как видим, термин «промышленность» Аристов толковал очень широко и включал в него по существу совокупность всех данных, относящихся к хозяйственной деятельности человека.

В своей работе Н.Я.Аристов собрал почти все данные, которые историк 60-х годов XIX в. мог почерпнуть в летописях, актовых материалах, сказаниях, былинах, в сочинениях русских и иностранных авторов. Большой материал по истории экономики, собранный в книге, был сгруппирован по отраслям хозяйственной жизни: земледелие, скотоводство, ловля птиц и зверей, бортничество, огородничество, солеварение, производство металлических изделий, изготовление, обработка мехов, пошив обуви, одежды и т.д. А в заключительной главе Аристов рассмотрел состояние внутренней и внешней торговли Древней Руси.

Известный историк Б.А.Рыбаков назвал выход в свет книги Н.Я.Аристова «*крупнейшим событием в историографии древнерусского хозяйства*»⁴. Однако не стоит чрезмерно переоценивать вклад Аристова и гораздо более убедительной, на наш взгляд, является точка зрения А.Н.Цамутали, который писал, что историк «не сумел проанализировать собранный им фактический материал, а лишь создал обстоятельную сводку данных по истории хозяйственной жизни Древней Руси»¹.

И, тем не менее, выход книги Н.Я.Аристова «Промышленность Древней Руси» явился весьма значительным событием в русской историографии. Эта книга на многие годы стала своеобразным справочником для исследователей хозяйственной жизни Древней Руси.

Если в статьях Аристова периода 1862–1866 гг., а также в книге «Промышленность Древней Руси» отчетливо ощущается влияние демократических идей, то можно твердо утверждать, что по приезду в Казань его воззрения значительно поправились. Первой работой, в которой отчетливо проявилась эта тенденция, была статья «О современном состоянии и значении русской истории». Эта статья была написана на основе вводной лекции к курсу русской истории, прочитанной им в 1866 г. в Казанском университете. И хотя, не располагая остальными лекциями, нельзя определенно утверждать, но допустимо предположить, что и курс в целом содержал оценки сходные с теми, которые были изложены во вводной лекции.

Содержащееся в этой статье замечание о том, что трезвое изучение русской истории «отбило бы во многих охоту к либеральничанию и убило бы зазорные мечты, навеянные французскими и польскими поповозновениям»², свидетельствует о стремлении автора изобразить современное ему освободительное движение как совершенно чуждое для России явление. Те же самые мысли можно проследить и в последующих его работах, в частности, в статьях, посвященных Гоголю, а также в его статье «Разработка русской истории в последние двадцать пять лет (1855–1880 гг.)»³.

Из последних его работ для нас наибольший интерес представляет очерк об А.П.Щапове, который появился сначала на страницах «Исторического вестника» в 1882 г., а в 1883 г. вышел отдельным

изданием. В этой книге содержится ряд интересных свидетельств о жизни и творчестве А.П.Щапова, особенно периода его жизни в Казани, когда Аристов был очень близок к Щапову⁴.

Лишь в 1872 г. на кафедре русской истории появляется второй преподаватель – Д.А.Корсаков (1843–1919).

Дмитрий Александрович Корсаков родился в Москве 10 июля 1843 г. в старинной дворянской семье. Однако на следующий год семья Корсаковых переезжает в имение Арышхазда, в 25 верстах от Казани. Д.А.Корсаков получил домашнее образование, среди его учителей были А.С.Павлов, П.В.Знаменский, В.М.Логинов. В доме Корсаковых часто бывали С.В.Ешевский, Н.А.Попов, В.И.Григорович, А.П.Щапов. В 1860 г. Корсаков поступает на камеральный разряд юридического факультета, правда, вскоре он переводится на историко-филологический факультет. Еще будучи студентом он отличался глубоким интересом к истории. На формирование его исторических воззрений оказали влияние такие видные деятели российской исторической науки, как В.И.Григорович, С.В.Ешевский, А.П.Щапов и в наибольшей степени его родной дядя – К.Д.Кавелин, причем со всеми из них он был знаком лично. Так, за конкурсную работу «Жизнь и сочинения Максима Грека» он был удостоен золотой медали. В 1864 г. Д.А.Корсаков окончил историко-филологический факультет.

Выбор темы магистерской диссертации проходил сложно, направление научного поиска неоднократно менялось. Наконец, тема была определена – «Меря и Ростовское княжество. Очерки из истории Ростово-Суздальской земли»¹. Материалы пришлось собирать в Петербурге и Москве. Именно в Москве в марте 1867 г. он знакомится с С.М.Соловьевым, встречается с Н.А.Поповым. Работа над диссертацией затягивалась, и хотя черновой вариант ее был готов уже весной 1869 г., защита диссертации состоялась только 5 марта 1872 г. Причина столь длительной работы над текстом во многом объясняется сложностью темы, использованием разноплановых источников, в частности, кроме нарративных источников, он широко использовал данные археологии, этнографии, лингвистики и других дисциплин, что и позволило ему воссоздать многовековую историю этого региона.

В процессе анализа различных источников Д.А.Корсаков выдвинул предположение о регионе проживания народа меря, о родстве языка этого племени с языком мордвы и мари, а также о близости их религиозных и бытовых традиций. В результате проведенных изысканий он пришел к выводу, что образование великорусской народности явилось итогом сложного и длительного процесса смешения мери и других местных народов, а также славянских поселенцев. Работа Д.А.Корсакова «Меря и Ростовское княжество» сразу же после выхода обратила на себя внимание исследователей отечественной истории, отметивших как оригинальность подхода молодого историка к вопросам истории Северо-Восточной Руси, так и многообразие привлеченных источников¹. Надо отметить, что высокую оценку этой работы можно прочесть и в современной исследовательской литературе².

В сентябре 1871 г. Д.А.Корсаков был принят на работу в Казанский университет хранителем соединенного кабинета изящных искусств и древностей, собрания монет и медалей, а после защиты диссертации он уже в качестве доцента кафедры начал преподавать отечественную историю. Несмотря на большую загруженность учебными занятиями, Корсаков в 70-е годы увлекся политической историей России XVIII столетия и именно события и люди этой эпохи стали предметом его дальнейших научных изысканий.

23 мая 1880 г. Д.А.Корсаков защитил докторскую диссертацию «Воцарение императрицы Анны Иоанновны». События 1730 г. он рассматривал как одну из попыток ограничения самодержавия со стороны господствующих слоев. При этом Корсаков подчеркивал, что ограничение верховной власти предполагалось осуществить путем «*выработки прочных оснований государственного устройства*»³. Такой подход к событиям 1730 г. был новым в историографии того времени. Кроме того, данное исследование отличает и широкое использование архивных материалов, многие из которых ранее не были доступны для исследователей. Так, именно Корсаков ввел в научный оборот подлинный экземпляр «разорванных кондиций», большинство шляхетских проектов. Вместе с тем в ходе работы над диссертацией явно ощущалась нехватка времени у автора для более тщательной отделки текста и на это обратили внимание уже рецензенты.

Сразу же после защиты докторской диссертации Д.А.Корсакову пришлось испытать и неприятный момент. Совет университета, несмотря на ходатайство историко-филологического факультета, забаллотировал его избрание в экстраординарные профессора по кафедре русской истории. Причем одним из ярых противников избрания Д.А.Корсакова экстраординарным профессором выступил один из рецензентов его докторской диссертации профессор Н.А.Осокин. История избрания Корсакова в экстраординарные профессора успешно завершится лишь в марте 1881 г., когда он будет избран большинством голосов профессором по кафедре русской истории¹.

Работа над докторской диссертацией во многом предопределила дальнейшую проблематику исследований Д.А.Корсакова. В 80-е годы XIX в. им был написан ряд биографических очерков о политических и государственных деятелях России XVIII в., которые он впоследствии включил в сборник «Из жизни русских деятелей XVIII в.», вышедший в Казани в 1891 г.²

Одним из заметных достижений Корсакова в эти годы явилась разработка и чтение курса историографии. Будучи замечательным лектором, он излагал материал доходчиво, аргументировано, его лекции отличались как логикой изложения, так и образностью языка.

Впервые курс лекций по историографии Д.А.Корсаков прочитал в 1880/81 учебном году. Этот курс сразу же был литографирован под названием «Введение в науку русской истории»³. Всего в это учебное пособие вошло 27 лекций, посвященных анализу источников и литературы по русской истории. Уже в первой лекции Корсаков сформулировал свое понимание истории как науки. Он писал: *«История есть наука о постепенном политическом, общественном и культурном развитии одного народа или всех известных народов»*⁴. Причем *«история народа, – согласно его точке зрения, – начинается лишь с того времени, когда народ образует из себя политическое целое – государство»*⁵.

Как видим, Д.А.Корсаков весьма отчетливо декларирует свою приверженность «органической теории» исторического развития и положениям государственной школы в историографии. Вместе с тем он был категорически против упрощенного истолкования термина «народ». Согласно его точке зрения, *«народ – это совокупность неких индивидуумов, личностей (общество), живущих на определенной территории, соединенных единством происхождения, языка, нравов, обычаев, культуры и религиозных верований»*⁶. И при этом он добавлял, что *«народ это не только низшие классы», что «под этим словом... необходимо разумеет все классы, все общественные слои»*⁷. Следует отметить также, что в первых лекциях этого курса он весьма много места уделяет вопросу: «Что же такое русский народ?». Правда, при всем этом он в то же время подчеркивал, что *«именно по результатам деятельности высшего класса общества, класса интеллигентного историк, как правило, изучает культуру всего народа»*¹.

Весьма примечательно и еще одно утверждение Д.А.Корсакова: *«Историк не должен быть заражен предварительными идеалами. Он должен анализировать все общественные слои для достижения... научных целей»*². Говоря о задачах истории, он подчеркивает, что историческая наука *«наблюдает и обобщает явления прошлой жизни народов с целью уяснения общих всем человеческим, когда-либо существовавшим обществам – социальных законов»*³.

В первых лекциях курса Д.А.Корсаков также обращал внимание студентов на важность изучения исторических источников. Он выделял три группы исторических источников: «устные» (предания, былины, сказки и т. д.), «вещественные» (могильные камни, укрепления, здания, отдельные вещи и т.д.) и «письменные»⁴. Письменные источники по отечественной истории Корсаков делит на шесть главных видов: 1) надписи; 2) летописи; 3) отдельные сказания; 4) мемуары, записки современников; 5) литературные произведения, публицистика, научная литература; 6) официальные акты и памятники законодательства⁵. В корсаковской классификации исторических источников, как уже отмечалось исследователями, и имеется много сходства с взглядами Н.И.Иванова, высказанными им ранее в своем курсе исторической пропедевтики⁶. Д.А.Корсаков приступает к изложению развития историографии в России лишь с восьмой лекции. Что же понимал он под термином «историография»? Он дает следующее определение: *«Историография занимается рассмотрением исторических воззрений и способов (методов) обработки исторических источников и извлекаемых из них исторических фактов»*⁷, т.е., как видим, Корсаков в целом верно оценивает объект изучения историографии, хотя и дает весьма расширительное толкование предмета историографии как науки.

В данном курсе Д.А.Корсаков выдвигает и свою периодизацию в развитии «научной русской историографии». Он отмечает: *«Первый период научной русской историографии, начинаясь уже после смерти Петра I, идет до воцарения Екатерины II»*. Это время характеризуется собиранием различного материала и попытками приведения его в некую систему и посему может именоваться «приготовительным». Второй период – век Екатерины – *«замечателен попытками установить... воззрения на цельный ход русской истории»*¹. И если в первом периоде основными представителями исторической мысли были Татищев и Миллер, то второй период олицетворяли Щербатов и Болтин². Третий период – царствование Александра I – связан с именем Карамзина, чьи воззрения на историю, согласно Корсакову, *«ниже и уже воззрений Татищевых, Щербатова и Миллера..., но Карамзин получил известность как популяризатор и как историк-прагматик, а не историк-философ»*³. Четвертый период – царствование Николая I – характеризуется цензурными ограничениями, насаждением официальной точки зрения и вместе с тем усиливается разработка источников, оформляются различные исторические школы: скептическая, историко-юридическая и славянофильская⁴. Соперничество между ними, согласно Корсакову, при всех его издержках, оживило течение исторической мысли, привлекло некоторое разнообразие и способствовало концептуальным обобщениям. Пятый период – царствование Александра II – это новый этап, который характеризуется расширением тематики исторических исследований, разнообразием школ и бурным развитием историографии, более свободным доступом к архивам, прямой сопряженностью ученых поисков и общественной жизни⁵.

Над данным курсом Д.А.Корсаков работал постоянно на протяжении всех 30 лет (1880–1910 гг.), когда он читал его на историко-филологическом факультете Казанского университета⁶. Он уделял этому курсу весьма важное значение в процессе подготовки историка, так как *«обзор развития русской историографической науки, сопровождаемый практическими занятиями, введет студентов в научную лабораторию русской истории, познакомит их с процессом учений разработки исторических источников и явлений русской жизни, а также возникновением и развитием ученых исторических воззрений и учений»*⁷.

Обзор развития русской историографии доводился им впоследствии до конца XIX в. Работал Д.А.Корсаков много и упорно, писал монографии, статьи, отзывы-рецензии, вел обширную переписку. Он подготовил и издал Собрание сочинений К.Д.Кавелина¹, стал хранителем его архива и первым биографом.

Наряду с этим Д.А.Корсакову были присущи и организаторские способности, что проявилось как в период подготовки и проведения IV Всероссийского археологического съезда в Казани (1877 г.), так и создания Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878 г.). С именем Корсакова связано и становление «Ученых записок Казанского университета» по историко-филологическому факультету, редактором которых он был долгие годы. Особенно ярко его организаторские способности проявились во время руководства им кафедрой русской истории, а также на посту декана историко-филологического факультета.

Д.А.Корсаков состоял членом многих исторических обществ и активно участвовал в их работе. О его высоком научном авторитете во многом свидетельствует и то, что в 1905 г. он был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук. В 1912 г. он прекращает преподавать в университете и полностью посвящает себя разбору архива К.Д.Кавелина, а также архиву своей семьи. Скончался Д.А.Корсаков 26 мая 1919 г.

В 1891 г. приват-доцентом кафедры русской истории был избран недавно окончивший историко-филологический факультет Казанского университета Н.Н.Фирсов².

Николай Николаевич Фирсов, сын профессора Н.А.Фирсова, родился в Казани в 1864 г. В 1884 г. после окончания Казанской третьей гимназии он поступил на историко-филологический факультет. В годы учебы в университете на формирование его воззрений наибольшее влияние оказали профессор А.И.Смирнов, читавший студентам историю философии, а также профессор И.Н.Смирнов, который читал студентам историю Востока и историю средних веков. В то же время в своих воспоминаниях, как отмечает Л.Д.Зарипова, Н.Н.Фирсов весьма критично отзывался о лекциях Н.Н.Булича, Д.Ф.Беляева и Д.И.Нагуевского³. По поводу лекций по русской истории, которые читали в то время Н.А.Фирсов и Д.А.Корсаков, Н.Н.Фирсов также отзывался не очень лестно. Вспоминая лекции отца, он писал, что как профессор к моменту его студенчества Николай Алексеевич *«был уже в прошлом»*, читал по старым тетрадкам, *«лишь сокращая старые лекции, которые не раз уже издавались студентами литографическим способом»*¹.

Первой опубликованной работой Н.Н.Фирсова явилось его студенческое исследование «Вступление на престол императрицы Елизаветы Петровны», удостоенное золотой медали и напечатанное в «Ученых записках историко-филологического факультета» в 1887 г.² Молодой исследователь уже в своей первой работе уделил особое внимание анализу социальных отношений различных классов общества.

С этой целью он использовал широкий круг источников: воспоминания политических деятелей той поры, опубликованные архивные материалы, законодательные акты и др. Ему в целом удалось в ходе анализа источников получить ответ на главные вопросы, которые он поставил в начале исследования: каковы были причины падения правительства, находящегося у власти до воцарения Елизаветы; и каковы были те факторы, благодаря которым Елизавета силой заняла престол и удержалась у власти. Интерес к истории России XVIII в. проявляется и в дальнейшем научном творчестве Н.Н.Фирсова.

В 1888 г. Н.Н.Фирсов после окончания университета был оставлен стипендиатом для приготовления к профессорскому званию. Рекомендовал его Д.А.Корсаков, который в своем представлении писал о нем, как о прилежном студенте, проявившем себя в изучении исторических наук и *«достойным со временем занять профессорскую кафедру»*³.

Однако вскоре отношение Д.А.Корсакова к Н.Н.Фирсову изменилось. Расхождения в научных и политических воззрениях между официальным научным руководителем и магистрантом дошли до того, что в октябре 1889 г. Корсаков пригрозил Фирсову, что откажется от научного руководства и объяснял это заявление «расхождением в научных воззрениях»⁴. Данный конфликт удалось с трудом разрешить, однако самостоятельность в научных изысканиях и независимость в суждениях еще не раз вызывали не только недовольство, но и даже противодействие со стороны Д.А.Корсакова, поэтому фактически научным руководителем магистерской диссертации стал его отец – Н.А.Фирсов.

В 1890 г. Н.Н.Фирсов публикует статью «Вопрос о беглых и разбойниках, поднятый в комиссии для составления проекта Нового Уложения (1767 г.)». И вновь эта публикация вызвала недовольство со стороны Корсакова, который считал, что Фирсову следовало бы заниматься не отрицательными явлениями русской жизни, а положительными, *«констатирующими усвоение ... русским обществом начала западноевропейской образованности»*¹.

Успешно сдав магистерские экзамены, Н.Н.Фирсов уже в сентябре 1891 г. читает пробные лекции «Правительство Московской России и Петра Великого в их отношениях к торгово-промышленному классу» и «Содержание и характеристика Галицко-Волынской летописи по Ипатьевскому списку», которые были оценены Советом факультета «весьма удовлетворительными». В декабре 1891 г. Фирсов был принят приват-доцентом на кафедру русской истории, а через месяц уже представил программу спецкурса по истории русского торгово-промышленного класса на 1891/92 учебный год. Однако прочитать этот спецкурс ему не удалось. В следующем учебном году Фирсов все-таки получает

возможность прочитать спецкурс «Обзор источников русской истории за XVI столетие», а в 1893/94 учебном году он прочитал спецкурс «История царствования Елизаветы Петровны». Вместе с тем уже летом 1893 г. декан истфилфака Н.Я.Беляев обращается в Министерство народного просвещения с просьбой перевести Н.Н.Фирсова в другой университет, так как его лекционная нагрузка по кафедре русской истории недостаточна. В 1895 г. Н.Н.Фирсов лишается возможности преподавать в Казанском университете.

В 1896 г. умирает Н.А.Фирсов и на Совете факультете ставится вопрос о преподавателе по кафедре русской истории. Естественно, что кандидатура Н.Н.Фирсова, по мнению ряда профессоров, была наиболее приемлема, однако вновь против его кандидатуры выступил Д.А.Корсаков, его поддержал и декан факультета Н.Я.Беляев². Одним из главных аргументов у противников Фирсова было отсутствие у него магистерской диссертации. Надо сказать, что первый вариант диссертации Фирсов представил Совету еще в 1893 г., но из-за ряда весьма критических отзывов о ней не стал ее защищать, а решил продолжать работу над темой. Поэтому в этих сложившихся условиях Фирсов принимает решение опубликовать диссертацию.

И в 1896 г. его магистерская диссертация «Русские торгово-промышленные компании в I-ю половину XVIII столетия (очерки из истории торгово-промышленной политики и соответствующих общественных отношений)» была опубликована³. Однако она была защищена им в мае 1897 г. не в Казанском, а в Московском университете, причем в качестве официального оппонента выступил сам В.О.Ключевский. Причина переноса места защиты заключается в том, что даже в переработанном виде эта диссертация в Казанском университете в связи с весьма субъективным подходом к Н.Н.Фирсову со стороны ряда его коллег, и прежде всего Д.А.Корсакова, вряд ли могла быть успешно защищена.

В своей диссертации Н.Н.Фирсов, в отличие от своих предшественников, главное внимание уделил не правовой стороне экономической истории XVIII в., а анализу самих экономических отношений, что ни коим образом не могло удовлетворить Д.А.Корсакова, ярого сторонника «государственной» школы. Однако в целом Фирсов к изучению торговли и промышленности в России XVIII в. подходил из общепринятого в то время в исторической науке положения, что развитие русской промышленности было во многом обусловлено насильственным насаждением государством фабрично-заводской промышленности. Причина этого, по мнению Фирсова, заключалась в том, что правительство значительно раньше торгово-промышленного класса осознало необходимость создания крупных промышленных предприятий.

После успешной защиты магистерской диссертации Н.Н.Фирсов пишет прошение о назначении его на должность экстраординарного профессора, но этому опять противодействует Д.А.Корсаков, поэтому Фирсов даже после защиты диссертации возобновляет чтение лекций в университете в качестве приват-доцента. Лишь в 1902 г. он был назначен экстраординарным профессором, однако к этому времени он уже разработал несколько спецкурсов, начал чтение обязательных курсов по русской истории, напечатал целый ряд статей, подготовил к защите докторскую диссертацию, которая явилась продолжением магистерской.

В докторской диссертации «Правительство и общество в их отношении к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II. Очерки из истории торговой политики»¹ Н.Н.Фирсов развил далее тему борьбы русского правительства и представителей купечества во второй половине XVIII в. за независимость русской внешней торговли от иноземного торгового капитала. Сложности с защитой магистерской диссертации во многом обусловили то, что в докторской диссертации Фирсов уже был более осторожен в формулировках и выводах. Он в значительной степени отошел от принципов, на которых строилась его магистерская диссертация, и взял за основу традиционный подход в исследовании исторических явлений. Объектом изучения, как это видно из названия, стала торговая политика правительства Екатерины II. И этот подход вполне устроил Д.А.Корсакова, он даже выступил с положительным отзывом на диссертацию Н.Н.Фирсова и поддержал назначение его на должность экстраординарного профессора кафедры русской истории.

9 февраля 1902 г. состоялась публичная защита докторской диссертации, а спустя полгода Н.Н.Фирсов был назначен ординарным профессором.

Пристрастие к изучению экономических проблем истории России, проявившееся у Н.Н.Фирсова в его первых крупных исследованиях, сохранилось и в последующие годы. Таким образом, уже в 90-е годов XIX в. по сути дела окончательно сформировался круг интересов Фирсова в области отечественной истории: это вопросы социально-экономической истории XVIII в. К этому же времени относится и оформление его исторической концепции. Анализ его работ 90-х годов убедительно свидетельствует о том, что ученый во многом в своих подходах к анализу как социальных, так и экономических вопросов истории России был близок к таким историкам, как В.И.Семевский, В.А.Мякотин, А.В.Пешехонов, т.е. историкам, принадлежавшим к народническому направлению в русской историографии.

Н.Н.Фирсов пользовался большой популярностью среди студентов, однако его лекции, в которых он излагал историю России исходя из народнических воззрений, не устраивали руководство университета и учебного округа, поэтому его не раз отстраняли от чтения лекций и перед ним стояла реальная угроза увольнения.

Тем не менее, даже в этих условиях Н.Н.Фирсов занимается изучением массовых народных выступлений государственной власти.

В 1905 г. он работает над статьей «Правительство и оппозиция в России с XVI по первую четверть XIX столетия», в 1906 г. издает брошюру «Разиновщина как социальное и психологическое явление народной жизни», а в 1908 г. выходит его книга «Пугачевщина. Опыт социально-психологической характеристики». Вместе с тем именно в эти годы Фирсов обращается к созданию психологических характеристик известных политических деятелей. Так, в 1903 г. он опубликовал статью «Петр Великий как хозяин», в которой попытался осветить вопрос об отношении Петра I к торгово-промышленным кругам России тех лет. В 1910 г. он издает историко-психологический этюд, посвященный императору Александру I. Кроме того, в 1913–1915 гг. в «Энциклопедическом словаре бр.Гранат» были опубликованы восемь статей. Наряду с этим в эти же годы он издает и свои лекционные курсы. Так, в 1907 г. он опубликовал лекции, посвященные развитию самодержавия в Московской Руси, а в 1910 г. – лекции о Смутном времени.

В 1914 г., воспользовавшись чисто формальным поводом о выслуге лет, Министерство народного просвещения увольняет Н.Н.Фирсова в отставку. Известие об отставке потрясло не только самого профессора, но и всю профессуру, и студенчество университета. Особенно бурно возмущались студенты 12 марта 1914 г., когда Фирсов читал последнюю лекцию. Студенты приняли решение о сходке и на следующий день она состоялась. В ней приняло участие около 500 человек. Однако администрация была непреклонна.

В результате этого произвола Фирсов был вынужден покинуть Казанский университет и переехать в Москву. Здесь он в 1914–1915 гг. работал в Московском археологическом институте, а в 1915 г. был утвержден приват-доцентом в Московском университете. Лишь в январе 1916 г. после почти двухлетней борьбы с министерством Фирсов возвращается в Казанский университет в качестве ординарного профессора, где его радостно встретили бывшие слушатели.

Н.Н.Фирсов пользовался большой любовью и уважением среди студентов. Выразительная речь, логика рассуждений привлекали к нему слушателей, неслучайно они его очень часто называли «казанский Ключевский», что также свидетельствовало о большом уважении к этому незаурядному и талантливому человеку.

В 1915 г. на кафедре русской истории появляется приват-доцент П.Г.Архангельский (1884–1921)¹.

Петр Григорьевич Архангельский родился в 1884 г. в Саратовской губернии в семье священника. Вначале он поступил в Духовное училище, затем в Духовную семинарию, которую так и не окончил. В Казанский университет на историко-филологический факультет Архангельский поступил в 1907 г. Наибольшее влияние на формирование его исторических воззрений оказали Н.Н.Фирсов, которого он считал своим учителем, и М.М.Хвостов. По окончании университета Архангельский был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской истории. Вначале его научным руководителем был Н.Н.Фирсов, однако после его отъезда из Казани в 1914 г. руководство было возложено на Д.А.Корсакова. Именно под его руководством Архангельский начал работу над монографией «Исторические воззрения С.М.Соловьева и его место в истории науки», но эта работа так и не была завершена. При этом сам П.Г.Архангельский называл себя учеником все-таки Н.Н.Фирсова¹, и влияние его в последующие годы все больше будет проглядываться в трудах Архангельского. После успешной сдачи магистерских экзаменов и прочтения двух пробных лекций Архангельский в декабре 1915 г. был принят приват-доцентом по кафедре русской истории и ему было поручено в весеннем семестре 1916 г. чтение курса «Русская историография XVIII и XIX вв.» по два часа в неделю².

П.Г.Архангельский уже в начале курса отмечал, что сам термин «историография» не имеет одного точно установленного и общепринятого значения не только в обычном словоупотреблении, но и в языке исторической науки. Согласно его точке зрения, в более специальном и точном значении термин «историография» употребляется для обозначения *«особой вспомогательной исторической дисциплины, изучающей историю самой исторической науки»*³. Немало места в его курсе занимает и вопрос о предмете историографии. Так, он считал, что *«предметом русской историографии является современная историческая наука о России, рассматриваемая в процессе ее эволюции от момента зарождения до наших дней»*⁴. Что же касается задач историографии, то Архангельский формулировал их следующим образом: *«Задача русской историографии – выяснение причин и условий последовательного хода этого процесса, исследование тех путей, которые вели в России науку русской истории к ее современному состоянию»*⁵. Таким образом, историография в понимании Архангельского это не «сумма биографий и не сводка отдельных трудов по русской истории, а процесс развития исторической мысли»⁶. Курс русской историографии он традиционнo начинал с Татищева и доводил до Ключевского. При этом подчеркивал, что попытается *«представить общий ход развития науки русской истории, чтобы показать как путем смены и борьбы направлений русская история поднялась на ту высокую степень совершенства, на которой мы застали ее в настоящее время»*⁷. Даже эти отдельные суждения П.Г.Архангельского вполне позволяют судить о том, что к моменту чтения этого курса он был уже вполне сформировавшимся историографом со своим подходом к истории исторической науки, правда во многом повторявшем воззрения П.Н.Милюкова.

В 1916/17 учебном году П.Г.Архангельский, кроме историографии, читал еще и спецкурс «История сословий в России», а также вел практические занятия по русской истории¹.

Завершая анализ трудов историков, работавших на кафедре русской истории в пореформенный период, необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что история изучения отечественной истории вряд ли может быть названа полной, если при этом проигнорировать тот вклад, который был внесен в изучение отечественной истории России преподавателями других кафедр университета. Так, весьма значительный вклад в изучение истории России был сделан профессором кафедры истории русского права Н.П.Загоскиным.

Николай Павлович Загоскин (1851–1912) – один из крупнейших исследователей истории русского права в дореволюционной России – является также и автором ряда крупных работ по истории России². Почти вся его жизнь была связана с Казанским университетом. В 1870–1874 гг. – студент юридического факультета университета. В 1875 г. защищает кандидатскую диссертацию на тему «Уставные грамоты XIV–XVI вв.»³. И в этом же году избирается приват-доцентом кафедры истории русского права. А в мае 1878 г. Н.П.Загоскин защищает магистерскую диссертацию «История права в Московском государстве»⁴. Затем через два года он успешно защищает и докторскую диссертацию на тему «Центральное управление Московского государства». Вып. I. «Дума Боярская»; «История права Московского государства» Т.2⁵. В 1905–1906 гг. – декан юридического факультета. В 1906–1909 гг. – ректор университета. Бессменный ученый секретарь Общества археологии, истории и этнографии. Таковы основные вехи его университетской жизни.

Однако Н.П.Загоскин был не только крупным ученым, но и видным общественным деятелем. Так, в 1883–1890 гг. он был редактором и издателем газеты «Волжский вестник». В 1911 г. был избран директором Казанских высших женских курсов и в этом же году он был избран членом Государственного Совета, в связи с чем ему пришлось покинуть Казань и последние месяцы своей жизни он провел в Петербурге.

Научное наследие Н.П.Загоскина велико и многообразно, его перу принадлежит более 40 больших и малых работ, не считая многочисленных рецензий и отзывов. Однако среди них необходимо выделить прежде всего такие его фундаментальные исследования, как «История права Московского государства», Т.1–2, «История права русского народа», «История императорского Казанского университета за первые сто лет его существования (1804–1904)», Т. I–IV. Во многом именно Загоскину мы обязаны изданием «Биографического словаря профессоров и преподавателей императорского Казанского университета 1804–1904», который вышел в свет в 1904 г. под его редакцией и вот уже многие десятилетия является незаменимым справочным пособием для всех исследователей, занимающихся историей Казанского университета. Благодаря Загоскину в научный оборот были введены многочисленные материалы по истории университета, став доступными для последующих поколений исследователей, тем более, что многое из того, что в свое время находилось в распоряжении Загоскина, было утеряно.

В отечественной же историографии Н.П.Загоскин известен прежде всего как автор ряда крупных работ по истории земских соборов и Боярской Думы. Именно он впервые проанализировал историю земских соборов, обосновал как причины появления этого политического института в Московском государстве, так и причины, обусловившие упразднение его из политической жизни России. Ему впервые удалось раскрыть своеобразие организации Боярской Думы, характер ее делопроизводства.

Таким образом, именно Н.П.Загоскину принадлежит приоритет в отечественной исторической науке в разработке этих проблем русской истории, так как фундаментальный труд В.О.Ключевского «Боярская дума Древней Руси» вышел двумя годами позже «Думы Боярской» Н.П.Загоскина. Однако это обстоятельство далеко не всегда отмечается в историографии¹, что, разумеется, совершенно неправомерно, так как величие имени В.О.Ключевского ни коим образом не должно заслонять тот значительный вклад в изучение этих проблем русской истории, который был внесен Н.П.Загоскиным.

Наряду с этим следует отметить и то, что Н.П.Загоскин пользовался большой популярностью и любовью студентов. Во время его лекций аудитории были заполнены, как правило, до предела, так как на его лекции приходили студенты не только юридического факультета, но и других факультетов университета.

Говоря о развитии исторической науки в Казанском университете во второй половине XIX в., нельзя пройти мимо деятельности Общества археологии, истории и этнографии.

Общество, возникшее в 1878 г., сумело объединить вокруг себя научные силы Казани и сыграло положительную роль в изучении местной истории. Это выразилось прежде всего в собрании большого фактического материала и в публикации ряда исследований по истории Среднего Поволжья и восточных районов России¹.

Развитие исторической науки в 60–80-е годы XIX в. характеризуется все большим усилением внимания к вспомогательным отраслям научного исторического знания. Особенно бурно в этот период развиваются археология и этнография. В связи с этим во второй половине XIX в. в России создается целый ряд научных археологических и этнографических обществ. С целью объединения археологов и установления более тесных научных контактов между ними с конца 60-х годов систематически собираются археологические съезды. Первые три съезда (1869, 1871 и 1874 гг.) состоялись в Москве, Петербурге и Киеве, IV Всероссийский съезд (1877 г.) собрался в Казани.

Сам факт созыва съезда в Казани после проведения съездов в столичных городах говорит о большом значении Казанского университета в развитии исторической науки России. Именно на этом съезде по

инициативе ряда делегатов и был поднят вопрос о создании в Казани Общества археологии, истории и этнографии. Собственно, весь съезд проходил под знаком необходимости образования в Казани центра по изучению истории восточных районов России и, в первую очередь, Среднего Поволжья и Приуралья.

В докладах делегатов съезда Д.А.Корсакова и С.М.Шпилевского и был поставлен вопрос о необходимости создания в Казани ученого общества для исследования вопросов археологии, истории и этнографии местного края². Предложение об организации в Казани исторического общества было поддержано рядом видных ученых. Правительство дало разрешение на организацию общества и в мае 1878 г. состоялось первое общее собрание членов-учредителей нового общества при Казанском университете.

Задачи деятельности Общества были сформулированы в докладе С.М.Шпилевского «О задачах деятельности Казанского общества археологии, истории и этнографии и возможном содействии обществу со стороны жителей местного края». Шпилевский полагал, что главными проблемами, которые необходимо изучать Обществу, должны быть вопросы о русской колонизации, просвещении местных народов, взаимности управления в Среднем Поволжье, борьбе местных народов против российского владычества. Доклад Шпилевского по сути дела явился программой деятельности Общества.

Правда, в Обществе имелись и другие мнения относительно задач, стоящих перед членами данного научного сообщества. Так, Д.А.Корсаков предложил поставить в качестве одной из задач Общества «собрание материалов для составления биографического словаря выдающихся местных деятелей минувших времен»¹. Подобное заявление Корсакова весьма значительно расходилось с требованием Шпилевского, который в своей программной речи утверждал: «Не рассказывая о громких событиях и выдающихся личностях, современный историк главною задачею своею имеет целый народ; он следит за условиями народной жизни; за видоизменениями этих условий и вместе с ними различных сторон народного быта»².

Однако жизнь распорядилась иначе и Казанское общество археологии, истории и этнографии наибольшее внимание в своей деятельности уделяло чисто археологическим проблемам. Характерно, что из 98 сообщений, сделанных в Обществе в течение первых восьми лет его существования, 62, т.е. подавляющее большинство, были посвящены вопросам археологии. В 1887 г. на 7 сообщений – 5 было археологических, в 1886 г. из 14 – 9 археологических и лишь в 1889 г. значительный перевес оказался на стороне историко-этнографических сообщений (9 сообщений из 14) и то благодаря работам И.Н.Смирнова³.

Преимущественный интерес к археологии был оформлен даже специальным постановлением Общества. Уже на втором общем собрании было решено ввиду «незначительных средств, находящихся и имеющих находиться на первых порах в распоряжении общества» направить преимущественную деятельность Общества «на курганные раскопки как на одну из первостепенных потребностей местной археологии»¹.

Действительно, научная деятельность Общества в первые десять лет характеризуется преимущественно такими работами, как описание и изучение отдельных археологических находок и кладов монет, орудий труда, могильников, городищ, курганов и т.д.

Собственно, широкая деятельность Общества по изучению историко-этнографических вопросов Поволжья и Приуралья разворачивается, как отмечалось выше, со времени начала деятельности в нем профессора Казанского университета И.Н.Смирнова. Кроме работ Смирнова, на страницах «Известий» Общества были опубликованы исследования М.П.Ресле, Н.Ф.Катанова, Н.П.Загоскина, Д.А.Корсакова, К.Насыри, Г.Ильсова и других ученых Казани. Историко-этнографическое изучение народов члены Общества проводили на основе личных наблюдений. Во время экспедиций изучали быт, нравы и обычаи, фольклор, затем анализировали все это с привлечением данных летописей и других письменных источников. Большинство работ написано на обширной источниковой базе. Фактический материал публикаций «Известий» еще и сегодня используется исследователями. Кроме того, Общество издавало учебники, различные словари, организовывало выставки и публичные лекции, т.е. оно в значительной степени способствовало и распространению исторических знаний среди населения.

Говоря об Обществе, нельзя не упомянуть и профессора университета С.М.Шпилевского, принимавшего самое деятельное участие до своего отъезда из Казани в 1885 г. в работе Общества². Сергей Михайлович Шпилевский (1838–1907) приехал в Казань в 1860 г. после окончания в 1858 г. юридического факультета Московского университета. В Казанском университете он стал читать историю русского права, в 1870 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Семейные власти у древних славян и германцев». Профессор, декан юридического факультета университета в 1878–1886 гг., он к тому же очень много сделал в деле изучения истории местного края. Его книга «Древнейшие города и болгаро-татарские памятники в Казанской губернии» (1877) явилась значительным событием в истории отечественной археологии¹. Этот труд, изданный С.М.Шпилевским специально к открытию IV археологического съезда в Казани, знаменовал собой новый период в изучении истории местного края. Впервые был систематизирован и обобщен большой материал по древней истории болгаро-татар, накопленный предшествующими поколениями исследователей.

В первом отделе книги дан обзор арабским, персидским, татарским письменным источникам о памятниках Волжско-Камской Булгарии и Казанского ханства. Во втором отделе книги это же сделано, но

по русским летописям. Третий раздел книги посвящен конкретному описанию археологических находок, укреплений, могильников и монет в болгарских городищах. Получился очень интересный и фундаментальный труд по истории местного края. Книга С.М.Шпилевского и сегодня еще широко используется местными историками.

Все вышесказанное, на наш взгляд, убедительно свидетельствует о той большой роли, которую сыграло Общество археологии, истории и этнографии в изучении истории местного края в пореформенный период.

Таким образом, анализ развития исторической науки в Казанском университете во второй половине XIX – начале XX вв. свидетельствует о том, что оно проходило в весьма непростых условиях. С одной стороны, вмешательство администрации университета и учебного округа в проблематику исследований и выбор лекционных курсов сдерживали разработку тех или иных проблем отечественной истории, с другой стороны, – весьма непростые отношения, которые складывались порой среди самих исследователей не способствовали нормальной творческой атмосфере, а иногда эти конфликты весьма значительно затрудняли продвижение как по службе, так и в научной карьере.

В то же время именно в эту эпоху происходило формирование основных научных направлений в области изучения отечественной истории казанскими историками. Имена А.П.Щапова, Н.Я.Аристова, Н.А.Фирсова, Д.А.Корсакова, Н.Н.Фирсова, Н.П.Загоскина, ставшие широко известными в российской историографии, свидетельствуют о весьма значительных успехах казанских историков в различных областях истории России. Казанский университет в эти годы перестал быть тем вузом, в который приезжали на небольшой срок молодые ученые из Москвы и Петербурга, дабы накопить преподавательский опыт, дождаться вакансии в своем родном университете и тотчас же покинуть Казань. Анализ программ курсов, отчеты преподавателей свидетельствуют о том, что преподавание отечественной истории было на довольно высоком уровне. В Казанском университете большое внимание уделяли не только чтению общих курсов русской истории, но и набору специальных курсов. Так, почти одновременно с П.Н.Милюковым Д.А.Корсаков начал читать курс историографии и причем этот курс читался им непрерывно в течение 30 лет. Традиционными были и практические занятия по источниковедению истории России, что, вне всякого сомнения, способствовало лучшей подготовке историков. Наиболее значительных результатов казанские историки добились в конце XIX – начале XX вв., однако этот естественный процесс развития, к сожалению, был прерван трагическими событиями 1917 г.

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ. 1917 г. – КОНЕЦ 1930-х годов

Октябрьская революция явилась переломным моментом в истории развития исторической науки в России, внеся серьезные изменения в процессы ее изучения и преподавания. Происходящие перемены не могли пройти в стороне от Казанского университета, не могли не затронуть как казанской школы историков в целом, так и судеб отдельных ее представителей. После 1917 г. общественно-политическая ситуация в стране коренным образом изменилась; ученые вынуждены были работать в новых, подчас экстремальных условиях, далеких от традиционных форм, а потому сфера и способы приложения их научных и педагогических усилий заслуживают пристального внимания и специального изучения.

Рассматриваемый период 1917 г. – конца 1930-х годов был весьма неоднороден с точки зрения преобладававших здесь тенденций и процессов. Переходный этап первого послеоктябрьского пятилетия ясен и очевиден с точки зрения его внешней событийной стороны: распад традиционных университетских норм и обычаев, ограничение международных интеграционных процессов и информационный вакуум, невосполнимые человеческие потери, в том числе и среди крупнейших российских историков (А.С.Лаппо-Данилевский, А.А.Шахматов и др.). Между тем, содержательная сторона научной деятельности этого времени, по мнению современных отечественных исследователей, нуждается в серьезном осмыслении, поскольку *«именно она определяет логику развития русской гуманитарной культуры – и той, которая существовала непосредственно в России, и той, которая в силу обстоятельств оказалась вынужденной влиться в иную культурную среду, дав, в свою очередь, начало новым оригинальным направлениям и школам»*¹.

Однако если в этот период сосуществование двух культур было еще до определенной степени возможным и начало советской исторической науки было хоть в какой-то степени обнадеживающим (создавалась сеть новых научных учреждений, активно велось архивное строительство, формировались молодые кадры историков, допускался до известной степени плюрализм взглядов в истории), то в 1920-е годы на нее обрушились такие удары, что иногда казалось, будто и само ее существование весьма и весьма проблематично. Уже с середины 1920-х годов начинает активно насаждаться курс истории, оправдывающей складывающийся режим, а в конце 1920-х – начале 1930-х годов происходит фактически постепенное огосударствление истории, устанавливается полный контроль над творческим процессом в исторической науке, прямым следствием которого явилась ее идеологизация, т.е. низведение ее функций до уровня агитационно-пропагандистской работы. Особенно сильной

идеологизации были подвергнуты исследования по отечественной истории, а среди них – работы по истории советского общества и большевистской партии¹.

Господствующее положение заняла история на потребу дня, что не могло не сказаться на качестве и уровне исторических исследований. Все прежние направления исторических изысканий оказались фактически закрытыми. Идеологизация и политизация науки и образования привели к ликвидации исторических периодических изданий и научных обществ, оттеснению, а зачастую и полному отстранению ученых от научной и преподавательской работы. Пришедшее в университеты молодое пополнение активно занялось реализацией совершенно иных идеологических и культурных задач. Многие выдающиеся историки «старой школы» подверглись прямым репрессиям, были физически уничтожены или изгнаны в эмиграцию, а преобладающее большинство оставшихся было либо сломлено духовно и согласилось писать так, как от них требовалось, либо вынуждено замолчать вообще или резко изменить объект исследований, уйдя в далекую глубь веков, в изучение мелких, малосущественных проблем.

Подобная участь исторической науки повлекла за собой серьезные реформы и изменения в процессе преподавания истории в высшей школе. В попытке оторвать советскую высшую историческую школу от старых корней, перечеркнуть многое из ее дореволюционного прошлого новая власть к середине 1930-х годов довела высшее историческое образование в стране до полного краха, фактически вообще уничтожив его. Проводя историческую параллель между Францией 1792 г. и Россией 1917 г., полностью одобряя уже осуществленные преобразования советской высшей школы и настаивая на их дальнейшем, более решительном продолжении, ректор Петроградского университета Н.С.Державин в 1923 г. писал: *«Французские университеты накануне революции... были настолько отставшими от жизни и успехов научного знания учреждениями, что, когда декретом революционной власти от 17 августа 1792 г. все 22 университета во Франции были закрыты как учреждения, реакционные по своему направлению и методам преподавания, во французском обществе не раздалось ни одного голоса в их защиту»*¹.

Для того чтобы проследить проявление общих закономерностей и специфических особенностей в процессе изучения и преподавания отечественной истории в первые годы советской власти на примере Казанского университета, необходимо установить, каков был уровень развития исторического образования в Казанском университете к 1917 г.

По Уставу 1884 г. на историко-филологическом факультете Казанского университета было 11 кафедр, 17 профессоров. Такую же структуру факультет сохранил к 1917/18 учебному году. За период своего существования факультет накопил огромные ценности в виде музеев, кабинетов и специальных библиотек. К 1917 г. на факультете были музей отечествоведения, нумизматический музей и музей искусств и древностей; четыре специальные, хорошо подобранные библиотеки с большим количеством книг, в том числе и на иностранных языках, при кафедре классической филологии, при кафедре славянской филологии, при кафедре всеобщей истории и при кафедре философии². Молодые исследователи имели возможность опереться на результаты и методику исследований нескольких поколений историков, работавших в Казанском университете, восприняв, таким образом, и лучшие традиции отечественной историографии.

В преподавании отечественной истории в Казанском университете в 1917–1941 гг. можно условно выделить три этапа:

1. 1917/18 учебный год – 1921/22 учебный год – период, характеризовавшийся начавшейся перестройкой в преподавании истории, но вскоре завершившийся в связи с ликвидацией историко-филологического факультета и факультета общественных наук.

2. 1922/23 учебный год – 1938/39 учебный год – период, когда в университете отсутствовал специальный факультет по подготовке кадров историков.

3. 1939/40 учебный год – 1940/41 учебный год – новый этап, связанный с воссозданием в КГУ историко-филологического факультета.

В первый учебный год после революции в преподавании истории на историко-филологическом факультете Казанского университета мало что изменилось. Преподавание велось по старым учебным программам и планам, без существенных изменений в преподавательском составе¹.

Изучению русской истории уделялось весьма существенное место². Общий курс русской истории читался для студентов всех трех отделений (классического, славяно-русского и исторического). Он состоял из двух частей. Часть первая «Общий курс древней русской истории» читалась приват-доцентом П.Г.Архангельским и состояла из четырех разделов:

1) введение; 2) Киевская Русь; 3) Новгородская Русь; 4) Суздальско-Владимирская Русь до возвышения Москвы. Часть вторая «Общий курс новой русской истории с половины XVIII в.» читалась ординарным профессором Н.Н.Фирсовым. Предусматривались также практические занятия, которые, помимо Н.Н.Фирсова и П.Г.Архангельского, вел приват-доцент В.И.Огородников. Для их проведения студенты разбивались на три группы. Проводились занятия по следующей методике: они состояли *«из разработки нетрудных тем, выбранных применительно к объявленным под руководством профессора, с обращением особого внимания на метод и приемы исторического исследования и изложения»*³.

Значительное место в учебном плане уделялось изучению истории Поволжья. Этой цели служили лекционный курс Н.Н.Фирсова «История Поволжья (преимущественно Среднего и Нижнего)», и

лекционные курсы «История просвещения тюркских племен» и «История просвещения финских племен», читаемые приват-доцентом Н.В.Никольским, по которым были предусмотрены и практические занятия.

Помимо этого студенты исторического отделения слушали такие курсы, как «История литовско-русского государства» (приват-доцент Б.П.Денике), «История русской церкви» (ординарный профессор К.В.Харлампович), участвовали в семинаре «История русской общественной мысли в первой четверти XIX в.» (В.И.Огородников).

Таким образом, хотя учебный план был, на наш взгляд, недостаточно стройным и имел существенные пробелы (даже из читаемого общего курса русской истории выпадало фактически несколько веков), а вводимые спецкурсы были довольно случайны, в целом изучению русской истории и истории народов России уделялось в Казанском университете должное место. Особое внимание обращалось на проблемы источниковедения и историографии русской истории, что подтверждает хотя бы факт предложения в 1917/18 учебном году следующих тем студенческих сочинений по русской истории для соискания наград: «Радищев и его сочинение «Путешествие из Петербурга в Москву»», «Социологические направления в разработке русской истории с 70-х гг. до исхода XIX столетия»¹. Впрочем, курсы специальных и вспомогательных дисциплин в этот период, как и в большинстве университетов страны, в Казанском университете не читались.

Стабильность учебных планов в 1917/18 учебном году не означала, что перемен не было, они назревали постепенно. Духом их была пропитана вся атмосфера Казанского университета.

Грядущие перемены несли с собой множество новых сложностей и трудностей в университетской жизни. Но ни одна из них, пожалуй, не могла по своей глубине сравниться с проблемой обретения старой научной интеллигенцией своего места в новых исторических условиях, а соответственно, с проблемой преподавательских кадров для «новых», «советских» университетов. Особенно сложной была эта проблема в области преподавания гуманитарных дисциплин и в особенности истории. В первые послеоктябрьские годы историков-марксистов, столь необходимых новой власти, было еще очень мало, еще меньше их было в высшей школе. Что касается старой профессуры, то процесс интеграции в новую общественно-политическую среду проходил для нее необычайно болезненно и трудно и продолжался подчас до начала 1930-х годов. Многие талантливые представители университетской профессуры (в том числе историков) так никогда до конца и не смогли принять новый строй, и в этом заключалась их подлинная трагедия, ибо в результате они либо лишились родины, либо оказались в полном забвении.

К сожалению, на протяжении долгого времени в отечественной историографии, в том числе и в трудах, посвященных истории Казанского университета, существовало довольно упрощенное отношение к старой интеллигенции, недопонимание всего трагизма утраты ею традиционной интеллектуальной среды, всей сложности и глубины процессов перехода ее на службу новой власти, недостаток уважения к ней как носительнице и хранительнице научного и культурного наследия. Так, еще в 1930 г. историк Казанского университета М.К.Корбут писал: «*Общеизвестно, как встретила интеллигенция в России Октябрьскую революцию... Теперь уже достаточно изучены и определены причины резко враждебного отношения буржуазной интеллигенции тотчас после революции к пролетарской диктатуре*», которые усматриваются в «*духовной близости самодержавия и высшей школы*» и «*в невозможности реставрации старой власти как в масштабах всей страны (крах иллюзий поражения Октябрьской революции), так и в масштабах высшей школы (ликвидация ее автономии)*»¹.

Однако все обстояло не так просто. Революция действительно (и это было совершенно естественно) пугала многих ученых старой школы. Р.Виппер в 1921 г. в работе «Кризис исторической науки» утверждал, что произошедшая в России социальная революция «*есть тоже война, только распыленная, зато еще более беспощадная*»². Если говорить об официальной реакции Совета и администрации университета на свершившуюся в 1917 г. революцию, то она последовала далеко не сразу. Речь идет, в данном случае, о широко известной резолюции Совета Казанского университета от 9 декабря 1917 г. в поддержку резолюции Совета Харьковского университета по текущему моменту, которая клеймила «группу фанатиков и темных дельцов», захвативших власть накануне Учредительного собрания «с помощью обманутой ею вооруженной толпы», прежде всего за то, что она ведет «к измене союзникам и к заключению предательского сепаратного мира», что «*исторгнет Россию не только из ряда великих держав, но и из семьи народов, создающих общим трудом науки, искусства и промышленность, то есть творящих те духовные и материальные ценности, которые составляют жизнь народов и без которых этой жизни нет*»³. В столь запоздалой реакции на произошедшие события сказались, вероятно, и некие традиции, и известная осторожность: ведь и телеграмма с выражением «полного доверия» Временному правительству была направлена Советом Казанского университета лишь 22 апреля 1917 г.⁴

О настороженно-неодобрительном отношении казанской профессуры к большевизму, его теории и практике, свидетельствуют и сохранившиеся публицистические сочинения профессоров и преподавателей Казанского университета, опубликованные в 1917 г., в том числе и публицистика историков Н.Н.Фирсова и В.И.Огородникова¹.

Решающую роль в отношении старой профессуры к новой власти подчас играли не столько субъективные позиции ученых, сколько те объективные социально-политические, бытовые и

профессиональные условия, в которых они принуждены были отныне трудиться. Негативные акции советской власти в отношении высшей школы вызвали резкое неприятие со стороны интеллигенции, отталкивали ее от революции. Известно, например, как воспринято было в среде российской интеллигенции закрытие в 1918 г. в Москве по причине «инакомыслия профессоров» народного университета А.Л.Шанявского. М.Горький писал по этому поводу в «Новой жизни»: *«Ничего другого от власти, боящейся света и гласности, трусливой и антидемократической, попирающей элементарные гражданские права, преследующей рабочих, посылающей карательные экспедиции к крестьянам, нельзя было и ожидать»*². А разве подобный случай был единичным?

Кроме того, следует учесть, что такие элементы общественного сознания, как традиции, привычки, весьма устойчивы. Ученый как специалист своего дела, как личность, привыкшая мыслить целостными системами, определенное время остается во власти старого – прежнего характера труда, традиционных научных проблем, корпоративных привилегий, образа жизни, взглядов, привычек.

Большое значение для определения позиций историков Казанского университета сыграло и то обстоятельство, что ряд крупных русских историков, таких как А.С.Лаппо-Данилевский, М.К.Любавский, С.Ф.Платонов, пользовавшихся большим авторитетом среди своих коллег, встретили победу советской власти крайне враждебно.

Однако господствующим настроением среди ученых Казани на рубеже 1917–1918 гг. было стремление найти свое место в сфере применения научных знаний, сохранить и запечатлеть тот образ культуры, к которому они принадлежали. Часть профессоров и преподавателей Казанского университета пережили в первые месяцы 1918 г. серьезную политическую эволюцию. Если в декабре 1917 г. члены Совета, как уже было сказано, активно поддержали своих харьковских коллег, то в феврале 1918 г. Совет ограничился лишь принятием к сведению обращения профессуры Томского университета в поддержку Учредительного собрания¹.

События августа 1918 г. стали подходящим поводом и толчком к активному выражению университетской профессуры своего отношения к советской власти. После захвата Казани войсками народной армии Самарского комитета членов Учредительного собрания Совет Казанского университета в заседании от 16 августа 1918 г. без прений принял следующую резолюцию, предложенную профессором Н.Д.Бушмакиным: *«Совет университета приветствует образовавшееся новое правительство в лице комитета членов Учредительного собрания и заявляет, что он готов принести все силы, средства и самую жизнь своих членов на пользу строительства нашей истерзанной родины»* и *объявляет между служащими университета «подписку на добровольное единовременное денежное пожертвование для нужд народной армии»*². За резолюцию проголосовало 35 членов Ученого Совета. Может быть, далеко не все профессора и преподаватели Казанского университета были прямыми приверженцами Комуча, однако в сложившихся условиях чувство корпоративной солидарности возобладало над индивидуальными пристрастиями и симпатиями. 21 августа 1918 г. профессор русской истории Н.Н.Фирсов и профессор медиевистики М.В.Бречкевич, профессор математики Н.Н.Парфентьев и профессор-лингвист А.Я.Богородицкий выступили в однодневной газете «Народная армия» со статьей «Народное войско». В ней они пытались доказать, что только сам народ способен защитить *«добытую свободу от прежнего великого правительственного деспотизма»*, и призывали поддержать армию Комуча, так как ее *«поддерживает весь народ, стремящийся к воссозданию единой свободной России»*³. Этот «грех» советская власть не забыла профессорам Казанского университета до конца их жизни. По словам Б.Ф.Адлера, М.В.Бречкевича советское руководство впоследствии всегда считало «правым» «с подозрительным душком»⁴.

Освобождение Казани и восстановление здесь советской власти в сентябре 1918 г. явилось переломным моментом в жизни университета. Большинство ученых сделали в эти дни свой окончательный выбор: часть их осталась в университете (в том числе и Н.Н.Фирсов, который вскоре выступил уже на страницах советской газеты со следующим признанием: *«Убежден, что большевизм – это народное движение, и... буду это движение поддерживать»*¹), часть покинула Казань. Всего из 131 члена Совета университета в 1918–1919 гг. по разным причинам город оставили 55 профессоров и преподавателей². После ухода белых университет потерял более 100 преподавателей и служащих³. М.К.Корбут писал, что из Казани с белой армией ушла *«значительная часть профессуры, еще большее количество преподавателей и подавляющее большинство студентов»*⁴. Правда, некоторые преподаватели вернулись в течение 1919–1920 гг.

Вплоть до осени 1918 г. университет продолжал фактически жить по-старому. *«До него не было никому дела, – отмечал М.К.Корбут, – а сам он отнюдь не интересовался принятием на себя каких бы то ни было обязательств в отношении новой власти»*⁵. Положение изменилось с осени 1918 г., когда университет подвергся серьезным структурным изменениям, которые были направлены как на смену состава преподавательских кадров, так и на изменение студенческого контингента. Объектом этих преобразований стали прежде всего гуманитарные факультеты, в том числе историко-филологический факультет, который уже в 1918/19 учебном году подвергся коренному переустройству. Этой же цели служил и целый ряд директивных документов советского правительства, касающихся процесса обучения в высшей школе.

В августе 1918 г. было издано постановление СНК «О преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства», по которому вводился свободный прием в число студентов всех желающих без обязательного представления аттестата об окончании средней школы. Плата за обучение отменялась. Это резко изменило состав студентов как со стороны их социального происхождения⁶, так, к сожалению, и в отношении их подготовленности к прохождению университетского курса. Поэтому приходилось коренным образом перестраивать всю систему преподавания: и учебные планы, и учебные программы, и методы обучения.

В октябре-декабре 1918 г. Совет университета принял также к исполнению декрет о перенесении лекций и практических занятий на вечер «в целях дать возможность всем желающим трудящимся обучаться в высших учебных заведениях» и об отмене государственных экзаменов и дипломов¹.

В отношении профессорско-преподавательских кадров были проведены в жизнь два мероприятия: 1) были отменены ученые степени доктора и магистра и переведены в состав докторов те приват-доценты, которые состояли в этом звании не менее трех лет; 2) были произведены перевыборы всех профессоров, прослуживших 10 лет в университете или 15 лет в вузах вообще. В результате этого профессорско-преподавательский состав историко-филологического факультета изменился: сошли со сцены старые профессора Ф.А.Курганов, А.М.Миронов, К.В.Харлампович, появились новые профессора – бывшие приват-доценты (Н.П.Грацианский, П.Г.Архангельский, А.О.Маковельский, П.П.Миндалев, В.И.Огородников). В результате тайного голосования 15 февраля 1919 г. профессорами по кафедре русской истории были избраны Н.Н.Фирсов (13 – за, 4 – против) и Д.А.Корсаков (12 – за, 2 – против)². Рекомендацию Фирсову дал известный русский историк профессор Ю.В.Готье. Он писал в Совет Казанского университета 31 декабря 1918 г.: *«Н.Н.Фирсов является наследником тех настроений, которые по кафедре русской истории в Казанском университете были представлены А.П.Щаповым и Н.А.Фирсовым. В настоящее время он должен считаться хорошим знатоком, с одной стороны, истории Поволжья и вообще Восточной России, а с другой – народных волнений, которые в XVI–XVII вв. развертывались именно в Поволжье. Причисление Н.Н.Фирсова в число профессоров русской истории в Казанском университете... я считаю неременным условием развития и процветания преподавания русской истории и разработки русской истории в Казани»*³.

Однако проведенные мероприятия не могли решить проблемы профессорских кадров для новой, советской высшей школы, так как и новые профессора из приват-доцентов воспитывались под влиянием тех же традиций, что и ушедшие старые профессора с большим дореволюционным стажем, и не были в состоянии создать на факультете ту обстановку, которая в полной мере отвечала бы требованиям советской власти.

Для подготовки молодых научных кадров из воспитанников университета сохранялся институт профессорских стипендиатов. Весной 1918 г. аспирантуру по кафедре русской истории оканчивает С.А.Пионтковский, а поступают Г.С.Губайдуллин и Е.И.Чернышев¹. В 1921 г. при кафедре русской истории для подготовки к профессорскому званию была оставлена М.В.Нечкина².

1918/19 учебный год на историко-филологическом факультете, как, впрочем, и вообще в университете, был, по словам М.К.Корбута, «самым нежизненным» годом: *«Посредственный, средний, неактивный в политическом отношении элемент из среды профессоров и преподавателей и разнокалиберная молодежь на первом курсе... Цель старой школы прервалась, ибо ее уже не могло продолжать то студенчество, которое только что вновь поступило в высшую школу»*³, а новая школа создана еще не была. На кафедре русской истории в 1918/19 учебном году читался общий «Курс русской истории Московского периода» и общий курс «Истории России с конца XVIII столетия» (профессор Н.Н.Фирсов), им же велись практические занятия по курсу истории Московского периода. И.А.Стратонов читал «Историю местного края», А.Г.Архангельский – курсы «Русская историография» и «Развитие русской общественной мысли»⁴. В 1919 г. В.И.Огородниковым была разработана программа по общему курсу русской истории XVIII–XIX вв.⁵

Перечень спецкурсов и спецсеминаров по сравнению с 1917/18 учебным годом был несколько расширен и включал спецкурс «Время императора Николая I», спецсеминар «Крестьянский вопрос при Николае I» (доцент В.И.Огородников), спецкурс «История образования сословий в России», спецсеминар «Крестьяне казенного ведомства» (доцент И.А.Стратонов), спецкурс и спецсеминар «История аграрных отношений в России» (приват-доцент А.Г.Архангельский)¹.

Таким образом, хотя в учебных планах в 1918/19 учебном году и произошли некоторые изменения (в частности, усилено было внимание к изучению историографии социально-экономических проблем истории России, в особенности аграрно-крестьянского вопроса), принципиально нового характера они не носили.

Иногда изменения были сугубо формальными, когда название учебной дисциплины менялось, а содержание ее оставалось прежним. В особенности это касалось преподавания церковной истории. В 1929 г. М.Н.Покровский, характеризуя рассматриваемый период, отмечал: *«Величайший скандал был в том, что бывшие профессора церковного права, переименованные в социологов или историков религии, зачитывали свой прежний курс»*². Подобная ситуация сложилась и на историко-филологическом факультете Казанского университета, где взамен общеуниверситетской кафедры богословия в мае 1918 г. была создана кафедра истории религии³.

Новую власть не устраивали ни перечень читаемых дисциплин, ни их содержание, ни существующие методологические подходы к преподаванию истории, ни, в большинстве своем, те люди, которые несли исторические знания студентам. Стоило Наркомпросу, руководившему тогда исторической наукой, прийти к выводу, что в учебных заведениях гуманитарного направления слишком много буржуазных профессоров и старым юридическим и историко-филологическим факультетам нет места в дальнейшей перестройке университетской системы, как они стали постепенно ликвидироваться, а на смену им в соответствии с постановлением Наркомпроса от 3 марта 1919 г. были созданы факультеты общественных наук (ФОНы).

В марте 1919 г. в Казанском университете был упразднен *«ввиду совершенной устарелости учебных планов»*, а также *«полного несоответствия этих планов как требованиям научной (марксистско-ленинской? – А.С.) методологии, так и потребности советских учреждений в высококвалифицированных работниках»* юридический факультет *«с временным вплоть до образования факультета общественных наук перечислением в состав исторического отделения историко-филологического факультета кафедр политической экономии и статистики, финансового и международного права»*⁴.

В апреле 1919 г. в противовес старым гуманитарным факультетам на базе юридического факультета был создан факультет общественных наук с тремя отделениями – юридическо-политическим, экономическим и историческим. Хотя, согласно постановлению, ФОНы создавались взамен юридических факультетов и исторических отделений историко-филологических факультетов, что касается последних, как отмечалось в протоколе заседания истфилфака от 19 июня 1919 г., *«никаких распоряжений в смысле их отмены ... получено не было»*¹. Это привело к курьезному положению, когда в университете стали существовать одновременно два номинально однородных факультета – ФОН и историко-филологический.

ФОНы создавались для пропаганды и утверждения марксистской методологии. Хотя в состав преподавателей ФОНа Казанского университета были включены почти целиком преподаватели ликвидированного юридического факультета и частично взяты преподаватели с еще существовавшего историко-филологического, ими разрабатывались и читались здесь совершенно новые дисциплины, такие как история социалистических учений, методология общественных наук, современное положение народного хозяйства России, формы рабочего движения, международные отношения европейских держав в связи с начавшейся мировой войной 1914 г. и др.²

Несмотря на то, что на ФОНе преподавали многие известные историки (в том числе, например, и Н.Н.Фирсов), обучение оставяло желать лучшего. Знания, даваемые здесь, носили преимущественно общеобразовательный характер. Не было определенного и ясно очерченного профиля обучения, четких учебных планов и программ. Сложнейшей оставалась и проблема с учебниками. По свидетельству М.Горького, относящемуся к декабрю 1920 г., *«провинция совершенно обескнижена. Агитационную литературу и ту трудно достать, не говоря о книгах общекультурного характера. Нет учебников для школ и университетов. Старые и истрепанные учебники для школ продаются из-под полы по 3 и 5 тыс. за экземпляр. Университет-ские курсы ценятся в десятки тысяч»*³.

Нужно сказать, что создание ФОНов вызвало крайне негативную реакцию среди профессоров и преподавателей Казанского университета. В протоколе заседания историко-филологического факультета от 20 июня 1919 г. справедливо отмечалось, что *«создание общественного факультета только взамен исторического отделения истфилфака и юрфака рассекает живой организм гуманитарных наук и влечет за собой пагубные последствия для их преподавания и развития»*¹.

Несмотря на многочисленные протесты, 1 июня 1921 г. историко-филологический факультет был закрыт и влит в состав ФОНа. Но и последний просуществовал недолго. Через несколько лет стало совершенно очевидно, что процесс обучения на ФОНах зашел в тупик. Скороспелая перестройка в обучении истории не удалась. Кроме того, выяснилось, что и «пролетаризации» студенчества, и обновления профессорско-преподавательского состава путем введения ФОНов добиться не удалось. Имея в основе своей бывшие юридический и историко-филологический факультеты, ФОН, как указывалось в документах того времени, по-прежнему оставался «самым консервативным» факультетом университета. Поэтому в августе 1922 г. ФОН был ликвидирован, а его кадры переданы в созданный в Казани Восточный педагогический институт. Этому же институту еще в 1921 г. были переданы основные музейные и книжные ценности факультета.

Так был фактически завершен разгром исторического образования в Казанском университете. Восстановлено оно было лишь через долгих 18 лет.

Большую роль в изменении состава студенчества в первые годы советской власти сыграли рабочие факультеты, созданные в соответствии с декретом СНК от 17 сентября 1919 г. Несмотря на предоставление рабоче-крестьянской молодежи реальных льгот и привилегий при поступлении в университет, пролетарская молодежь, как показали результаты «первого свободного демократического» приема 1918 г., шла в университет крайне вяло и неохотно, и в силу исключительно слабой (и подчас – и вовсе никакой) подготовки, долго здесь не задерживалась. Поистине гениальным изобретением новой власти в сложившейся ситуации было открытие в соответствии с декретом СНК от 17 сентября 1919 г. рабфаков – этих «пожарных лестниц», по образному выражению А.В.Луначарского, по которым

пролетарская молодежь проникала в вузы, минуя длинные коридоры, предусмотренные архитектурой образовательной системы².

Следует отметить и роль рабфаков в деле выработки новых подходов к изучению отечественной истории в вузах. В первый же год существования рабфака здесь были введены курсы истории и истории социализма¹. Однако в преподавании истории и общественных дисциплин на рабфаке сразу же обнаружилось много трудностей. Главными из них были три: кому, что и как преподавать.

Большую помощь в организации преподавания исторических дисциплин на рабфаке оказали профессор Н.Н.Фирсов и П.Г.Архангельский. Они вели занятия и участвовали в работе предметных комиссий, в зачетных кампаниях. Но их усилий было явно недостаточно. Следовало сформировать собственный педагогический коллектив, который бы хорошо знал специфику работы на этом факультете. Это было сделать крайне сложно, особенно применительно к преподаванию истории и общественных дисциплин, так как таких преподавателей в это время явно не хватало. По воспоминаниям В.Д.Игнатович, преподававшей историю на рабфаке с 1919 г. по 1937 г., когда она в 1918 г. пришла в канцелярию подготовительных курсов (предшественников рабфака) и обратилась к секретарю с предложением работать на курсах, та посмотрела на нее «с радостью и сказала: *«Вы не можете себе представить, как будет рад Евгений Иванович Зарницын! (заведующий курсами. – А.С.). Он никак не может найти преподавателей, чтобы открыть курсы. Никто не идет»*»².

К чести организаторов рабфака, им удалось довольно быстро сформировать педагогический коллектив из лучших педагогов Казани, который окончательно оформился примерно к 1922 г. Большую роль в этом сыграли заведующий рабфаком Е.И.Зарницын, а с 1921 г. историк М.К.Корбут – хороший организатор, возглавлявший работу рабфака до 1926 г. На формирование преподавательского коллектива большое влияние оказали сами студенты-рабфаковцы. Завуч рабфака В.И.Пономарев в этой связи отмечал: *«На казанском рабфаке создались некоторые кадры преподавателей, которые, работая с первых лет его существования, с полным правом могут считать себя политическими воспитанниками рабфака. Рабфак оформил их политическую личность»*³.

Первостепенное значение на рабфаке уделялось преподаванию общественных дисциплин, в меньшей степени – истории. К 1920 г. на рабфаке читались курсы обществоведения, истории, краеведения⁴. Председателем предметной комиссии по обществоведению с первых дней рабфака стал В.В.Адоратский, известный политический деятель и историк, а после его отъезда в Москву в 1920 г. работу комиссии возглавила С.А.Козлова, проработавшая на рабфаке до его закрытия в 1937 г. Предметные комиссии решали организационные вопросы в области учебы, составляли и утверждали планы, программы, темы письменных работ, списки учебных пособий, разрабатывали методы преподавания.

В объяснительной записке, составленной В.В.Адоратским и С.А.Козловой к одной из первых программ по истории, была сформулирована цель ее изучения – выявить закономерности исторического процесса, путем исторического подхода уяснить современность с точки зрения исторического и диалектического материализма. Подчеркивалась необходимость изучения истории родного края¹.

В 1921/22 учебном году на рабфаке общественные дисциплины вели 12 преподавателей (5 – по курсу обществоведения, 6 – истории, 1 – краеведения). Помимо уже упомянутых В.В.Адоратского, В.Д.Игнатович, С.А.Козловой, в первые годы существования рабфака здесь работали историки П.Г.Архангельский, М.Д.Бушмакин, М.К.Корбут, М.В.Нечкина, В.И.Пономарев, Н.Н.Фирсов. Представители старшего поколения трудились бок о бок с молодыми преподавателями, причем и те, и другие заслужили глубокое уважение слушателей рабфака. С необычайной теплотой вспоминали через много лет бывшие рабфаковцы своих преподавателей истории и обществоведения, выделяя такие их качества, как умение увлечь изучаемым предметом, эрудицию, доступность изложения материала, участливое отношение к слушателям².

На рабфаке постоянно велась работа по совершенствованию методики преподавания истории, по улучшению учебных планов и программ. В этой связи хочется особо отметить деятельность преподавателя истории и обществоведения М.Д.Бушмакина, секретаря педагогического общества при Казанском университете.

Сначала каждый преподаватель рабфака имел свою программу. С образованием предметных комиссий наметилась координация планов и программ внутри факультета, они стали утверждаться Советом рабфака. В 1921–1922 гг. на основании обобщения опыта первых лет работы Отдел рабфаков предложил первые примерные программы, в том числе и по истории.

В соответствии с ней, истории уделялось 7 (на биологическом и техническом отделениях) и 9 (на общественно-экономическом отделении) часов в неделю, причем программа была предложена лишь по новейшей зарубежной истории. В заметке по поводу этой программы М.О.Бушмакин подчеркивает необходимость изучения истории России, особенно новейшей, причем следует проводить ее параллельно с историей Запада, так как имеется множество точек соприкосновения. Необходимым, с его точки зрения, является и курс истории культуры, который может соединить курсы истории России и новейшей истории зарубежных стран. Бушмакин предлагает особое внимание уделять «эволюции хозяйственной жизни России за разные периоды ее истории» и «социальным явлениям соответствующих эпох», изучению истории крестьянства и рабочего класса¹.

Очень сложная ситуация складывалась с учебниками. По воспоминаниям рабфаковцев, одним из первых был рекомендован и использовался ими для подготовки по курсу отечественной истории учебник М.Н.Покровского «Русская история в самом сжатом очерке», который «поразил... своей новизной»². А в 1928 г. увидело свет пособие Н.Н.Фирсова «Русская история. Руководство преимущественно по истории классовой борьбы в России. Для рабфаков и самообразования. Вып.1. Древний период – до конца XVI в.» (М., 1928).

На рабфаке работало несколько кружков по общественным дисциплинам, которыми руководили В.Д.Игнатович, С.А.Козлова, В.И.Пономарев. Но особый интерес у слушателей вызывала работа в кружке по изучению исторических документов, которым руководила М.В.Нечкина. Наиболее способных слушателей привлекали для работы в архивах по выявлению документов. Так, слушатель Р.Ш.Тагиров совместно с М.К.Корбутом по заданию Института В.И.Ленина выявлял в местном архиве документы казанского периода жизни В.И.Ленина. Приобретение навыков работы с документами имело огромное значение в подготовке молодых кадров.

Основное внимание в работе кружков уделялось истории революционного движения. Студенты выступали с докладами о жизни и деятельности К.Маркса, Ф.Энгельса, Н.Г.Чернышевского, Н.Е.Федосеева и др. В.В.Адоратский и его секретарь А.М.Рахлина устраивали выставки литературы по истории революционного движения в России и Западной Европе. В.В.Адоратским был создан на рабфаке парткабинет, содержавший всю необходимую для партийно-политического просвещения литературу¹.

Таким образом, хотя преподавание истории на рабфаке Казанского университета в первые годы его существования было довольно политизировано и в соответствии с общим уклоном основное внимание уделялось истории революционного движения и отчасти новейшей истории России, довольно высокий профессиональный уровень преподавательских кадров и отсутствие единых программ способствовали тому, что рабфаковцы получали весьма цельные представления об истории России, в особенности XIX – начала XX вв., у них вырабатывались некоторые навыки по анализу исторических источников. Это был путь проб и ошибок в совершенствовании преподавания истории в новых условиях.

С середины 1920-х годов ситуация коренным образом изменилась. Обществоведение становится основным предметом преподавания в высшей и средней школе, полностью вытесняя отсюда историю. Закрывание специальных исторических отделений историко-филологических факультетов усугубило этот процесс. Его негативные стороны были очевидны с самого начала. Полный отказ от преподавания истории, изучение общих социологических схем без опоры на конкретные исторические факты, отказ от выработки навыков работы с историческими источниками обрекали историческую науку на полный застой.

По решению XIII партконференции РКП(б), состоявшейся в январе 1924 г., с 1924 г. во всех вузах было введено обязательное изучение истории партии и ленинизма. Это решение распространялось и на Казанский университет.

Еще в декабре 1922 г. в университете проводится общестуденческий диспут «Для чего нужна в вузах политграмота». После оживленных прений участники диспута постановили: *«Одобрить введение обязательности изучения политграмоты (декретированных предметов) как средства, способного расширить кругозор студенчества, дать ему необходимую подготовку политико-экономического характера, просить коммунистическую организацию выделить ответственных руководителей марксистских кружков и предоставить в распоряжение студентов, изучающих политграмоту, необходимые руководства»*. Первыми преподавателями марксистского минимума были Н.Н.Бронштейн, Г.Б.Гермаидзе, В.Т.Дитякин, М.К.Корбут, Н.Б.Векслин, З.И.Вольфович².

Хотя по новым учебным планам во второй половине 1920-х годов читался студентам всех факультетов курс истории революционного движения (вначале М.К.Корбутом, затем З.И.Вольфовичем) и даже функционировал общеуниверситетский кружок «Истории и методологии» в количестве 15–20 человек, изучению истории в этот период должного внимания не уделялось¹. Студенты получали некоторые знания исторических фактов и определенный запас исторических имен и дат, однако в первую очередь от них требовалось понимание того, что *«история творится при помощи классовой борьбы, что классовая борьба есть стержень, на который нанизывается исторический процесс»*².

Преподаванию общественных дисциплин в ущерб истории стало уделяться еще большее внимание и на рабфаке. В 1924 г. здесь были введены первые обязательные программы по истории. Отныне курс назывался «История классовой борьбы» и наряду с политграмотой занимал по количеству часов ведущее место среди общественных дисциплин³. Курс был очень обширным и включал, по замечанию преподавателя рабфака И.Д.Андреевского, *«обилие материала от каменных орудий и открытия огня до последней партконференции и пленума Коминтерна»*, в том числе и историю ВКП(б)⁴. Основным методом обучения во второй половине 1920-х годов было написание докладов и рефератов и их коллективное обсуждение, поскольку учебников по-прежнему не было. Широко использовался также метод беседы и коллективной проверки знаний группами из трех человек⁵.

Среди преподавателей истории классовой борьбы на рабфаке во второй половине 1920-х годов были И.Д.Андреевский, М.Д.Бушмакин, В.Т.Дитякин, В.Д.Игнатович, В.И.Пономарев, В.И.Жилинский, Е.В.Грачев⁶. В начале 1930-х годов рабфак получил впервые в качестве преподавателей своих бывших

воспитанников, в их числе и историка Р.Ш.Тагирова⁷. При подборе преподавательских кадров основное внимание обращалось на партийную принадлежность – этот признак был определяющим даже при составлении отчетных статистических документов рабфака¹.

В целом, в преподавании истории и общественных дисциплин во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х годов был сделан огромный шаг назад. Наблюдалось существенное снижение теоретического уровня преподавания, его сильнейшая идеологизация влекла за собой откровенные фальсификации и создание в сознании молодых людей упрощенного и во многом извращенного представления о сущности исторического процесса и его особенностей применительно к истории нашей страны. Несмотря на то, что в 1926 г. в программной статье «Место истории в программах общественно-экономических вузов», опубликованной в журнале «Историк-марксист», указывалось, что *«нельзя ограничиваться только сообщением фактического материала, не сообщая того, как он интерпретировался»*, и подчеркивалась значимость таких дисциплин, как историография, методология исторических знаний, археология, источниковедение², фактически изучение этих дисциплин приходило в полный упадок. Страшно было даже не то, что утрачивались кадры квалифицированных преподавателей, страшно было то, что утрачивалось понимание необходимости изучения этих курсов.

Лекционно-семинарскую работу стал заменять бригадно-лабораторный метод обучения, когда индивидуальные формы работы стали заменяться коллективными. Лекции сокращались до минимума, а иногда и полностью заменялись семинарами. Были отменены экзамены, зачеты, защита дипломных работ³.

Неоднократные реорганизации университета приводили к неустойчивому положению профессорско-преподавательского состава, к нарушению учебного процесса. Историческое образование в Казанском университете было практически полностью ликвидировано. Произошло заметное ухудшение профессорско-преподавательского состава. Квалифицированных педагогов не хватало, а между тем многие старые специалисты были сознательно отстранены от преподавательской деятельности. Так, в справочнике «Научные работники Казани» на 1927 г. насчитывается всего 8 историков, из них только двое – Н.Н.Фирсов и Е.И.Чернышев – преподаватели русской истории. Пятеро из 8 работали в Восточном педагогическом институте, а И.И.Покровский – профессор по курсам «История» и «Архивоведение» – обозначен как «безработный»¹.

К середине 1930-х годов преподавание исторических дисциплин в Казанском университете настолько сократилось, что положение стало угрожающим как для подготовки кадров и развития научно-исследовательской работы, так и для преподавания истории и общественных дисциплин в средних школах и других вузах города и региона. Возникла насущная необходимость в восстановлении прежних факультетов, в создании учебников для школ и вузов, в пересмотре учебных планов для того, чтобы гуманитарные дисциплины получили права гражданства. Правда, до истории очередь дошла лишь в середине 1930-х годов, когда после известного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» были с 1 сентября 1934 г. восстановлены исторические факультеты вначале в Московском и Ленинградском, а затем – в Белорусском, Саратовском, Воронежском и других университетах. В Казанском университете восстановление факультета произошло еще позднее. Только в июне 1939 г. было получено распоряжение Наркомпроса РСФСР об открытии в Казанском университете исторического факультета, который и был открыт осенью 1939 г., а в 1940 г. преобразован в историко-филологический².

Однако радость по поводу открытия исторических факультетов была преждевременной. Постановление 1934 г. фактически не открыло нового периода ни в изучении, ни в преподавании истории. На историю сразу же набросили административно-бюрократическую узду. Ни реорганизация исторических учреждений, ни расширение изучения отечественной истории в вузах не могли в тех условиях реально противостоять тому утверждавшемуся догматизму, который на долгие годы сковал творческую мысль историков.

Осенью 1939 г. на I курсе истфака КГУ приступили к занятиям две группы студентов (63 человека). Однако наблюдалась большая текучесть контингента. Так, к концу 1939/40 учебного года на факультете оставалось всего 39 человек (хотя 28 из отсеявшихся были призваны в РККА)³. «Малочисленность студенческого коллектива» факультета отмечалась и в отчетных документах 1940/41 учебного года⁴.

Факультет имел только одну специальность и только одну кафедру истории, которая объединяла и всеобщую историю, и историю СССР.

Очень сложная ситуация сложилась с профессорско-преподавательским составом, так как факультет создавался практически на пустом месте. Особенно плохо обстояли дела со специалистами по историческим дисциплинам, большинство их привлекались по совместительству из Казанского педагогического института¹. Заведовал кафедрой (по совместительству) доцент КПИ Е.И.Устюжанин. Деканом факультета был доцент А.П.Плакатин, заведующий кафедрой марксизма-ленинизма, окончивший истфак МГУ и аспирантуру Московского историко-филологического института. Сфера его научных интересов лежала в изучении отечественной истории: в 1939 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Союз 17-го октября и самодержавие». Своих штатных преподавателей, кроме А.П.Плакатина и В.И.Пономарева, проводившего семинарские занятия по истории СССР, факультет не имел.

Общий курс «История народов СССР» читал Е.И.Устюжанин. Со второго семестра 1940/41 учебного года его стал вести кандидат исторических наук В.И.Донской, специально направленный из Москвы в Казанский университет для укомплектования кафедры, но погибший в самом начале Великой Отечественной войны². Предлагалось три спецкурса по отечественной истории: «История народов одной из союзных республик», «Образование Московского государства», «Крестьянские войны XVII–XVIII вв.»³. Очевидно, что тематика спецдисциплин была явно ограниченной, в особенности по советскому периоду. Мало внимания уделялось освещению проблем историографии и источниковедения. В связи с тем, что по многим основным дисциплинам отсутствовали учебники, лекции часто наполнялись большим объемом фактического материала, что нередко делалось в ущерб изложению общих концепций, характеристике источников и литературы. Однако все эти недостатки были в значительной степени обусловлены общим состоянием изучения истории СССР в тот период.

Тем не менее, даже на первых порах существования факультета на кафедре истории велась определенная работа по совершенствованию лекционных курсов и проведению практических занятий. Так, осуществлялось стенографирование лекций с целью их последующего обсуждения, причем не только на предмет их научного и методического совершенства, но и на предмет их идейной выдержанности. Неслучайно, в 1939/40 учебном году на истфаке было простенографировано 34 часа лекций – в 5–6 раз больше, чем на других факультетах. Для практических занятий по курсу истории СССР В.И.Пономаревым был подготовлен учебный текст «Русской Правды» с вводной объяснительной статьей и примечаниями. На факультете работал кружок по истории СССР в составе 28 членов, в 1939/40 учебном году был выпущен первый номер «Бюллетеня исторического кружка»¹.

В целом, на историческом факультете оформилась довольно стройная система учебного процесса. Важнейшая роль на всех курсах отводилась лекциям. На младших курсах студенты работали в просеминарах, на старших – в спецсеминарах. Контроль за результатами учебы осуществлялся в ходе экзаменационных сессий.

Таким образом, предвоенные годы были важным периодом в жизни возрожденного факультета, когда фактически заново началось становление преподавания отечественной истории в Казанском университете. Однако утрата квалифицированных преподавательских кадров, потеря исторически сложившихся в Казанском университете традиций и навыков в преподавании отечественной истории, с одной стороны, и всеобъемлющая идеологизация и догматизация самой преподаваемой дисциплины, с другой, делали этот процесс крайне болезненным, невероятно трудным и длительным.

Рассматривая основные этапы становления и развития преподавания отечественной истории в КГУ в 1918 г. – конце 1930-х годов, не следует забывать о том, что в этот сложный и весьма противоречивый период Казанский университет никогда не был чисто учебным центром. Здесь активно развивался ряд научных направлений, работали многие видные ученые, в том числе и историки, внесшие существенный вклад в изучение отечественной истории. На базе университета или при активном участии его преподавателей и сотрудников действовал ряд научных исторических обществ, и среди них – Общество археологии, истории и этнографии (ОАИЭ), которое, по словам С.А.Пионтковского, было *«единственным обществом, ведущим большую работу по изучению истории и этнографии национальностей, населяющих обширный бассейн Волжско-Камского края»*².

Рассматриваемый период в изучении отечественной истории в Казанском университете не был хронологически единым. Внутри него можно выделить три этапа:

1. 1917–1923 гг. – начальный этап становления советской историо-графии отечественной истории в Казанском университете. Основной его характерной особенностью было преобладание литературы научно-популярного характера, литературы публицистической, хотя в Казанском университете в этот период появляется и ряд довольно серьезных исследований в области отечественной истории (П.Г.Архангельского, М.В.Нечкиной, И.А.Стратонова, Н.Н.Фирсова), отмеченных строго научным подходом к оценке исследуемых фактов и обстоятельным анализом широкого круга исторических и историографических источников.

2. 1924–1928 гг. – падение престижа академической исторической науки в глазах общества создало особо неблагоприятный фон для деятельности ее представителей. Постепенное ограничение свободного обмена социальной информацией, возможностей объективного анализа исторических проблем оказали существенное влияние на выбор тематики исследований, методы реализации исследовательских инициатив, способствовали возникновению самоцензуры, ставшей отличительной чертой советской науки. Однако возобладание идеологически «актуальной» тематики и идеологически выверенных исследовательских методов не сумели еще до конца подавить сохраняющиеся остатки научного плюрализма. Некоторые элементы «свободы» научного творчества прослеживаются в этот период не только в трудах историков Казанского университета, но и в деятельности научных исторических обществ (ОАИЭ, Научное Общество татароведения (НОТ)), созданных по инициативе и при прямом участии ученых университета. Заботы о судьбах архивов учреждений, оставшихся без государственного контроля после Октября, возможность изучения ранее закрытых дипломатических договоров и документов политической элиты царизма, интерес к деятельности политических партий и движений, желание понять сущность социальных кризисов современности обусловили постепенный рост интереса историков Казанского университета к изучению истории нового и новейшего времени.

3. С конца 1920-х годов – этап усиленной идеологизации, а позднее – догматизации и фальсификации в изучении отечественной истории, когда всякое отклонение от единственно правильной с позиции административно-бюрократического аппарата или группы лиц точки зрения квалифицировалось как враждебное, носящее политический характер. Было покончено со свободным обсуждением исторических проблем, началась травля и отлучение от науки ученых старой школы («фирсовщина»), а молодое поколение историков должно было послушно и дисциплинированно выполнять субъективный заказ идеологического обеспечения утверждающегося культа личности и партийно-государственной бюрократии. Подобный пример «послушания» может быть прослежен в последних работах М.К.Корбутова. Затем последовали прямые репрессии, жертвами которых стали С.Г.Вахидов, Е.С.Гинзбург, Г.С.Губайдуллин, Г.Г.Ибрагимов, М.К.Корбут, Е.И.Медведев, Н.Н.Эльвов и другие исследователи проблем отечественной истории и истории партии, так или иначе связанные с Казанским университетом.

Развитие исторической науки в Казанском университете в первые годы после Октября шло непростым путем. Значительная часть исследований в области отечественной истории, появившихся в этот период, принадлежала перу историков, взгляды которых сформировались в дореволюционное время. Научный авторитет их был весьма велик, а процесс перехода на новые позиции – сложен и не скор.

Интересы и исследовательские способности историков старой школы были обращены в первую очередь на изучение ранней истории России – истории Киевской, Владимирской, Московской Руси, русского средневековья. Большинство работ хронологически не выходило за рамки дореформенного периода. Отечественная история второй половины XIX – начала XX вв. этими исследователями изучалась недостаточно. Обращение к отдельным сюжетам XIX–XX вв. не было главным направлением исследовательской работы и не создало основательных исследовательских традиций. Это отражало общее состояние отечественной историографии на этом этапе.

Научная разработка русской истории второй половины XIX в. и особенно истории современности представлялась делом трудновыполнимым, а многим – и преждевременным. Определенную роль здесь играли субъективные факторы – сила историографических традиций, авторитет научных школ, уверенность, что для событий всем памятных не наступил срок «исторической давности», сомнение в уместности писать о людях, еще живых.

Главной объективной трудностью была недостаточная разработанность источников по истории России конца XIX – начала XX вв. Недоступность, а нередко и прямая засекреченность важнейших комплексов источников тормозили развитие исследовательской мысли. Относительно доступные группы источников (законодательные акты, периодическая печать, статистические материалы) отличались неразработанностью четкой методики источниковедческого анализа и критики.

С другой стороны, молодые историки-марксисты в силу конъюнктурных потребностей и отчасти слабой подготовленности мало занимались изучением российской истории периода феодализма. Долгое время она оставалась монополией историков старой школы. Одним из основных вопросов, стоящих в центре внимания этих историков, был вопрос о генезисе и развитии феодализма в Древней Руси, и, в связи с этим, о положении различных категорий сельского населения в ту эпоху, причем особое внимание уделялось проблемам источниковедения.

В 1920 г. в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии» при Казанском университете («ИОАИЭ») была опубликована большая статья профессора И.А.Стратонова (1881–1942) «К вопросу о составе и происхождении Краткой редакции Русской Правды»¹, где шла речь о спорных, дискуссионных проблемах происхождения этого памятника. Справедливо полагая, что решение этого вопроса невозможно вне связи с летописью, так как рассматриваемый источник и дошел до нас в составе летописи, Стратонов высказывает гипотезу, согласно которой существовавшие некогда раздельно части памятника были объединены в одно целое на почве летописи, а сводчиками являлись авторы летописных сводов. Однако для практических целей такая компиляция была неудобной, что и привело к образованию Пространной редакции «Русской Правды».

И.А.Стратонов исследовал также проблему состава и происхождения «Пространной редакции «Русской Правды»». В прошении в историко-филологический факультет Казанского университета от 8 марта 1921 г. он писал: «В Казани имеется до пяти списков названного памятника, которые мною изучены. Списки эти до настоящего времени не были приняты во внимание при изучении «Русской Правды»². Стратонов отмечает исключительную значимость источника «для характеристики социальных и экономических отношений того времени»³. Помимо этого, им был собран обширный архивный материал о самоуправлении крестьян России во второй половине XVIII в.⁴

В журнале «Казанский библиофил» в 1921 г. отмечалось, что совершенно готовы к публикации следующие работы И.А.Стратонова: «Земская реформа Ивана Грозного», «К вопросу о проекте жалованной грамоты крестьянскому населению, составленной Екатериной II», «Новейшие течения в области изучения начальной русской летописи», «Исходные моменты русской истории в изложении акад. А.А.Шахматова», но «ввиду тяжелейших условий эти рукописи опубликованы быть не могут»¹. И впоследствии результаты этих исследований опубликованы не были.

Но личность историка И.А.Стратонова интересна для нас не только своими научными исследованиями и педагогической деятельностью. Стратонов был в числе немногих избранных профессоров Казанского университета, которые не побоялись зимой 1922 г. открыто выступить против новой власти во имя спасения родной alma mater. Эти события вошли в литературу как «профессорская забастовка» 1922 г.²

В январе 1922 г. забастовала московская профессура, доведенная до отчаяния тем положением, до которого была низведена старая высшая школа за несколько лет существования советской власти, в том числе и своим нищенским состоянием. Газета «Правда» связала эту забастовку с опубликованной в парижских «Последних новостях» статьей П.Н.Милюкова «Разгром высшей школы», в которой российской профессуре рекомендовалось не ограничиваться пассивными протестами, а действовать в открытую.

Дело было отнюдь не в «директиве» Милюкова. Выступления профессуры были во многом спровоцированы последними акциями советской власти в отношении высшей школы. В частности, полное непонимание и неприятие вызвало разработанное Наркомпросом по указанию ЦК РКП(б) «Положение об управлении вузами» от 4 марта 1921 г., согласно которому университет фактически лишался своей автономии. Высшим органом университета отныне становилось правление – коллегиальный орган из 3–5 лиц (в том числе один – обязательно представитель студентов), назначаемых Главпрофобром. Председателем правления являлся ректор. По мере необходимости, но не реже одного раза в месяц, правление созывало Совет университета, состоявший не только из профессоров, но и из представителей общественных организаций и органов народного образования. Аналогичные изменения предполагалось провести и в управлении факультетами³. Преподаватели Казанского университета поддержали почин своих московских коллег: решено было занятия после зимних каникул в феврале 1922 г. не начинать. В качестве основного предлога выдвигалось тяжелое материальное положение преподавателей, но реальная причина была гораздо глубже и коренилась в общем неприятии политики советской власти в отношении высшей школы. И.А.Стратонов был включен в состав специальной комиссии, которой предстояло, «*обсудив высказанные в Совете мнения, изыскать конкретные меры к поддержанию дальнейшего существования университета*», а пока отложить «*суждение по вопросу о начале учебных занятий со студентами*»¹.

Свой доклад Комиссия представила Совету 31 января. Он был поистине смелым. В нем, в частности, предлагался ряд конкретных мер по сохранению научных кадров высшей школы. Предлагалось, например, закрытие учебных заведений, открытых после 1917 г. (т.е. совет-ских), в целях сокращения штатов, введение платы за обучение, предоставление университету лесных и иных угодий в арендное пользование, обращение к Американской Администрации Помощи.

Занятия начались лишь в феврале после принятия определенных мер убеждения и принуждения со стороны местных властей, а также в связи с крайне настойчивыми требованиями самих студентов.

И.А.Стратонов выступил и против принятия Н.Н.Фирсова в члены Совета ОАИЭ, так как ему, вероятно, претила ориентация последнего на советскую власть. Все эти поступки не могли пройти для него бесследно. В 1922 г. он был изгнан из университета и вместе с рядом других представителей российской интеллектуальной элиты отправлен на одном из знаменитых «философских пароходов» в Германию, откуда впоследствии перебрался во Францию. Свою научную деятельность И.А.Стратонов продолжал и за границей: в 1920 г. в Париже вышли его работы: «Документы Всероссийской Патриаршей церкви последнего времени», «Исходный момент русской церковной смуты последнего времени», «Развитие церковной смуты в 1922 г.». Здесь же, в Париже, Стратонов возглавлял один из приходов Русской православной церкви. В марте 1942 г. он был арестован гестапо за антифашистскую пропаганду и сбор средств в помощь советским гражданам, бежавшим из плена или отбывавшим трудовую повинность на военных заводах рейха. В 1947 г. издаваемая в Париже газета «Советский патриот» опубликовала некрологи о погибших русских. В списке значились активные участники французского Сопротивления. Среди них был и Иринарх Стратонов².

В первые послереволюционные годы историками старой школы разрабатываются и вопросы истории государственных учреждений России в эпоху феодализма. Так, большая статья В.И.Огородникова была посвящена преобразованиям, структуре и деятельности центральных учреждений России в первой четверти XVIII в.¹

Разработке аграрной проблематики уделял большое внимание молодой, талантливый историк, приват-доцент, а затем профессор Казанского университета П.Г.Архангельский (1884–1921). Этими вопросами он начал заниматься еще до революции². В 1920 г. в Казани была издана наиболее крупная работа П.Г.Архангельского «Очерки по истории земельного строя России». В основе ее лежал цикл публичных лекций, прочитанных им в Казанском университете весной 1917 г., а затем переработанных в спецкурс, читавшийся студентам историко-филологического факультета в 1918/19 учебном году.

Автор в работе ставит задачи показать, «*каковы были перемены в русских земельных порядках из старины, когда и почему они происходили и какое значение имели для жизни народа*». Именно эти вопросы и составляют, по мнению Архангельского, содержание истории земельного строя в России³.

Историк подробно и обстоятельно рассматривает процесс эволюции аграрного строя России, начиная со складывания общинного землевладения и заканчивая характеристикой его состояния к Октябрю 1917

г. Особое внимание уделяется в работе таким проблемам, как реформа 1861 г., крестьянское движение в 1905–1907 гг., столыпинская аграрная реформа. Реформу 1861 г. автор оценивает весьма негативно, считая, что она была проведена исключительно в интересах дворянства и правительства. Рассматривая крестьянское движение в период первой русской революции, П.Г.Архангельский подчеркивает, что именно с этого момента, по его мнению, изменяется сущность и главные цели этого движения – впервые лозунг «земля» вытесняет требование «воля». Не бесспорна та негативная оценка, которую дает Архангельский столыпинской аграрной реформе, считая ее основными последствиями осложнение аграрного вопроса и создание опасности великой междоусобицы в деревне⁴.

Определяющими факторами, влияющими на изменение земельного строя в любой стране, историк считает «природные условия, народные нужды и его скрытые силы». Именно под влиянием этих факторов земельный строй изменяется скорее сам собою, нежели под влиянием «разума и воли отдельных людей, как бы властны и могучи они ни казались на первый взгляд... Так было везде и всегда, так было и в России до сего часа, так будет, конечно, и впредь»¹.

Жизнь опровергла этот прогноз П.Г.Архангельского – человека, принявшего и признавшего Октябрьскую революцию, предрекавшего свободное и успешное развитие аграрного строя России после 1917 г. Не сообразуясь с указанными внутренними факторами, именно воля отдельных людей определила сущность и направленность развития аграрного строя России в последующий период. Но историку не суждено было самому увидеть этих преобразований. 5 января 1921 г. в возрасте 36 лет П.Г.Архангельский умер от сыпного тифа. Интересно, что он как бы предвидел скорую смерть и еще в начале 1920 г. передал ОАИЭ рукописи своих статей, чтобы Общество издало те из них, которые сочтет возможным опубликовать². Ни одна из рукописей впоследствии опубликована не была.

Говоря о вкладе ученых старой школы в изучение отечественной истории в рассматриваемый период, следует особо отметить профессора Н.Н.Фирсова (1864–1933), который, как известно, в эти годы продолжал весьма плодотворно свою научную, преподавательскую и организаторскую деятельность³.

Н.Н.Фирсов был сложной и противоречивой личностью, готовой в определенной мере идти на компромисс и наряду с этим стремящейся к самостоятельности и независимости как на педагогическом, так и на научном поприще. Эта противоречивость характера проявлялась во время всей его научной карьеры, но стала особенно очевидной в советской время, оказав значительное влияние на судьбу историка.

Преодолев серьезнейшие колебания в августе–сентябре 1918 г., осенью 1918 г. Н.Н.Фирсов с головой погружается в столь любимую им преподавательскую работу и научное творчество. Он читает лекции на ФОНе и рабфаке Казанского университета, а также общедоступный курс для широкого круга населения. Статьи Фирсова регулярно появляются на страницах губернской газеты «Знамя революции». Помимо университета, он заведует кафедрой в Восточном педагогическом институте (с 1922 г.), исполняет обязанности ректора Восточной Академии (1920–1922 гг.), является бессменным председателем Научного Общества татароведения (1923–1929 гг.) и ОАИЭ (1924–1930 гг.), директором музея пролетарской революции (1926–1931 гг.).

В центре внимания исследователя в этот период по-прежнему остаются традиционные для него вопросы социально-экономической истории России XVI–XIX вв. и проблемы исторической биографики царственных особ и предводителей крестьянских движений. При этом круг субъектов биоисториографического поиска существенно расширяется: помимо традиционных «героев» дореволюционных работ (Александр I, Разин, Пугачев), здесь присутствуют и новые объекты исследования (Александр II, Александр III, Николай II и др.).

В первой половине 1920-х годов Н.Н.Фирсов издает и в основном переиздает целый ряд крупных работ. Среди них – «Чтение по истории Среднего и Нижнего Поволжья», «Чтение по истории Сибири», «Разиновщина как социологическое и психологическое явление народной жизни», «Пугачевщина. Опыт социолого-психологической характеристики», «Русские торгово-промышленные компании в первой половине XVIII столетия» (магистерская диссертация Н.Н.Фирсова), два тома «Исторических характеристик и эскизов», содержащих его статьи, опубликованные в 1890–1920 гг., и др. В 1924 г. Фирсов издает курс лекций, прочитанных в Казанском университете в период первой русской революции¹.

Во второй половине 1920-х – начале 1930-х годов Н.Н.Фирсов продолжает заниматься биографической проблематикой: он издает и переиздает ряд персональных характеристик отдельно (Александра I, Александра II, Александра III, Николая II, Победоносцева), а также в Энциклопедическом словаре Гранат (Софьи Алексеевны, Петра I, Петра III)¹. В общей сложности Н.Н.Фирсовым было создано 35 работ, написанных либо целиком в биографическом жанре, либо содержащих обширные биографические включения.

Постепенно все более значительное место в творчестве Н.Н.Фирсова начинают занимать проблемы современной истории. По нашим подсчетам, в советский период им было опубликовано 119 работ, из них – более половины по отечественной истории советского периода. Он был одним из первых профессиональных историков старой школы, кто начал разрабатывать эти проблемы в Казанском университете. Это имело необычайно большое значение, так как работы Фирсова, помимо введения в

оборот значительного фактического материала, привлечения широкого круга источников, содержали перспективный взгляд на будущее изучение этих вопросов.

1 июня 1921 г. Центральная комиссия Истпарта поручила Н.Н.Фирсову организовать при Татарском бюро Секцию по собиранию материалов для создания истории крестьянского движения в Казанской губернии в 1917–1918 гг. Это поручение было несчастливым и могло исходить от хорошо знавших Н.Н.Фирсова сотрудников Истпарта В.В.Адоратского и С.А.Пионтковского, слушавших его лекции в Казанском университете².

В 1921 г. Н.Н.Фирсов занимался сбором материалов по истории крестьянского движения в Казанской губернии в 1917 г. в фондах канцелярии Временного правительства, МВД и Управления по делам милиции. Результатом анализа этих материалов явилась большая статья, опубликованная в 1922 г. в журнале «Пути революции»³. Эта статья фактически положила начало изучению истории крестьянского движения в Поволжье от февраля к октябрю 1917 г. Одним из первых в отечественной историографии Н.Н.Фирсов на основании большого комплекса архивных документов показал, что Поволжье было одним из центров крестьянского движения в 1917 г., что интенсивность этого движения зависела во многом от наличия в уездах помещичьего землевладения, охарактеризовал основные формы выступлений крестьян, показал роль низовых крестьянских организаций и вернувшихся с фронта солдат в борьбе за землю, проанализировал позицию Временного правительства в решении аграрного вопроса. Все эти наблюдения и выводы основывались на широком круге источников, преимущественно документальных, в том числе и исходящих от самих крестьян.

Н.Н.Фирсов всегда подчеркивал особую роль крестьянства в истории развития революционного движения в России. Это подтвердила и последняя крупная его работа¹. Н.Н.Фирсов, как известно, считал крестьянские войны XVII–XVIII вв. революциями, а Октябрьскую революцию рассматривал как их логическое продолжение и победоносное завершение. Главной движущей силой этой революции он считал крестьянство, а саму революцию – аграрной. Выступая на торжественном заседании ОАИЭ, посвященном 10-летию Октября, он говорил: *«Социальной основой пролетарской революции явилась аграрная, крестьянская революция, на этой-то основе и держится творческая рабоче-крестьянская власть... Кто преуменьшает значение крестьянства в России, тот ничего не понимает ни в России, ни в Октябрьской революции»*².

В январе 1925 г. Н.Н.Фирсов выступил с докладом «Русская революция и Ленин» на совместном заседании ОАИЭ и НОТ³. Доклад был приурочен к первой годовщине со дня смерти В.И.Ленина. Это была одна из первых профессиональных работ историков о роли Ленина в российском революционном движении.

Из значимых публичных выступлений Н.Н.Фирсова этого периода следует отметить также его доклад «Красная Армия и ее борьба» на торжественном собрании Восточного педагогического института по случаю 10-летней годовщины Красной Армии, в котором историк рассматривает основные этапы ее создания и становления⁴.

В 1920-е годы Н.Н.Фирсовым было опубликовано множество рецензий как на отдельные работы историков, так и посвященных общей оценке их взглядов, в том числе объектом его внимания стали появившиеся в эти годы исследования молодых казанских археологов, историков, этнографов и публицистов (С.Г.Валидова, Г.С.Губайдуллина, Г.Г.Ибрагимова, М.В.Нечкиной, Н.В.Никольского, В.Ф.Смолина, М.М.Худякова, Е.И.Чернышева и др.)¹.

В декабре 1928 г. общественность республики отмечала 40-летие научной и преподавательской деятельности Н.Н.Фирсова. Ему был посвящен специальный выпуск «Вестника Научного Общества татароведения»². Тогда же Фирсов был утвержден профессором факультета советского права Казанского университета, где он должен был читать курс истории классово-партийной борьбы. Пожалуй, празднование юбилея было одним из последних счастливых моментов в его жизни. Именно с конца 1920-х годов в отечественной историографии развязывается политическая кампания по борьбе с «фирсовщиной», когда критические замечания, высказанные в адрес самого Фирсова и его работ, были переведены из сферы научной критики в область политических обвинений. В основном они сводились к указанию на недостаточность марксизма в фирсовских трудах и прежде всего в исследованиях биографического жанра. Именно в конце 1920-х – начале 1930-х годов в отечественной историографии получило распространение мнение о народничестве Н.Н.Фирсова. Оно усматривалось, в частности, в присущем его творчеству особом внимании к проблемам крестьянского движения, крестьянских восстаний, что отразилось на тематике его исследований; в пристальном интересе к биографическому жанру, что повлекло за собой обвинение в преувеличении им роли личности в истории и приверженности теории «героя» и «толпы»; в недооценке, по мнению марксистских критиков, роли классово-партийной борьбы, в целом, и пролетарского характера Октябрьской революции, в особенности. С развязыванием кампании по борьбе с «фирсовщиной» началась, по существу, настоящая травля ученого, и имя его надолго исчезло со страниц научных изданий и биографических справочников.

Сохранившиеся дневниковые записи Н.Н.Фирсова отразили всю гамму чувств и переживаний старого ученого, его оценки происходящего и попытки самореабилитации.

В действительности же, несмотря на попытки новой власти дискредитировать Н.Н.Фирсова как ученого и преподавателя, как руководителя научных исторических обществ в Казани, трудно

переоценить его вклад в изучение и преподавание отечественной истории в Казанском университете. Он был пионером в постановке целого ряда проблем в изучении российской истории (в частности, в области взаимоотношений внутри торгово-промышленного класса России в XVIII в. и влияния на них проводимой правительственной политики), ученым-новатором, существенно усовершенствовавшим методы и приемы исследования биографического жанра. Неоправданность отдельных характеристик, скоропалительность выводов были обусловлены не столько политическими моментами, сколько общим уровнем развития исторической и психологической науки в то время. Нельзя не согласиться с выводом А.Л.Литвина и И.П.Ермолаева, что «ошибки Фирсова были в значительной степени обусловлены общим состоянием исторической науки того времени»¹. Многогранное творчество Н.Н.Фирсова и его судьба являются типичным примером существования талантливого ученого в условиях нарождавшегося тоталитарного государства.

Через тернии новой системы прошел не один Н.Н.Фирсов. Став председателем Общества истории, археологии и этнографии, он тесно сошелся с другим ученым, испытывавшим столь же немалые трудности «адаптации» к советскому режиму, профессором В.И.Анучиным (1874–1941)². Хорошо известный историк, этнолог и тюрколог, крупный специалист в области истории и этнографии Сибири, Анучин по обвинению в антисоветской деятельности был в 1922 г. арестован Томским ЧК, и пройдя через застенки томского и нижегородского ГПУ, в сентябре 1923 г. оказался в Казани, куда был выслан с правом преподавания в университете.

В 1923–1928 гг. В.И.Анучин вел занятия по этнографии в Казанском университете и Восточном педагогическом институте, по тюркологии – в Татполиттехникуме. Он мечтал восстановить в КГУ восточный факультет, и по его предложению Н.Н.Фирсов вел переговоры по этому поводу с ректором Московского института востоковедения М.П.Павловичем-Вельтманом. Однако этому не суждено было сбыться...

ГПУ тщательно следило за В.И.Анучиным в Казани. У него регулярно производили выемку и проверку корреспонденции, студенты-сексоты сообщали о содержании его лекций. 28 ноября 1924 г. в его квартире произвели обыск, 2 декабря начались допросы Анучина в местном ГПУ. Принятое на основании всех этих акций решение сослать В.И.Анучина на 3 года в г.Весьегонск Тверской губернии осталось нереализованным только благодаря личному вмешательству Ф.Э.Дзержинского. В Казани Анучину становилось все более и более некомфортно. В 1929 г. он выезжает в Самарканд, где и остается вплоть до самой смерти, последовавшей в 1941 г.

Характеризуя роль ученых старой школы с точки зрения их научной, педагогической и культурно-просветительской деятельности, следует особо отметить проводимую ими в первые годы советской власти большую работу по спасению и организации хранения архивных документов. Огромное значение в этой связи имела деятельность Северо-Восточного археологического и этнографического института, открытого в Казани 4 октября 1917 г. У истоков создания Института стояли члены ОАИЭ из числа профессоров и преподавателей историко-филологического и юридического факультетов Казанского университета, в том числе велика роль профессора истории русского права С.П.Покровского – учредителя Института; известного историка-медиевиста и слависта, профессора М.В.Бречкевича – историка, декана археологического отделения; профессора Б.Ф.Адлера – этнографа, декана этнографического отделения; профессора Н.Ф.Катанова – археолога и ориенталиста, декана археологического отделения¹.

Создатели института ставили перед собой ряд задач. Во-первых, чисто просветительскую. Выступая на церемонии открытия института, С.П.Покровский сказал: «Институт открывается в исключительное время русской жизни, в момент, когда, казалось бы на первый взгляд, все силы народа должны быть отвлечены от спокойных научных занятий. Вот почему требуется глубокое оправдание вновь открытому учреждению... Мы, разбираясь в нашем внутреннем положении настоящего времени, должны прийти к тому же выводу, что настоящее спасение России также и прежде всего в просвещении и поднятии культуры». Другой задачей, по мнению учредителей института, было изучение истории местного края: «Местная археология, местные архивы, местные национальности – их быт и история – привлекали доселе очень мало внимания со стороны исследователей-специалистов. Существовавшие доселе высшие учебные заведения были слишком общими, не прикрепленными к местной почве, они могли бы быть переведены в другую местность, в другие города, – и своей ценности оттого не потеряли бы»². Причем существенное место в программах преподавания должны были занять специальные и вспомогательные исторические дисциплины, такие как музееведение, русская палеография, история государственных учреждений России, историческая география, архивоведение, нумизматика, сфрагистика, дипломатика, генеалогия, геральдика, метрология³.

Преподавание в Северо-Восточном институте носило комплексный, гуманитарный характер, об этом свидетельствуют сохранившиеся учебные планы. Помимо основных курсов по выбранному направлению, студенты обязательно проходили курс одного из современных литературных восточных языков, а также курсы истории народов Поволжья, русской истории, этнографии народов Поволжья¹.

И, наконец, весьма актуальной была задача спасения архивных документов. До революции в Казанской губернии единого архивного органа, регламентировавшего работу архивов, не было, каждое

ведомство организовывало свои архивы и распоряжалось ими по собственному усмотрению. Учрежденная в 1916 г. губернская ученая архивная комиссия при казанском губернаторе официально приступила к работе лишь в феврале 1917 г. и практически ничего сделать не успела.

После Февральской революции состояние казанских архивов существенно ухудшилось. М.Бречкевич пишет об этом так: *«Никто этим не занимался, только университет принял на хранение архив бывшего жандармского управления (и отчасти – губернской канцелярии). Архив губернской канцелярии частью расхищался, частью сваливался в незапертые шкафы. Также было и с архивом дворянского собрания. Архив полицейского управления был выброшен на незапертый сеновал. Документы по выборам в Учредительное собрание свалены были в подвал и их могли выбросить в иное место, если бы для чего-либо понадобилось помещение подвала»*².

Институт дважды получал полномочия от местной власти на перевозку и охрану архивов. Так, специальным предписанием Казанского губернского комиссара от 23 декабря 1917 г. Северо-Восточному археологическому и этнографическому институту было предоставлено право охранять архивы упраздненных учреждений. Но из-за отсутствия средств и помещений реализовать это право полностью не удалось. Так, для вывоза спасенных документов были наняты несколько комнат и подвал в здании Коммерческого училища, был заперт на ключ сеновал, где хранились документы полицейского управления. Летом 1918 г. незадолго до захвата города белочехами на хранение институту были переданы документы окружной комиссии по выборам в Учредительное собрание³.

В октябре 1918 г. президиум Казгубсовета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов подтвердил полномочия Северо-Восточного института на *«право охранять и собирать архивы упраздненных учреждений»*¹. Это позволило активизировать работу по обеспечению сохранности и частично – по упорядочению архивов. К началу 1919 г. удалось спасти и перевезти в помещение института оставшуюся часть архивов губернской канцелярии и губернского правления, сохранившиеся документы архива дворянского собрания и Министерства земледелия и государственных имуществ, документы по выборам в Учредительное собрание. Документы были каталогизированы, в основу их первичной каталогизации был положен принцип: *«все, что жило самостоятельно в прошлом, должно жить самостоятельно в архиве»*. Однако руководство Института расценивало свое право на хранение документов как временное и с пониманием встретило решение Главного управления архивным делом Наркомпроса РСФСР о создании губернского архива.

В феврале 1919 г. была создана Комиссия по охране архивов Казанской губернии. Уполномоченным Главного управления архивным делом был назначен И.А.Стратонов, который и возглавил ее². В состав комиссии от университета вошел профессор П.Г.Архангельский, от ОАИЭ – зав.отделом рукописей общества К.В.Харлампович³. В феврале 1919 г. комиссия *«выразила глубокую благодарность Северо-Восточному институту за проявленную им деятельность по охране казанских архивов»*⁴.

Под руководством ученых старшего поколения в Казанском университете воспитывалась способная и энергичная научная молодежь. На рубеже 1910–1920-х годов в университете начали свою деятельность Г.С.Губайдуллин, М.К.Корбут, М.В.Нечкина, С.А.Пионтковский – талантливые молодые историки. Именно они стояли у истоков формирования целого ряда направлений в изучении отечественной истории, и, в первую очередь, у истоков формирования истории советского общества и как особой учебной дисциплины, и как особого объекта научных исследований. Их научное творчество отразило те тенденции, которые были присущи развитию марксистской историографии в то время со всеми ее сильными и слабыми сторонами. Большинство этих молодых историков впоследствии стали известными советскими учеными.

Среди первых отечественных профессиональных историков-марксистов, взгляды которого уже сформировались к рассматриваемому времени, был один из организаторов советской исторической науки, соратник В.И.Ленина В.В.Адоратский (1878–1945).

По окончании гимназии в 1897 г. Владимир Викторович Адоратский поступает вначале на математическое отделение физико-математического факультета Казанского университета, а в 1898 г. переводится на юридический факультет, который и оканчивает в 1903 г.¹ С юных лет Адоратский интересуется социал-демократическим движением, знакомится с марксистской литературой. С 1900 г. он оказывает содействие казанской партийной организации социал-демократов своим адресом, квартирой, хранением нелегальных изданий. Летом 1904 г. он входит в состав казанского комитета РСДРП.

Именно в Казани В.В.Адоратский создает свои первые научные и публицистические труды. В 1904 г. им были подготовлены «Программа по основным вопросам марксизма» – пособие для работы пропагандистов, выдержавшая четыре издания. В 1920 г. Ленин лично способствовал очередному опубликованию этой работы. В письме на имя секретаря ЦК РКП(б) В.В.Куйбышева Ленин писал: *«Прошу издать быстро; с именем автора; не солить»*².

В ноябре-декабре 1905 г. на страницах издаваемой казанским комитетом РСДРП газеты «Волжский листок» Адоратский помещает ряд статей, характеризующих расстановку классовых сил в революции, ее движущих сил, ведет полемику с меньшевиками. Причем уже в этих работах он стоит на отчетливо выраженных позициях ортодоксального, воинствующего марксизма.

Приехав в Казань после женеvской эмиграции 1906–1908 гг., в 1908–1910 гг. В.В.Адоратский пишет работу «Государство с материалистической точки зрения», рукописью которой живо заинтересовался

В.И.Ленин, увидевший ее впоследствии в Париже, куда Адоратский выехал в январе 1911 г. Однако издать работу удалось лишь после Октябрьской революции.

В последний раз В.В.Адоратский жил в Казани с июля 1919 г. по август 1920 г. Свой последний приезд в Казань он совершил во многом по инициативе В.И.Ленина. 27 июня 1919 г. у Адоратского состоялся разговор с Лениным о необходимости собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции, в том числе и на местах. Решен был вопрос об отъезде Адоратского в Казань. Отчасти это было связано с его тяжелым материальным положением и плохим состоянием здоровья. Сразу же после беседы (а возможно, и во время нее) Ленин посылает телеграмму в библиотеку Казанского университета (копию – в городскую публичную библиотеку) с целью создания для Адоратского необходимых условий для ведения в Казани научной работы. *«Телеграфируйте, имеете ли комплекты «Известий» и «Правды» с октября 1917 г. Если нет у вас, нет ли в другой казанской библиотеке. Мне нужны для спешной работы, поручаемой мною казанцу»*¹.

В.В.Адоратский развернул в Казани активнейшую работу. Он становится у истоков Татарского истпарта, читает лекции на различных курсах – по подготовке внешкольных работников, в пролетарской школе общественных наук, в высшем институте народного образования², и, естественно, в университете – на рабфаке и ФОНе. Темы его лекций: история социализма, история классовой борьбы на Западе, исторический материализм, социализм утопический и научный, общее учение о государстве и праве в связи с советской Конституцией.

6 апреля 1920 г. В.И.Ленин пишет председателю Казанского губисполкома И.И.Ходоровскому: *«В Казани есть (при Университете, доцент или профессор и тому подобное) Адоратский.*

Я его знаю более 10 лет. Надежнейший человек. Хорошо образованный марксист.

Я дал ему поручение написать очерк истории революции.

Прошу

1. Использовать его усиленно для чтения лекций и тому подобное.

2. Помочь ему пайком (усиленным) ему и семье дровами и пр.

*3. Телеграфировать мне его адрес (и что для него сделано)»*³.

В тот же день – Адоратскому: *«...3. Можете ли собрать материалы для истории гражданской войны и истории Советской республики?*

Можно ли вообще собрать в Казани эти материалы?

Могу ли я помочь?

Комплекты «Известий» и «Правды»? Многого не хватает?

Могу ли я помочь достать недостающее?

*Прошу Вас написать мне, дать Ваш адрес»*⁴.

В.В.Адоратский действительно занимался в Казани преимущественно сбором материала. Он отличался исключительной научной добросовестностью, особенно в работе с историческими источниками. 6 января 1920 г. он пишет Ленину: *«С обещанной работой дело обстоит так: я просмотрел газеты с апреля до 11 августа 1918 г. и с октября до конца 1918 г. Это все, что здесь имеется за 1918 г. Материал, имеющийся в просмотренных мной газетах, я извлек, и он у меня под рукой. Когда будет немного посветлее и потеплее, я приведу в порядок и пришлю...»*¹.

Безусловно, большую роль сыграл Адоратский в постановке преподавания общественных дисциплин в Казанском университете. Преподавательская работа позволила ему пересмотреть и усовершенствовать «Программу по основным вопросам марксизма». Существенную часть ее в издании 1922 г. составляет раздел, где предлагается программа и литература по истории, в том числе и истории России². Правда, составитель рекомендует изучать историю России лишь с середины XIX в. Хотя раздел составлен очень схематично, отчетливо проявляется весьма негативное отношение автора к дореволюционной историографии. Так, для изучения истории России с середины XIX в. до времени выхода программы он рекомендует лишь работы М.Н.Покровского. В специальном разделе программы «Роль науки и теоретического мышления в пролетарской революции» Адоратский пишет: *«Деятели науки – сторонники старого режима, пропитанные симпатией к старому порядку, являются самыми яростными врагами революции»*. Далее он решительно высказывается против использования «буржуазных специалистов» как преподавателей, особенно по общественным наукам, считая, что им лишь можно *«давать специальные литературные задачи, заставляя их работать под руководством компетентных коммунистов»*³.

В августе 1920 г. В.В.Адоратский был вызван в Москву для работы в Истпарте ЦК РКП(б).

В 1923 г. в Москве выходит работа В.В.Адоратского «Научный коммунизм К.Маркса», в основу которой были положены лекции, прочитанные им в первые годы советской власти, в том числе и в Казанском университете⁴. В ней автор стремился раскрыть существо метода диалектического материализма и материалистического понимания истории.

Постановлением Политбюро ЦК РКП(б) от 8 декабря 1920 г. В.В.Адоратский был назначен заведующим Государственным архивом РСФСР и членом коллегии Главархива, где работал до 1929 г. Впоследствии он был заместителем, а затем и директором Института Маркса-Энгельса-Ленина. С 1932 г. – действительный член АН СССР.

Как справедливо отмечал А.Л.Литвин¹, в период становления марксизма как государственной идеологии В.В.Адоратский выступал его апологетом. При этом он выделялся среди многих других партийных работников с дореволюционным стажем большим профессионализмом, образованностью, добросовестностью при выполнении академической работы.

М.Н.Покровский, выступая в апреле 1924 г. на собрании Коммунистической Академии, говорил: «...у Ленина была своя историческая концепция, был свой метод изучения общественных явлений, и это не только у одного Ленина, это наложило отпечаток и на всю группу, которая шла за Лениным»². «В составе этой группы, – пишет А.Л.Литвин, – был несомненно, и Адоратский»³.

В Казанском университете начал свою научную и преподавательскую деятельность и другой известный советский историк-марксист С.А.Пионтковский (1891–1937)⁴.

Сергей Андреевич Пионтковский родился в Одессе в семье профессора-юриста. Его детские и юношеские годы прошли в Казани, где с 1899 г. его отец занимал кафедру уголовного права в университете. В 1910 г. С.А.Пионтковский получил аттестат зрелости за полный восьмилетний курс в 3-й Казанской гимназии, а в 1914 г. окончил историко-филологический факультет Казанского университета и был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской истории, которую занимал Н.Н.Фирсов.

С 1910 г. С.А.Пионтковский участвовал в студенческом движении. Он не сразу стал большевиком: с марта 1917 г. по июнь 1918 г. он был меньшевиком-интернационалистом, принимал участие в Октябрьских событиях в Казани, а после победы Октября стал товарищем комиссара труда Казанской губернии.

В Казанском университете С.А.Пионтковский начал свою научную деятельность. В декабре 1917 г. он сдал магистерский экзамен по русской истории, в марте 1918 г. – по политэкономии. Тогда же еще на год ему был продлен срок пребывания в университете для подготовки к профессорскому званию⁵. Однако в июне 1918 г. в связи с болезнью легких Пионтковский уезжает на лечение в Уфимскую губернию, а оттуда, в связи с захватом Казани белочехами и невозможностью вернуться, в Томск и Владивосток, где провел около года. В Сибири произошло дальнейшее его сближение с большевиками. Вернувшись в Казань, в сентябре 1919 г. он вступил в РКП(б).

В Сибири и на Дальнем Востоке С.А.Пионтковский начал собирать материал для своих первых работ, которые были посвящены истории гражданской войны. Они были опубликованы в 1919–1920 гг. в Казани под псевдонимом «Эспе» (по начальным буквам имени и фамилии автора).

В 1919 г. вышла работа С.А.Пионтковского «Год в царстве Колчака»¹. Книга основана как на личных наблюдениях автора, так, в значительной степени, и на материалах периодической печати, в основном рабочей (журналы «Рабочий путь», «Сибирский рабочий», «Голос рабочего», газеты «Алтайский луч» (Барнаул), «Наш путь» (Тюмень), «Заря» (Омск) и др.). Эта работа была одним из первых исследований деятельности легальных рабочих организаций в условиях белогвардейского террора. В другой книге «Наш Дальний Восток. Японская интервенция в Сибири»², вышедшей в 1920 г., Пионтковский стремился определить роль Японии в интервенции. Автор считал основную цель интервенции не в ликвидации советской власти, а в поисках рынков сбыта и источников сырья. Работа носила публицистический характер.

Наряду с большой выполняемой партийной и профсоюзной работой (зав. агитпропом губкома ВКП(б), член Президиума Казанского губпрофсовета и Казанского Совета рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов), в 1919–1920 гг. С.А.Пионтковский преподает в Высшем институте народного образования и на рабфаке Казанского университета.

В августе 1920 г. С.А.Пионтковский переехал в Москву, где с осени 1920 г. начинает активно работать в Истпарте, но связи с Казанью не прерывает. Так, в 1921 г. в журнале «Казанский библиофил» было опубликовано несколько его рецензий на воспоминания белогвардейцев³. Представляет интерес тот факт, что рецензент высоко оценивал научную значимость этой группы источников, подчеркивая, однако, необходимость установления степени их достоверности.

С мая 1921 г. С.А.Пионтковский – профессор Коммунистического университета им. Я.М.Свердлова и зам. редактора журнала «Пролетарская революция», с 1922 г. – преподаватель, а затем – профессор МГУ, в 1930-е годы – профессор МИФЛИ, МГИАИ и Института красной профессуры.

Судьба С.А.Пионтковского сложилась трагически: на основании огульных обвинений в 1936 г. совместно с рядом преподавателей и студентов МГИАИ он был арестован, а в марте 1937 г. погиб, став жертвой необоснованных репрессий. В акте обследования Института комиссией ЦАУ от 12 апреля 1937 г. отмечалось, что «состав преподавателей института чрезвычайно засорен людьми, имеющими в прошлом те или иные политические ошибки или состоящими в других партиях»¹. В их числе был назван и Пионтковский.

С.А.Пионтковский внес большой вклад в изучение истории советского общества, он стоял у истоков зарождения новых отраслей исторической науки – историко-партийной и истории советского общества, а также у истоков становления советского историко-партийного источниковедения. Велика его роль в становлении советской археографии². Творческое наследие Пионтковского очень обширно, однако его труды достаточно противоречивы. Уместно отметить полное неприятие им буржуазной исторической науки. В 1931 г. он писал: «После Октября буржуазная историография не бросает ни одной свежей

мысли в свою тематику, в расширение своих вопросов. Своей методологией во всей своей совокупности она свидетельствует о том, что она загнана в тупик, что она разлагается, умирает...». И далее: «Буржуазная историография должна быть выкорчевана. Ее следы и остатки должны быть вырваны с корнем отовсюду, где еще сохранились»³.

Труды и взгляды С.А.Пионтковского, в том числе и его оценки «буржуазной» историографии, отражали современный ему этап и уровень развития исторической науки, а его жизнь и судьба стала классическим образцом судьбы и жизни ученого-гуманитария в условиях складывавшегося тоталитарного государства, примером репрессированной личности и репрессированной историографии.

С Казанским университетом неразрывно связано начало творческого пути видного советского историка, акад.М.В.Нечкиной⁴(1901–1985).

Милица Васильевна Нечкина родилась 12 (25) февраля 1901 г. на Украине в Нежине Черниговской губернии в семье инженера-технолога. Начальное образования она получила дома, затем училась в женской гимназии в Ростове-на-Дону, а затем – во 2-й женской (Ксенин-ской) гимназии в Казани, которую окончила с золотой медалью в 1917 г. Почувствовав еще в ранней юности интерес к истории, в том же году М.В.Нечкина поступила вольнослушателем (поскольку женщин в число студентов не принимали) на историческое отделение историко-филологического факультета Казанского университета, а в 1918 г., после сдачи экзаменов на аттестат зрелости за курс мужской гимназии, была зачислена в число студентов. По окончании университета в 1921 г. она была оставлена для подготовки к профессорскому званию.

М.В.Нечкина очень рано начала свою педагогическую деятельность – с 1921 г. она стала вести занятия в Художественном и Политехническом институтах Казани (в качестве лектора по социологии искусства, политэкономии и историческому материализму) и на рабфаке Казанского университета (по истории, политэкономии и истории литературы). Впоследствии она с большой теплотой вспоминала годы работы на Казанском рабфаке. В телеграмме, посланной бывшим рабфаковцам в канун юбилея факультета в 1969 г., М.В.Нечкина писала: «...Казанский рабфак для меня поэма, заря жизни. Крепко помню и горячо люблю его»¹.

Именно в Казани появляются первые научные и научно-методические труды М.В.Нечкиной. С самого начала в ее научном творчестве оформляются два основных направления: история русского революционного движения и история исторической науки. Ведущим аспектом в научной деятельности Нечкиной в казанский период является второе направление. В своей первой опубликованной работе (1920 г.) статье «Взгляд Маркса и Энгельса на историю: (Исторический материализм)»² (статья вышла под псевдонимом «М») автор стремилась раскрыть значение трудов Маркса и Энгельса для развития исторической науки, обращая особое внимание на их литературоведческие характеристики.

Одной из первых работ по историографии отечественной истории, вышедших в России в послеоктябрьский период, был историографический очерк М.В.Нечкиной «Русская историография в освещении экономического материализма»³. В предисловии автор указывает, что это была «первая попытка... испробовать свои силы в области самостоятельного научного исследования». Разрабатывать эту тему Нечкина начала еще в 1919 г., будучи студенткой истфилфака. Создавалась работа в течение 1919–1920 гг., в очень тяжелых, по словам автора, «материальных условиях, что, конечно, отразилось на ее качестве»¹.

В центре внимания исследователя – приложение теории экономического материализма к объяснению русского исторического процесса. Первая глава книги носит теоретический характер и посвящена методологии и методике историографического исследования. М.В.Нечкина проводит сопоставление источниковедения и историографии, пытается дать определение предмета историографии: «Историография занимается не источниками, а их обработкой, исследованием, – и, прямее всего, автором этого исследования, как историком и как философом истории, затем, расположив эти исследования во времени, историография рисует общую картину развития исторической науки, – смену различных школ и течений, результаты исследования этих школ»². Она стремится выработать методические требования к историографическому исследованию, наметить его основные этапы: изучение биографии историка, исследование его философско-исторических и конкретно-исторических взглядов, выявление всей совокупности его работ, выяснение отношения автора к источникам, к предшественникам, характеристика манеры изложения, изучение данного конкретного исторического труда (места и времени создания, степени распространенности, отношения к нему современников), и, наконец, установление места каждого историка в общей картине исследования русской истории³.

При этом М.В.Нечкина явно недооценивает вклада своих предшественников в разработку проблем отечественной историографии. Она утверждает, что работы предшественников малочисленны и либо тенденциозны, либо не захватывают всего круга явлений, либо не доведены до конца, указывает на невыработанность в работах предшественников предмета историографии, требований к историографическому исследованию⁴. Столь нигилистическое отношение к предшественникам коренилось, по всей видимости, в общем, резко критическом, а подчас и чисто пренебрежительном отношении к дореволюционной исторической науке, которое стало складываться в советской марксистской историографии в этот период и не могло не отразиться на взглядах Нечкиной (или, по крайней мере, не могло не быть продемонстрировано), а также в некоторой юношеской

самонадеянности, присущей весьма молодому автору (ведь во время работы над книгой Нечкиной было всего 20 лет).

В основной части работы М.В.Нечкина характеризует принципиальные положения материалистического понимания истории и приводит примеры их приложения в изучении русской истории в 1890-х годах XIX в. – начале XX в. Подробно и в сопоставлении рассматриваются взгляды на русскую историю Г.В.Плеханова, М.И.Туган-Барановского, Н.А.Рожкова, М.Н.Покровского.

В целом, М.В.Нечкина высоко оценивает направление экономического материализма в изучении отечественной истории, в особенности истории народного хозяйства, отмечает характерную для этого направления новизну в периодизации исторического процесса, в отборе фактов, источников, в самой методологии и методике исследования. Настойчиво подчеркивается мысль о том, что экономический материализм в истории – это не тенденциозное следование за идеологией эпохи, а закономерный результат развития самой исторической науки. Но автор указывает и на отрицательные стороны проявления этого метода в отечественной историографии: неудачность его применения для изучения духовной жизни общества, непоследовательность в его использовании («ни один не остался верным своей теории до конца»), популярный характер большинства работ¹.

Несмотря на известную наивность молодого исследователя, историографический очерк М.В.Нечкиной был благосклонно встречен ее старшими коллегами. Так, достаточно высоко оценил его в своей рецензии Н.Н.Фирсов, определив, однако, и один из главных его недостатков: автор «не потрудился проследить влияние этой доктрины в сочинениях историков, не имеющих на себе точной этикетки»², т. е. стоящих на иных методологических позициях.

Первые шаги М.В.Нечкиной в области изучения отечественной историографии были связаны также с именем В.О.Ключевского, интерес к творчеству которого она пронесла через всю жизнь. В 1923 г. в казанском журнале «Вестник просвещения» была опубликована ее статья «К характеристике В.О.Ключевского как социолога»³. В этой статье-рецензии, написанной в связи с изданием пятого тома «Курса русской истории» В.О.Ключевского, Нечкина пыталась показать сущность его исторической концепции, ее сильные и слабые стороны, подчеркивая необходимость изучения методов исторического исследования, присущих этому крупнейшему русскому историку. В опубликованной в том же году статье «Взгляд В.О.Ключевского на роль «идей» в историческом процессе»¹ М.В.Нечкина настаивала на приоритете «экономического фактора» в его творчестве, усматривала основную ценность концепционных взглядов В.О.Ключевского в попытке дать историю народа и общества в ее зависимости от экономических и политических условий и считала возможным рассматривать В.О.Ключевского как «предшественника экономического материализма». Именно эти работы положили начало исследованию М.В.Нечкиной темы «В.О.Ключевский как историк», оформившейся спустя многие годы в монографию о нем².

Во время работы в Казани М.В.Нечкиной был подготовлен ряд рецензий, в том числе на такие разноплановые исследования, как книга Л.Троцкого «1905 год» и работа В.И.Пичеты «Введение в русскую историю (Источники и историография»³. Под псевдонимом «Михаил Эрт» были опубликованы две статьи, посвященные жизни Казанского рабфака⁴. Определенный интерес представляет и первая научно-методическая работа М.В.Нечкиной, в которой обобщается опыт молодого преподавателя по изучению на занятиях по политэкономии на рабфаке «Капитала» К.Маркса⁵.

В 1924 г. М.В.Нечкина покидает Казань и переезжает в Москву, но связей с Казанским университетом она не утратила до конца своей жизни.

На рубеже 1910–1920-х годов в университете появилась целая плеяда молодых талантливых исследователей из татар. Одним из них был первый татарский профессор-историк Г.С.Губайдуллин (1887–1937)⁶.

Газиз (Абдул-Газиз) Салихович Губайдуллин родился в семье известного купца II гильдии Салиха Губайдуллина. Получил хорошее домашнее воспитание. Воспитанием троих детей занималась их мать – Уммугульсум Губайдуллина (до замужества Айтуганова). Это была умная и образованная для своего времени женщина. Обладала редкой красотой, была талантлива и музыкальна. Она с детства развила в детях интерес к книгам, научила читать и писать. Плодотворное влияние этой мягкой, нежной женщины отражалось на всей семье, после ее смерти в 1910 г. Салих Губайдуллин больше не женился¹.

По достижении школьного возраста старшего сына Абдул-Газиза отец отдал в одно из казанских медресе. В то время в татарском обществе существовало два типа учебных заведений: джадидистские, или новометодные и кадимистские, которые назывались старометодными, мектебами и медресе. В школах нового типа постепенно вводился новый звуковой метод обучения грамоте взамен буквослагательного, внедрялось преподавание некоторых светских наук².

Лучшим новометодным учебным заведением Казани считалось медресе «Мухаммадия», еще его называли «Галеевское медресе».

К сожалению, Газизу не удалось окончить это прогрессивное для своего времени учебное заведение. Для своих сыновей Салих Губайдуллин по сложившейся традиции выбрал старометодное медресе «Хамидия»³. Преподавание светских наук здесь было введено только после революционных событий 1905–1907 гг., поэтому будущему историку пришлось самостоятельно изучить светские предметы, и в том числе русский язык. Г.С.Губайдуллин успешно сдал экзамены за гимназический курс в 1910 г. и поступил на юридический факультет Казанского

университета. Через год перевелся на историко-филологический факультет и с этого времени его творческая деятельность неразрывно связана с исторической наукой. На факультете он занимался у трех известных профессоров Н.Ф.Катанова, Н.Н.Фирсова и М.М.Хвостова. Именно под их руководством Г.С.Губайдуллин делает свои первые шаги в историческую науку⁴.

Первое серьезное научное исследование начинающего историка было опубликовано на страницах журнала «Шура» в 1915 г. под названием «Исследование о Марко Поло». Оно было дополнено и представлено в качестве дипломной работы при окончании историко-филологического факультета («Путешествие Марко Поло как источник для истории татарского ханства в царствование Хубилая») ⁵. Сохранился только журнальный вариант исследования. Он содержит источниковедческий анализ книги Марко Поло о внутренней жизни Монгольской империи времен хана Хубилая. Работа написана на достаточно высоком уровне, автор пытается критически подойти к анализу источников, самостоятельно размышлять и делать выводы.

В 1916 г. Г.С.Губайдуллин окончил Казанский университет с дипломом первой степени, а получить его он смог только 20 марта 1917 г. До февральской революции 1917 г. занимался преподавательской деятельностью в г.Троицке Оренбургской губернии¹.

С юношеских лет Г.С.Губайдуллин активно участвовал в демократическом движении татарской молодежи. Наиболее плодотворную общественно-политическую деятельность он развернул после февральской революции. Преподавал, печатался во многих татарских газетах и журналах, входил в состав коллегии по осуществлению «Идель-Уральского штата» и т. д. Октябрьские события 1917 г. он воспринял неоднозначно. В стремительном потоке событий сделать правильный выбор было нелегко, и он, как и многие другие, занял выжидательную позицию.

С укреплением новой власти Г.С.Губайдуллин получает возможность поступить в аспирантуру Казанского университета (1919–1921 гг.). Его кандидатской диссертацией стала работа «Опыт истории Хазарского каганата». После ее представления Г.С.Губайдуллин был назначен на должность преподавателя Восточной Академии², затем работал в Восточном педагогическом институте и Татарском коммунистическом университете³. Будучи одним из немногих татарских ученых, имеющих высшее университетское образование, Г.С.Губайдуллин, работая в Наркомпросе ТАССР, возглавлял научно-педагогическую комиссию Академического центра⁴. Однако связей с Казанским университетом он никогда не терял. Обусловлено это было, в первую очередь, его активной организаторской работой в ОАИЭ и НОТ, где он работал вместе с историками Казанского университета. Еще обучаясь в аспирантуре, Г.С.Губайдуллин был единогласно принят членом ОАИЭ, а в 1921–1925 гг. являлся заместителем председателя общества⁵.

Научное наследие профессор Г.С.Губайдуллина начитывает более 100 работ научного и научно-популярного характера. История, литература, публицистика, историография и источниковедение – это далеко не полный круг творческих интересов ученого. 1917–1925 гг. являются наиболее плодотворными в творческом плане в жизни ученого. Именно в этот период были созданы наиболее популярные работы и интересные научные исследования по истории татарского народа. Многие работы ученого опубликованы под псевдонимом «Г.Газиз».

Г.С.Губайдуллин – историк феодализма. Его интересовали проблемы становления, расцвета и падения трех средневековых государств, непосредственно связанных с этнической историей татарского народа, – Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства. Исследованиями в этой области историк занимался вплоть до 1925 г., когда был вынужден переехать вместе с семьей в Баку. Переезд отразился и на тематике научных исследований ученого. Основным направлением его творческой деятельности становятся проблемы, связанные с историей Азербайджана и Узбекистана. Таким образом, в творчестве Г.С.Губайдуллина можно выделить два основных направления: работы, связанные с историей тюркских народов, и отдельно татарского народа. Конкретно его интересовали: социально-экономическая история татар Среднего Поволжья, история развития классов, классовая борьба, развитие общественной мысли у татарского народа и проблема происхождения тюркских народов. В русле этих проблем лежат и научные исследования ученого. Среди них следует выделить: «Татар тарихы» («История татар»), выдержавшая в 1920-е годы три издания, «Татарларда сыйныфлар тарихы XVII, XVIII, XIX гасырларда» («История татарских классов в XVII, XVIII, XIX вв.»), «Татар эдэбияты очен материаллар жыю юлында бер тэжрибэ» («Опыт сбора материалов по истории татарской литературы») в трех томах – совместный, плодотворный труд Г.С.Губайдуллина и Али Рахима и др.¹

Следует отметить, что именно Г.С.Губайдуллин одним из первых специально поставил вопрос об участии нерусских народностей в крестьянских войнах. Это нашло отражение в таких работах, как «Несколько слов об участии татар в народных движениях XVII в.», «Стенька Разин һәм татар крестьяннары» («Стенька Разин и татарские крестьяне»), «Пугачев явында татар-башкортлар» («Татаро-башкиры в пугачевском восстании») и др.¹

Г.С.Губайдуллин также активно занимался культурно-просветительской и учебно-методической работой. В 1918–1919 гг. им были созданы такие учебники, как «Профессор Виппернын эсэрэнэ иктисаба язылды» («Всеобщая история по труду Виппера»), «Русия тарихы» («История России»), «Тарихи эдъян» («История религий»), «Татар тарихы»². В работах рассматривается широкий спектр проблем российской

и всеобщей истории. В их содержании и структуре отразились такие черты, как научность, системность, доступность широкому кругу читателей.

В последующие годы Г.С.Губайдуллиним было написано несколько книг для чтения по истории местного края для учащихся на татарском языке «Борыты болгарлар» («Древние болгары»), «Пугачев вастаниясе» («Восстание Пугачева»), «Татарларнын илеп чыгышы һәм Алтын Урда» «Происхождение татар и Золотая Орда»³. В работах в доступной и красочной форме раскрываются основные моменты истории татарского народа.

Даже в период активной политической, общественной и педагогической деятельности Г.С.Губайдуллин не прекращал исторических исследований. Ему принадлежит приоритетная роль в исследовании вопросов, связанных с генезисом феодализма в Среднем Поволжье и Азербайджане. В те годы им была высказана мысль о специфических особенностях развития феодализма в Золотой Орде. В настоящее время это направление детально разработано в трудах отечественных историков Г.А.Федорова-Давыдова, М.Г.Сафаргалиева и др. В период становления марксистской идеологии Г.С.Губайдуллин смело утверждал об отсутствии на Руси «татаро-монгольского ига».

Господствовавшая в те годы теория «торгового капитализма» оказала существенное влияние на творчество историка. Историю татарского народа он рассматривает в связи с этой теорией. Даже падение Золотой орды, в первую очередь, он связывает с падением торговли, с изменением торгового пути Запад–Восток, с переходом с сухопутных на морские дороги.

Г.С.Губайдуллиним впервые были поставлены многие вопросы, связанные с развитием татарской общественной мысли. Он принимал непосредственное участие в подготовке к изданию рукописей К.Насыри, опубликованных в 1925 г. в книге «Неизданные произведения К.Насыри», в 1923 г. в татарском календаре поместил заметки о М.Вахитове, К.Насыри, Г.Тукае, одним из первых обратился к исследованию творчества Ш.Марджани, истории татарского книгопечатания, изучению научной и педагогической деятельности первых преподавателей Казанского университета из тюркских народов.

Естественно, что основные концептуальные положения Г.С.Губайдуллина, его исторические взгляды во многом были обусловлены общим состоянием исторической науки того времени. В его работах можно найти целый ряд спорных и ошибочных положений. Например, он переоценивал влияние Золотой Орды на происхождение казанских татар¹, специфику классовую структуру татарского общества (в XVIII в. он, в частности, выделял шесть классов в татарском обществе). Но все это не снижает его вклад в изучение истории татарского народа.

В 1925 г. Г.С.Губайдуллин уезжает в Баку, где преподает историю Востока, в 1927 г. он был избран профессором и деканом восточного факультета Азербайджанского государственного университета.

Живя в Баку, Г.С.Губайдуллин остается членом ОАИЭ вплоть до его закрытия². В Баку Г.С.Губайдуллиним впервые опубликованы архивные документы по истории феодальных отношений в Азербайджане и высказана мысль об аналогичности азербайджанских феодальных институтов с западноевропейскими и русскими и об общности их происхождения с феодальными институтами других тюркских народов.

В 1934 г. Г.С.Губайдуллин по приглашению Татнаркомпроса временно приезжает в Казань для чтения лекций в Казанском университете и работы в НИИ марксизма-ленинизма по составлению коллективного труда «История Татарии». Однако вскоре он был арестован, а в 1937 г. погиб, став жертвой необоснованных репрессий.

Таким образом, в 1918 – первой половине 1920-х годов учеными Казанского университета был внесен существенный вклад в изучение различных проблем отечественной исторической науки. Но с середины – второй половины 1920-х годов изучение отечественной истории в университете велось уже явно недостаточно, что было связано в значительной степени с ликвидацией историко-филологического факультета и большого оттока квалифицированных кадров историков во вновь созданный самостоятельный Педагогический институт. Преподаватели общественных дисциплин рабфака университета, как правило, научной работой не занимались, можно назвать лишь единичные работы по отечественной истории, написанные ими в этот период¹.

На их фоне безусловно выделяется яркая фигура М.К.Корбута (1899–1937), автора около сотни научных работ, в том числе и самого крупного из опубликованных в советский период исследования по истории Казанского университета.

М.К.Корбут родился в Казани в 1899 г. в семье преподавателя музыки². В 1918 г. он окончил гимназию и поступил на историко-филологический факультет Казанского университета, вскоре перешел на факультет общественных наук, который и окончил в год его закрытия – в 1922 г. В ноябре 1922 г. был зачислен профессорским стипендиатом на кафедру марксизма и политэкономии Восточного педагогического института со специализацией «Право и государство». Хотя официально научными руководителями Корбута были назначены профессор В.Дитякин и Ю.Н.Формаковский, фактически, по словам самого Корбута, «эти годы я работал все время под руководством В.В.Адорат-ского»³. Под его руководством еще в студенческие годы Корбут написал и первую научную статью «Производственные силы и их роль в обществе»⁴.

М.К.Корбут стоял у истоков Казанского рабфака. Еще в 1919 г. он был введен в бюро по его организации, а с 1921 г. по 1926 г. являлся его бессменным заведующим. Жизнь рабфака Казанского

университета без Корбута в этот период просто невозможно было представить. Вот как писала об этом в 1924 г. М.В.Нечкина: *«Рабфаковцу всегда нужен Корбут. За тысячью надобностей – крупных и мелких. И на все лады склоняется: «У Корбута был? Поговори с Корбутом... Где Корбут? Даешь Корбута? Идем к Корбуту...»*⁵.

Неудивительно, что большое количество работ М.К.Корбута этого периода (по нашим подсчетам, более 15) посвящены Казанскому рабфаку: истории его создания, организации процесса обучения, участию рабфаковцев в общественной жизни, их быту¹.

Несмотря на большую загруженность на рабфаке, М.К.Корбут не оставляет научной работы. Помимо многочисленных рецензий, опубликованных им в журналах «Казанский библиофил», «Вестник просвещения», «Коммунистический путь», наиболее крупной работой этого периода является серия очерков «Тактика Ленина в годы революции и реакции», опубликованных в Москве в журнале «Спутник коммуниста»².

С начала 1924 г. М.К.Корбут начинает работу над темой, которая впоследствии неизменно лежала в центре его научных интересов, – *«над рабочим законодательством в связи с историей революционного движения»*,³ как определил ее сам Корбут.

В 1924–1925 гг. М.К.Корбут занимается изучением рабочего законодательства III Государственной Думы. Результаты исследования были обобщены в большой статье, опубликованной в «Ученых записках Казанского университета»⁴. Эта работа была защищена Корбутом 6 декабря 1925 г. на публичном заседании предметной комиссии Восточного педагогического института для получения права самостоятельного преподавания в вузах.

С 1925 г. М.К.Корбут на факультете социалистического строительства и права Казанского университета начинает читать курс «Конституция СССР», а с 1926 г. – курсы «История революционного движения» и «Основы государственного и хозяйственного права». В декабре 1926 г. ему присваивается звание доцента по курсу истории революционного движения⁵. Протоколом заседания предметной комиссии по общественным дисциплинам КГУ от 15 января 1927 г. признается необходимым «в целях улучшения постановки преподавания этих дисциплин вести курсы отдельно и на каждом факультете», и М.К.Корбут утверждается доцентом по курсу общественных дисциплин¹. Одновременно в 1925–1926 гг. он читает курсы «История ВКП(б)», «История рабочего класса в России», «Основы государственного и хозяйственного права» в Восточном педагогическом институте, Институте сельского хозяйства и лесоводства (в 1926–1928 гг. исполняет обязанности ректора), с апреля 1926 г. является заместителем председателя ОАИЭ, членом редколлегии «Ученых записок Казанского университета».

Параллельно Корбут продолжает заниматься научной работой. В начале 1926 г. он побывал в двухмесячной научной командировке в Ленинграде в целях сбора материалов по истории рабочего движения в России накануне и в годы Первой мировой войны и революции. Им был собран и обобщен большой архивный материал. Результатом проведенных исследований явилась целая серия статей: «Революционное движение в России перед войной в оценке Департамента полиции 1911–1913 гг.», «Учет Департаментом полиции опыта 1905 г.», «Как создавались царские страховые законы», «Рабочее законодательство Временного правительства», «Страховая кампания 1912–1914 гг.», «Страховые законы 1912 г. и их проведение в Петербурге», «Царское законодательство о наемном труде в сельском хозяйстве», «Гвоздещина в документах» и другие работы², которые автор предполагал впоследствии положить в основу монографии «Департамент полиции и страховая кампания 1912–1914 гг.» (книга написана не была).

Все указанные статьи основываются на широком круге источников, в основном неопубликованных, как указывает автор, «почти никому неизвестных и почти еще неисследованных»³, что придает дополнительные аргументы наблюдениям и выводам автора. Помимо характеристики собственно рабочего движения, показа его специфических особенностей в этот период, деятельности РСДРП(б) среди рабочих, автор весьма подробно останавливается на формах и методах борьбы царского правительства с рабочим движением, на попытках подчинить его себе ценой видимых уступок (страховая кампания) и путем тайной деятельности Департамента полиции по осуществлению так называемого «предупредительного метода», заключавшегося, согласно секретному циркуляру Департамента полиции от 26 ноября 1913 г., в ликвидации революционных групп, *«как скоро агентура даст определенные и достаточные сведения о наличии преступной деятельности, а наружное наблюдение осветит связи и взаимоотношения заподозренных лиц»*¹. Особый интерес представляют материалы петербургской охраны о деятельности социал-демократов в связи со страховой кампанией.

Однако, высоко оценивая в целом названные работы М.К.Корбута прежде всего за введение в научный оборот обширного источникового комплекса, следует заметить, что подчас использование источников у него носило чисто иллюстративный характер, ощущался явный недостаток их критического анализа, многие документы давались без каких-либо комментариев.

В декабре 1928 г. М.К.Корбут выступил с докладом «Рабочее законодательство в III и IV Государственной Думе» на Всесоюзной конференции историков-марксистов в Москве. Однако это выступление встретило очень серьезную, подчас резкую критику за *«отсутствие в докладе правильной методологической установки»*, за *«отсутствие характеристики рабочего законодательства, – не с*

точки зрения юридического толкования каждого закона, а с точки зрения развития классовой борьбы в России»² – доклад по тем временам был уже недостаточно идеологизирован.

В конце 1920-х годов круг научных интересов М.К.Корбута расширяется, Определенное место в его творчестве начинают занимать сюжеты, связанные с изучением национально-освободительного движения народов Поволжья и Приуралья³. Причем и при изучении этого вопроса Корбут обращал особое внимание на необходимость «*обследования низовых архивов, национальной прессы и собирания устных и письменных материалов*»⁴.

Однако ведущее место в научном творчестве М.К.Корбута в это время, бесспорно, занимает его работа, связанная с подготовкой двухтомного юбилейного издания к 125-й годовщине Казанского университета.

Перед автором была поставлена поистине грандиозная задача – показать 125-летний период жизни университета с момента его создания до конца 1920-х годов XX в. Причем для написания этой работы ему был выделен рекордно короткий срок – один год. А трудности, стоявшие на пути создателя работы, были немалые – это и почти полное отсутствие работ как по истории местного края, так и по истории высшего образования в России, и, в особенности, отсутствие исследований по истории факультетов и кафедр. «*Никто и никогда, – писал М.К.Корбута, – специально не занимался изучением истории студенчества Казанского университета на всем ее протяжении*»¹. Правда, были работы Н.Н.Булича и Н.П.Загоскина, но они касались лишь двух первых десятилетий существования университета. Добавим сюда наличие огромного источникового материала, в котором исследователю было легко «утонуть».

Хотя для работы над юбилейным изданием М.К.Корбут и был освобожден от чтения лекций, в октябре 1928 г. он обращается с полной отчаяния запиской в правление КГУ. В ней говорится: «*Должен предупредить, что крайне малый промежуток времен, оставшийся до юбилея, и отсутствие какой бы то ни было разработки архивных данных по истории Казанского университета за последние 100 лет не дают мне возможности гарантировать, что «памятка» будет в достаточной степени полна и будет подготовлена к сроку, хотя все мои усилия и знания приложены к тому, чтобы эта «памятка» охватила все наиболее важнейшие моменты в жизни университета и чтобы она вышла из печати в январе 1930 г.*»².

В основе работы лежали преимущественно архивные материалы, отложившиеся в фондах университета и попечителя Казанского учебного округа. Конечно, автору удалось просмотреть их далеко не полностью, но особое внимание было обращено на протоколы Совета, которые были «*проработаны почти все, страница за страницей, сотни тысяч листов дел*»³. Привлекались автором и ряд неопубликованных воспоминаний и дневников.

В предисловии М.К.Корбут отмечал, что он не стремился дать истории факультетов, истории развития науки в Казанском университете, так как это требует труда соответствующих специалистов. Цель работы – «*проследить развитие университетского организма как целого, подвергавшегося многообразным изменениям и ломкам под влиянием классовой борьбы в стране и в университетах, в частности*»¹, при этом особое внимание было уделено студенческому движению.

Несмотря на все опасения, работа вышла в срок. Она была столь значительна по содержанию и объему, что в оценках современников именовалась не иначе, как «*монументальным трудом*»². Несмотря на большой объем, работа получилась удивительно стройной по своей структуре и содержанию. Она была написана очень живо и читалась легко и с интересом.

Работа характеризуется широким подходом к отбору материала, стремлением представить разнообразный круг лиц: от профессоров до студентов, различных поколений выпускников университета. Впервые в советской историографии здесь шла речь и о советском периоде.

В книге нашли отражение различные стороны жизни университета: структура управления, положение отдельных слоев студенчества, общественная деятельность. Большое место отводится характеристике университетской профессуры. Перед читателем проходит галерея ярких портретов ученых и преподавателей. Они написаны с добрым юмором, любовью, иногда с иронией. Оценивается содержание лекций, форма их чтения, манера держаться, отношение к студентам, внешний облик, одежда. Мы встречаем впечатляющие характеристики ведущих профессоров университета. Особое внимание автор уделит Н.И.Лобачевскому и А.М.Бутлерову. Он писал о них: «*Два гиганта научной мысли были органически связаны и с Казанью, с Казанским университетом и сделали Казань и Казанский университет всемирно известными пунктами в научном обществе – Лобачевский и Бутлеров. Оба они, преимущественно, были главными действующими лицами среди профессуры университета и не только как первоклассные творцы в области математики и химии, но и как идеологи до конца 60-х гг., то есть всю первую половину жизни Казанского университета*»³.

В книге нашли отражение политические события, социальная и духовная жизнь Казанского университета. Отражены особенности студенческого движения, особенно в 60–80-е годы XIX в. и в период революции 1905–1907 гг. Специальный раздел посвящен сходке казанских студентов в декабре 1887 г. и участию в ней В.И.Ленина.

Университет характеризуется как центр просвещения, образования и культуры, раскрывается его значение в становлении и развитии университетского образования в России, в организации многих научных обществ и ставших широко известными научных школ.

Самостоятельное научное значение имеют комментарии – результат большой поисковой и исследовательской работы. Они углубляют содержание двухтомника. Обращает на себя внимание указатель имен, список основных научных трудов ученых университета. В работе даны иллюстрации, портреты преподавателей и студентов.

Несмотря на существенные недостатки (усиленная политизация текста, излишне обильное цитирование, перегруженность архивными документами), эта книга явилась фундаментальным, добросовестным исследованием и не утратила своего научного значения по сей день.

После окончания работы над книгой М.К.Корбут вновь возвращается к преподавательской деятельности. С октября 1930 г. он – профессор по кафедре «Общее учение о праве и государстве». С 1 октября 1930 г. по 1 марта 1931 г. Корбут выезжает в научную командировку в Москву и Ленинград для работы в архивах. В центре его изучения тема «Ленин в Казани». В результате работы в Архиве Октябрьской революции им подготавливается к публикации 8 печатных листов документов по этой тематике, снабженных вступительной статьей и календарем жизни В.И.Ленина в Казани¹. Параллельно ведется работа над темой «Революционное подполье в Казани в 80–90-е гг.»². Разрабатывается план написания монографии «История пролетариата Татарстана (XVIII–XX вв.)»³.

Однако в творчестве историка в этот период очевиден явный надлом. Работы его резко политизируются и становятся весьма конъюнктурными. Когда сравниваешь работы М.К.Корбута начала 1930-х годов с предшествующими, создается ложное впечатление, что писал их совершенно другой человек. Так, в брошюре «Роль науки в социалистическом строительстве и научно-исследовательская работа в Татарии за 10 лет», представляющей собой публикацию речи на открытии ТатНИИ экономики 23 июля 1930 г., куда Корбут был назначен заместителем директора, он заявляет: *«Также, как и на других участках нашего строительства, и на этом участке научного строительства находит свое выражение обострение классово-борьбы... Классовая борьба в области науки разыгрывается и вокруг выбора тем для исследований, и вокруг вопросов, касающихся планирования новых научных кадров. Как кулак не сможет вписаться в социализм, так и научно-исследовательские и учебные учреждения не смогут вписаться в социализм без коренной их перестройки, характеризующейся отсечением всех элементов, безнадежно враждебных социалистическому строительству, с параллельной переработкой всех, до сих пор колебавшихся, и максимальным насыщением научно-исследовательских и учебных учреждений рабочим составом»*¹. Корбут стремится принизить достижения дореволюционной отечественной науки и переоценивает успехи советской науки в Казанском университете, но в подтверждение может привести лишь отдельные результаты, полученные на физико-математическом и медицинском факультетах².

Одну из первоочередных задач своей научной работы М.К.Корбут видит отныне также в изучении *«влияния идеологии евразийцев на взгляды вредителей, поскольку они выяснились в процессе Промпартии»*³.

И уж совершенно тягостное впечатление производит одна из последних работ М.К.Корбута – «К вопросу о демократических иллюзиях», посвященная «внутрипартийным разногласиям первых месяцев после Октябрьской революции»⁴. В ней он клеймит Зиновьева, Каменева, Троцкого, Бухарина, клеймит бездоказательно, не останавливаясь перед навешиванием ярлыков. Единственными ссылками, сделанными в этой работе, являются ссылки на работы В.И.Ленина и, в гораздо большей степени, И.В.Сталина.

Что повлияло на такой «крен» М.К.Корбута? Помимо общеполитической обстановки в стране, безусловно, и сложности в его собственной жизни: член РКП(б) с 1920 г., Корбут был исключен из партии в декабре 1927 г. «за участие в троцкистской оппозиции», однако восстановлен в ее рядах в феврале 1928 г. с вынесением выговора за фракционную работу⁵. Он чувствовал, как тучи над ним сгущались.

В 1932 г. он уходит из университета в Казанский институт советского права и советского строительства на должность профессора. Но проработал Корбут там недолго. В 1933 г. он был вновь исключен из партии за принадлежность к троцкизму и осужден по ст.58-10 ч.1 УК РСФСР на 3 года ссылки в Казахстан. В 1936 г. был заключен в лагерь «Ухтпечлаг», откуда 29 декабря 1936 г. этапирован в Казань в качестве обвиняемого по делу «правого оппортуниста», профессора кафедры методологии естествознания КГУ В.Н.Слепкова. Содержался в казанской тюрьме.

1 августа 1937 г. военная коллегия Верховного суда СССР приговорила М.К.Корбута к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в тот же день.

М.К.Корбут был реабилитирован посмертно в 1956 г.

Среди молодых историков – исследователей отечественной истории – во второй половине 1920-х годов следует назвать и Евгения Ивановича Чернышева, ученика профессора Н.Н.Фирсова. Хотя Чернышев был выпускником Казанского университета и оставался здесь для подготовки к профессорскому званию, его педагогическая деятельность была связана, в первую очередь, с Восточным педагогическим институтом, где он преподавал курс русской истории. Однако с университетом Чернышев не порывал, принимая активное участие в работе ОАИЭ.

Еще будучи студентом истфилфака, Е.И.Чернышев привлек внимание своих учителей незаурядными способностями. В ходатайстве профессора Н.Н.Фирсова и приват-доцента В.И.Огородникова в Совет университета об оставлении Чернышева при кафедре русской истории для подготовки к

профессорскому званию отмечался высокий уровень его семинарских докладов и «продуманные замечания» на рефераты своих товарищей, свободное владение немецким и французским языками. Упоминается также полученная Чернышевым золотая медаль за представленную на факультетский конкурс работу по исторической географии («Казанский край в эпоху Петра Великого»)¹.

Большая научная работа велась Е.И.Чернышевым в годы обучения в аспирантуре. Основными ее направлениями были: «изучение «социологической школы» в русской историографии», «расширение и дополнение спецкурса по истории России XVIII–XIX вв. с уклоном в область хозяйственно-экономической жизни и взаимоотношения социальных групп», собирание материала по истории общественного движения в России XIX в. для будущей работы, посвященной декабристам, и, наконец, «окончательная обработка печатных источников, находящихся в Казани, для заканчиваемой работы на вышеуказанную тему по местному краю»².

Помимо того, Е.И.Чернышев исполнял обязанности помощника заведующего музеем отечествоведения на истфилфаке, где подготавливал и выдавал студентам источники для работы на практических занятиях¹.

Будучи членом ОАИЭ, Е.И.Чернышев вел в нем очень большую организационную работу. Входя в Совет Общества, он был вначале библиотекарем, затем секретарем, возглавлял работу секции истории и экономики, редактировал большинство выпусков «Известий» Общества, вышедших во второй половине 1920-х годов, входил в оргкомитет по подготовке 50-летнего юбилея Общества². Являлся также бессменным секретарем Научного общества Татароведения.

Основные исследования Е.И.Чернышева, приходящиеся на 1920-е годы, были опубликованы в «ИОАИЭ» и «ВНОТ». По тематике они были необычайно разнообразны, но по значимости хотелось бы выделить публикации, посвященные документальному наследию А.П.Щапова и истории крестьянского движения в Казанской губернии в 1917 г.

16 ноября 1924 г. Е.И.Чернышев выступил на собрании ОАИЭ с докладом «Неизданные рукописи Щапова». После обсуждения и переработки материалы доклада были опубликованы как предваряющие публикацию собственно рукописей А.П.Щапова и документов о нем³.

Опубликованные документы были обнаружены Е.И.Чернышевым в фонде III отделения канцелярии его императорского величества. Это материалы «Дела бакалавра Казанской духовной академии А.П.Щапова». Тематически опубликованные документы подразделяются на три группы: 1) события в с.Бездна; 2) Куртинская панихида; 3) А.П.Щапов как общественный деятель и преподаватель русской истории в Казанском университете. По авторству это и документы, исходящие от самого Щапова, так и адресованные ему и касающиеся его жизни и деятельности. Ряд документов опубликовался впервые.

Хотелось бы отметить принадлежащее Е.И.Чернышеву предисловие к публикации, содержащее обстоятельную характеристику опубликованных источников с исторической и археографической точки зрения. Обращает на себя внимание и достаточно высокий археографический уровень самой публикации (наличие подстрочных примечаний по содержанию и тексту, то, что все отточия оговорены в примечаниях).

Работы Е.И.Чернышева по истории крестьянского движения в 1917 г. во многом реализуют замыслы его учителя Н.Н.Фирсова¹. Прежде всего Чернышев опубликовал значительный комплекс различных по видам и происхождению документов (в основном Казанской губернской земельной управы и Казанского Совета крестьянских депутатов), а затем данные этих источников были им критически проанализированы и обобщены.

В работах ставился ряд интересных, новых для своего времени проблем. Во-первых, это вопрос о подсчете количества крестьянских выступлений в Казанской губернии в 1917 г. Отмечая, что движение носило массовый характер, исследователь справедливо указывает на невозможность точного подсчета из-за отсутствия выработанного критерия². Поэтому основное внимание автор уделяет оценке характера этого движения, его политико-экономической и классовой сущности и основным его тенденциям.

Е.И.Чернышев определяет три основных направления крестьянского движения: 1) против казенного землевладения; 2) против крупного и мелкого личного землевладения; 3) движения, связанные с внутриобщинными отношениями, выявляет их пространственную локализацию и особенности каждого направления. Причем особо подробно автор рассматривает третье направление как наименее изученное.

Историк обстоятельно анализирует такие источники, как протоколы волостных и уездных комитетов, крестьянские указы, подчеркивая их особую источниковедческую значимость³.

Безусловно, не со всеми выводами автора можно согласиться. Например, не бесспорным представляется его замечание о том, что в период от февраля к октябрю 1917 г. движение против помещичьего землевладения возглавили «представители зажиточного и кулацкого элемента деревни»⁴. Переоценивает Чернышев, на наш взгляд, и роль межнациональных конфликтов внутри крестьянского движения⁵. Однако, несмотря на указанные недостатки, его работы существенно обогатили советскую историографию крестьянского движения накануне Октября.

На основании использования широкого круга источников и их всестороннего анализа в 1920-е годы Е.И.Чернышевым были написаны такие тематически разнообразные статьи, как «Восточная печать в эпоху реакции XX в.», «Характеристика классовых отношений в деревне в 1915 г.», «Обзор материалов

русско-ногайских отношений в XVI в.», «Волнение казанских татар в 1878 г.» и др.¹ Назовем также статью Е.И.Чернышева «Профессор Н.Н.Фирсов как историк Поволжья», написанную к 40-летию юбилею научной деятельности Н.Н.Фирсова и содержащую в качестве приложения обширный список трудов историка².

Помимо журнальных публикаций документов, во второй половине 1920-х годов в Казани появляются первые сборники документов по истории советского общества. В их числе была и документальная хроника Е.А.Грачева «Казанский Октябрь», созданная по заданию Татарского Истпарта³. Именно в период создания и публикации этой работы ее автор начал преподавать курс истории классовой борьбы на рабфаке Казанского университета⁴. Однако еще в январе 1925 г. он впервые выступил в собрании ОАИЭ с докладом «История Октября в Казани»⁵.

Документальная хроника Е.А.Грачева содержит достаточно богатый материал за период марта-октября 1917 г., причем особенно хорошо представлены здесь документы по солдатскому движению. По видовой принадлежности источники делятся на три группы: документальные (фонды Казанской губернской земской управы, Казанского комитета общественной безопасности, Управления военного комиссара Временного правительства, Казанского Военно-окружного комитета, Казанского губернского Совета крестьянских депутатов, Казанского порохового завода бр.Крестовниковых); материалы периодической печати (газет «Рабочий», «Социалист-революционер», «За землю и волю», «Крестьянской газеты», «Казанской рабочей газеты», «Камско-Волжской речи» и др.) и, наконец, что весьма ценно – воспоминания, собранные путем опроса живых участников событий. Составитель хотел, чтобы его хроника «*послужила схемой для написания очерков и воспоминаний по истории Октября в Казани*»⁶.

Сегодня, конечно, мы можем предъявить к этой публикации ряд серьезных претензий. В первую очередь, это необоснованность критерия отбора источников для публикации. Основу ее составляют не документы, а материалы периодической печати. Недостатками страдает и археографическое оформление сборника (неточно и неполно приведены легенды архивных документов и ссылки на газетные материалы, не расшифрованы псевдонимы, практически отсутствуют примечания по содержанию, а подстрочные примечания по тексту малочисленны и скудны, нет сведений об авторах воспоминаний и т.д.). Однако следует учесть, что это был один из первых опытов составления подобных документальных хроник в советской археографии.

Развертыванию исследовательской деятельности историков университета способствовало наличие в Казани не только значительных архивных фондов, книжных и рукописных собраний Научной библиотеки университета, но и деятельность в 1920-е годы ряда научных исторических обществ, сыгравших значительную роль в координации работы и публикации полученных результатов. Особое место среди них принадлежит Обществу археологии, истории и этнографии, возродившемуся в университете в январе 1919 г.¹

В конце 1917–1918 гг. работа Общества практически прекратилась. Это было связано не только с тяжелым материальным положением, невозможностью публикации материалов, отложившихся в процессе деятельности Общества, но и со сложной общественно-политической и военной ситуацией в регионе. Так, в августе 1918 г. Общество предполагало провести в Казани областной съезд историков Волжско-Камского края, но в связи с захватом города белочехами съезд был отложен «на неопределенное время»².

Восстановленное ОАИЭ строило свою работу, используя сложившийся опыт, кадры и традиции. Выступая в марте 1919 г. на годовом собрании Общества с программным докладом, председатель Востоковедческой комиссии, учрежденной 9 марта 1919 г. при Казанском университете, Н.А.Бобровников, оценивая роль Общества, сказал: «*Целые 40 лет оно было единственным в нашем крае ученым учреждением, в котором немногочисленные местные ученые могли огласить результаты своих исследований в области археологии, истории и этнографии*». «*Всем, что в Поволжье есть культурного, – сказал далее Бобровников, – мы обязаны Казанскому университету. Поэтому он есть добрая мать, по-старинному – alma mater, не только для большинства членов нашего общества, но через посредство учителей, и для всех сколько-нибудь образованных граждан Поволжья*»¹.

В 1919 г. вышел первый после революции выпуск «Известий ОАИЭ при Казанском университете», издававшихся с 1878 г.

На первом заседании возрожденного Общества 17 января 1919 г. председателем его был избран видный ученый-востоковед Н.Ф.Катанов², известный своими трудами по изучению тюркских народов. После революции он остается верен прежней тематике, причем особый интерес проявляет к изучению истории Волжской Булгарии. Под его руководством возобновляются работы по обследованию болгарских памятников, для этого привлекаются молодые исследователи – Н.Ф.Калинин, В.Ф.Смолин. В собрании Общества Н.Ф.Катанов делает доклад «Эпи-графический памятник Волжской Булгарии», затем публикует его³.

Поиск и публикация источников по истории края, введение их в научный оборот являлось важнейшей составной частью работы Общества. Среди важнейших находок этого времени обнаруженные С.Г.Вахидовым «Ярлык хана Сахиб-Гирея» и рукопись «Нахджиль-Эль-Фара-
дие» –

письменные источники времени Казанского ханства⁴. По подсчетам М.А.Усманова, С.Г.Вахидов собрал свыше трех тысяч рукописей⁵.

В 1924 г. председателем Общества был избран Н.Н.Фирсов.

Заслуга Н.Ф.Катанова и Н.Н.Фирсова в том, что они сумели сплотить вокруг себя талантливую молодежь. Это были Н.И.Воробьев, Н.Ф.Калинин, М.К.Корбут, В.Ф.Смолин, Е.И.Чернышев, В.В.Егерев и др. Изменился и национальный состав общества. В этот период в него вступили и принимали участие в его работе такие представители татарской интеллигенции, как А.С.Аитов, С.Г.Вахидов, С.Х.Гобяшев, Г.С.Губайдуллин, М.С.Губайдуллина, Г.Г.Ибрагимов, М.Ф.Ш.Муртазин. Среди них были не только профессиональные историки. Активно участвовал в работе Общества в 1920-е годы известный татарский писатель Г.Г.Ибрагимов. Не без влияния участия в деятельности Общества, искренне увлекшись изучением истории Казанского края и татарского народа, он создает в 1926 г. работу «Татары в революции 1905 г.»¹.

За годы советской власти численность членов Общества существенно возросла. Так, только за один год (с 1 апреля 1927 г. по 1 апреля 1928 г.) она увеличилась со 145 до 175 членов. Из них почетных – 12, пожизненных – 15, действительных – 147 (из них проживающих в Казани – 72). Большинство составляли профессора и преподаватели Казанского университета и других вузов Казани².

В составе почетных членов были видные ученые В.В.Бартольд, Н.П.Лихачев, С.Ф.Платонов, А.И.Соболевский, Н.Н.Фирсов, С.П.Шестаков, среди пожизненных членов – Б.Ф.Адлер (Москва), С.П.Покровский (Москва), М.В.Бречкевич (Краснодар), А.Б.Диваев (Ташкент), Я.Д.Коблов (Владивосток) и др. Действительные члены Общества с ежегодным взносом – профессора и преподаватели Казанского университета и Восточного педагогического института: В.И.Анучин, Н.И.Ашмарин, М.А.Васильев, Н.Б.З.Векслин, Н.И.Воробьев, В.В.Егерев, В.Т.Дитякин, Г.Г.Ибрагимов, А.Г.Ильинский, П.М.Дульский, Н.Ф.Калинин, М.К.Корбут, И.М.Покровский, В.Ф.Смолин, М.М.Хомяков, Е.И.Чернышев и др. Среди иногородних членов Общества были: профессор В.П.Бузескул, А.А.Герасимов, профессор И.Э.Грабарь, профессор Н.П.Грацианский, академик М.С.Грушевский, профессор Г.С.Губайдуллин, профессор П.Г.Любомиров, И.В.Яковлев и др.³

Многогранная научная и организационная деятельность Общества была бы немыслима без его периодического печатного органа «Известий». Редактировали их после 1917 г. Н.В.Никольский, Н.И.Воробьев, М.Г.Худяков, Е.И.Чернышев. «Известия» выходили регулярно до 1929 г. по 2–4 выпуска в год. Интерес к ним был большой. Так, в 1928 г. «Известия» высылались в 200 адресов в стране и 59 адресов за границу, в том числе в Лондон, Берлин, Лейпциг, Париж, Гельсингфорс, Нью-Йорк, Вашингтон, Рим, Лейден, Вену и другие крупные научные центры. Однако эти связи носили случайный характер и ограничивались персональными связями членов Общества⁴.

После 1917 г. было издано 5 томов, 19 выпусков общим объемом более 100 печатных листов, опубликовано свыше 120 статей, из них 19 посвящено историческим проблемам (в том числе 10 – истории местного края), 16 – археологии (в том числе 14 – местного края), 22 – этнографии (в том числе 16 – этнографии народов края). Остальные работы были посвящены обзору музейных фондов, персоналиям и т.п.

В Обществе работали три секции: археологии и искусства; этнографии; истории и экономики. Нужно сказать, что последняя действовала наименее активно. Так, с 1 апреля 1927 г. по 1 апреля 1928 г. прошло заседаний секций, соответственно, 9, 7 и 3¹. Наиболее глубокие и аргументированные доклады в секции истории были сделаны Н.Н.Фирсовым, М.К.Корбутом, Е.И.Чернышевым, Г.С.Губайдуллиным, И.М.Покровским.

С весны 1927 г. началась подготовка к празднованию 50-летнего юбилея Общества. В состав юбилейной комиссии вошли М.К.Корбут, В.Ф.Смолин, И.М.Покровский, П.М.Дульский и Е.И.Чернышев².

Научная сессия, посвященная 50-летию ОАИЭ при Казанском университете, состоялась в Казани 25–27 января 1929 г. В ней участвовали ученые Москвы, Ленинграда, Самары, Саратова, Уфы и Карелии, а также ряда других городов и краев. На пленарном заседании присутствовало свыше 400 делегатов. С докладом о полувековой деятельности Общества выступил его председатель профессор Н.Н.Фирсов³. На заседании трех секций (археологии и искусства; истории; этнографии и лингвистики) было заслушано около 40 докладов. На секции истории наибольший интерес привлекли доклады М.К.Корбута «Национально-буржуазные съезды Волжско-Камского края в 1917 г.» и А.Ш.Абдрахимова «Новые списки татарских летописей»⁴.

Несмотря на принятое решение о публикации докладов в «Известиях», почти все они не были опубликованы в связи с прекращением деятельности ОАИЭ и слиянием его с Обществом по изучению Татарстана (ОИТ) в 1930 г. Это слияние намного сузило научные интересы и ограничило исследовательскую работу в крае. А вскоре и вновь созданное объединенное Общество было ликвидировано.

Безусловно, ОАИЭ занимало одно из ведущих мест среди научно-исследовательских исторических обществ Татарстана в этот период. Оно сыграло важную роль в изучении отечественной истории, в целом, и истории народов Поволжья и Приуралья на различных этапах их исторического развития, в частности, в охране памятников и археографической работе.

Наряду с ОАИЭ, историки Казанского университета принимали в 1920-е годы активное участие в деятельности Научного общества Татароведения (НОТ). В обоих Обществах фактически работали одни и те же лица.

НОТ было образовано в 1923 г. на базе Общества Востоковедения. Целью Общества было *«объединение лиц, работающих в области всестороннего научного изучения татар и татарской культуры, а также научная разработка относящихся к этой области вопросов, распространение соответствующих сведений и пробуждение интересов к задачам Общества в общественной среде»*, причем вопросы истории революционного движения, статистики, экономики, народного хозяйства, этнографии, фольклора, лингвистики, литературы, архео-графии и искусства предполагалось изучать не только применительно к татарам, живущим в Татарской республике, но и применительно ко всем поволжским татарам, а также татарам тобольским, крымским и литовским¹.

Бессменным председателем Общества был Н.Н.Фирсов, секретарем – Е.И.Чернышев. На 1 октября 1929 г. в Обществе насчитывалось 98 членов, из них – 74 действительных. Список почетных членов Общества возглавлял И.В.Сталин².

За семь лет (1923–1929 гг.) состоялось 39 общих собраний, на которых заслушивались и обсуждались доклады членов Общества. Следует отметить, что изучению истории местного края в Обществе уделялось, что вполне естественно, основное внимание. Особенно активную исследовательскую работу в этой связи вели Н.Н.Фирсов, Г.С.Губайдуллин и Е.И.Чернышев, которые неоднократно выступали в сборниках по разнообразной исторической тематике, связанной с изучением истории Поволжья и Приуралья (так, Г.С.Губайдуллин сделал за этот период восемь докладов, Е.И.Чернышев – десять)³. Многие из них были опубликованы в периодическом издании Общества – «Вестнике».

В декабре 1928 г. Н.Н.Фирсов и Е.И.Чернышев доставили из центральных архивов материалы по истории татарского народа, которые были отложены на хранение в архиве Общества. Тогда же при Обществе была создана Археографическая комиссия, целью которой было собирание, хранение и публикация источников по истории татарского народа¹.

В ноябре 1929 г. Научное общество Татароведения слилось с Обществом по изучению Татарстана, чтобы ликвидировать параллелизм в работе.

Помимо периодических изданий научных исторических обществ, в Казанском университете в 1925 г. было возобновлено издание «Ученых записок», которые выходили с перерывами с 1925 г. по 1930 г., а затем с 1931 г. по 1950 г. Однако на их страницах исследованиям по отечественной истории, особенно в 1930-х годах, фактически не было места².

В начале 1930-х годов изучение отечественной истории в Казанском университете практически прекратилось. Вклад ученых в развитие исторической тематики выражался преимущественно в разработке примерной программы и планов лекций и семинарских занятий на вновь открытом в 1939 г. историческом факультете, а также в публикации отдельных немногочисленных статей в периодической печати, причем не столько в специальных исторических изданиях, сколько в изданиях общественно-политического характера.

Совершенно нетерпимой стала обстановка в исторической науке после появления в печати в 1931 г. письма И.В.Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» в редакцию журнала «Пролетарская революция». Это письмо породило атмосферу подозрительности и необоснованной критики. Стали создаваться специальные бригады для проверки научной продукции отдельных ученых. Свободным научным дискуссиям был положен конец, отныне они подменялись «проработками», разгромом целых групп историков и исторических учреждений, предъявлением политических обвинений. В дальнейшем многие советские историки стали жертвами необоснованных репрессий. Было закрыто большинство научных исторических обществ, перестал выходить целый ряд исторических журналов («Красная летопись», «Каторга и ссылка», «Летопись революции» и др.), а в выходящих журналах часто сменялся состав редакционных коллегий, нарушалась периодичность изданий.

И.В.Сталин, безусловно, знал цену архивным документам, но, овладев всей полнотой власти, постарался не только затруднить доступ к архивам, но и скомпрометировать сами архивные поиски. В письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» он, как известно, крайне резко отозвался об архивном деле: исследователей, работавших с источниками, он грубо и оскорбительно назвал «архивными крысами» и «безнадежными бюрократами», и заявил, что нельзя «полагаться на одни лишь бумажные документы», а историю «партии и ее лидеров надо проверять по их делам»¹. Таким образом, из-под исследований выбивалась документальная база – одно из главных условий их достоверности и научности. Открывалась прямая дорога для демагогии и пустозвонства, всевозможных передержек, спекуляций и явных подлогов. Непомерно возмечивалась роль самого Сталина в становлении советской исторической науки. Высказывания его стали относить к основополагающим, а сам он стал расцениваться в качестве классика марксизма, положившего начало новому этапу в советской историографии.

Резко изменилась и тематика исторических исследований. Работы теоретического характера совсем перестали появляться. История советского общества освещалась крайне неравномерно, с явным уклоном в сторону сюжетов, так или иначе связанных с жизнью и именем Сталина.

Для обществоведов и историков установили предел дозволенности, выходить за который было противопоказано. После появления в 1938 г. краткого курса «Истории ВКП(б)» решение научных проблем следовало осуществлять в строгом соответствии с его положениями.

Крайне тяжелая обстановка для развития свободной научной мысли сложилась в это время и в Казанском университете.

В 1931 г. в КГУ работала комиссия Наркомпроса РСФСР и Татарского ОК РКП(б) по изучению работы университета в 1930/31 учебном году. Комиссия обнаружила множество недостатков, но главным из них было *«полное забвение основной задачи в советском вузе – задачи непримиримой борьбы за ленинизм, за классовость и партийность в науке, против идеалистических, механистических и меньшевистских извращений»*². Отмечалась недостаточность рабочей и партийной прослойки среди преподавателей и студентов, засилье в руководстве университета и парторганизации людей, *«не заслуживавших доверия, ставивших целью провалить партийную работу в университете, сорвать политическое воспитание студенчества, сорвать борьбу коллектива за партийность в науке»*. Эти люди обвинялись *«в обмане райкома, горкома и обкома партии»*, который проявился, в частности, и в том, что известное письмо Сталина было изучено в университете *«с опозданием на два месяца»*, поэтому не была *«перестроена работа общественных организаций в соответствии с этим письмом»*³.

Деятельность враждебных элементов усматривалась повсеместно – в работе учебного сектора университета (не было кафедры педагогики, не велась педпрактика), в деятельности хозяйственного аппарата и даже среди работников библиотеки, *«изъявших из обращения значительное количество произведений классиков марксизма-ленинизма под видом устаревших изданий»*¹. Как факт аполитичности расценивалось и то, что не были вовремя разоблачены *«порочные книги Корбутова по истории университета»*².

Но основной корень зла гнездился, с точки зрения сталинских идеологов, безусловно, в работе преподавателей. Уже в 1931 г. от работы в университете было освобождено шестеро из них по обвинению в том, что лекции их якобы строились на антимарксистских концепциях. В 1932–1933 гг. из университета исключили 38 аспирантов как классово чуждых элементов³.

В результате необоснованных репрессий университет лишился многих подготовленных научных и педагогических кадров, в том числе в области преподавания истории и общественных дисциплин. Помимо М.К.Корбутова, Г.С.Губайдуллина, а также репрессированных членов ОАИЭ С.Г.Вахидова, Г.Г.Ибрагимова, арестованы были высланный в Казань известный советский исследователь Н.Н.Эльвов, доцент КГУ по курсу «История ВКП(б) и ленинизма» Е.С.Гинзбург, профессор кафедры древней истории С.П.Сингалевич и многие другие. Большинство из них проходили по делу профессора кафедры методологии естествознания В.Н.Слепкова, необоснованно обвиненного в правом оппортунизме. В феврале 1935 г. в «извращениях в духе троцкизма и меньшевистствующего идеализма» была обвинена группа преподавателей кафедры философии во главе с Т.С.Ищенко.

В конце 1920-х годов начинается кампания травли Н.Н.Фирсова. По подсчетам И.П.Ермолаева и А.Л.Литвина, с декабря 1929 г. по март 1931 г. по далеко не полным данным в местных газетах «За коммунизм», «За пролетарские кадры», «Красная Татария» было опубликовано 13 статей с критикой Н.Н.Фирсова не только как мелкобуржуазного ученого, но и как врага советской власти⁴.

Резкая, упрощенческая и несправедливая оценка творчества Н.Н.Фирсова содержалась в статьях С.Г.Томсинского «Разинщина» и «О фирсовщине», опубликованных в журнале «Проблемы марксизма» в 1930 г. (сам термин «фирсовщина» стал нарицательным)¹. Работы Фирсова о Разине и Пугачеве квалифицировались в этих статьях, как *«антимарксистские и реакционные»*. *«Успех Н.Н.Фирсова, – писал С.Г.Томсинский, – объясняется его большой способностью популяризатора и наличием радикальной фразеологии. В своих работах он сочетает Щапова и Костомарова. От первого он берет романтическое сочувствие «ко всем страждущим и обездоленным», от второго – отрицательное отношение к революционным движениям тех же «страждущих»*. И далее: *«Н.Н.Фирсов – чуждый нам историк, который мог бы играть некоторую прогрессивную роль в 80-е гг. XIX в., но не на тринадцатом году Октября»*².

Гонения на Н.Н.Фирсова, омрачившие последние годы его жизни, были частью идеологической кампании, направленной на насаждение марксизма и борьбу с плюрализмом в исторической науке, которая активно осуществлялась на рубеже 1920–1930-х годов. В марте 1931 г. состоялось специальное расширенное заседание бюро секции научных работников Казани, посвященное обсуждению научной концепции и политических взглядов Н.Н.Фирсова. Хотя решение было принято весьма лояльное – в резолюции заседания отмечалась *«смелая борьба Фирсова с царизмом с вузовской трибуны в прошлом, его готовность идти на работу с советской властью»* и признавалось, что в силу этого бюро *«не считает возможным квалифицировать Фирсова как контрреволюционера, как врага советской власти»*, однако отмечалось, что это *«не должно вести к ослаблению борьбы против фирсовщины и разоблачения ее как идеологически вредного течения в исторической науке»*³.

Лишь кончина историка в июне 1933 г., по всей видимости, помещала ему разделить трагическую судьбу многих его коллег.

5 января 1935 г. газета «Ленинец» писала: *«Надо помнить, что и в стенах нашего университета подвизались со своими антимарксистскими, антисоветскими «теориями» и «теорийками» Корбутов,*

Диковицкий, Слепков. Разоблачать подобных «теоретиков», проявлять непримиримость ко всяким отклонениям в сторону от генеральной линии партии, беспощадно изгонять из рядов партийной организации всех оппортунистов, двурушников, примиренцев – актуальная задача, стоящая перед коммунистами вуза... Большевистская бдительность – не абстрактное понятие. Во всем содержании научно-теоретического процесса мы должны бороться за генеральную линию партии, систематически и безжалостно борясь против троцкистской контрабанды и эмпиризма»¹.

В начале 1930-х годов в духе общего гонения на краеведческое движение в стране были закрыты и существовавшие в Татарстане историко-краеведческие общества.

Таким образом, изучение и преподавание отечественной истории в Казанском университете, как впрочем и в целом по стране, к концу 1930-х – началу 1940-х годов находилось в крайне тяжелом состоянии. Кадры квалифицированных историков были разгромлены, специальные исторические периодические издания и научные общества ликвидированы. Опыт, навыки и традиции в преподавании отечественной истории и вспомогательных исторических дисциплин утрачены. Возможности научной деятельности в области изучения отечественной истории были жестко ограничены: оставались лишь частные, отдельные сюжеты, конкретные работы «к вопросу о...», в лучшем случае – публикации источников. Альтернативы для исследователей не предоставлялось, и условия были приняты. Новым суровым испытанием в жизни Казанского университета явилась Великая Отечественная война.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ФАКУЛЬТЕТА И РАЗВИТИЕ КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

В 1939 г. в Казанском университете после длительного перерыва вновь был создан исторический факультет, через год переименованный в историко-филологический. Первым деканом восстановленного факультета стал выпускник Московского университета Александр Павлович Плакатин. Он также заведовал кафедрой основ марксизма-ленинизма, и в год открытия факультета был единственным в университете и в Казани кандидатом исторических наук².

В составе факультета была открыта одна единственная кафедра, которая объединяла специалистов по отечественной и всеобщей истории. Первым заведующим был назначен доцент Казанского педагогического института Е.И.Устюжанин (1939–1941 гг.). В 1941 г. руководство кафедрой перешло В.Б.Донскому, в 1942–1943 гг. профессору Б.Ф.Поршневу.

Первые студенты исторического факультета слушали лекции по курсу «История СССР эпохи феодализма» Е.И.Устюжанина¹. А практиче-ские занятия проходили под руководством В.И.Пономарева – выпускника Казанского университета, ученика известного казанского историка Д.А.Корсакова. На занятиях обсуждались темы, которые остаются актуальными и по сей день. Это: «Образование Русского централизованного государства», «Социальные реформы Петра I» и др. Некоторое время он читал лекции по историографии и источниковедению².

Декан факультета А.П.Плакатин читал лекции и вел семинарские занятия по истории партии³.

Проводились занятия и по всеобщей истории. Квалифицированных, подготовленных преподавателей не хватало, поэтому занятия проводились не по полной учебной программе. М.Д.Бушмакин читал небольшой курс по истории первобытного общества. В основном он интересовался историей средневековой Франции¹. Кандидатскую диссертацию «Внешняя политика Генриха IV» защитил в 1942 г.² С современной точки зрения, данная работа не соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям. К сожалению, из-за войны, автору пришлось ограничиться только анализом отечественной и имеющейся французской исторической литературы. Хотя исследование и называется «Внешняя политика Генриха IV», однако рассматривается только один аспект этой политики, отношение Генриха IV к австрийскому дому, в частности к его испанской ветви. Узость темы автор объясняет обстоятельствами военного времени³. В отличие от многих исследований тех лет в диссертации почти отсутствуют ссылки и обширные цитаты основоположников марксизма-ленинизма, а также идеологизированная и политизированная оценка исторических фактов и событий.

Занятия по истории Древнего Востока, Греции и Рима проводил приглашенный из Белорусского университета В.И.Шевченко⁴.

После преобразования исторического факультета в историко-филологический в 1940 г. из Москвы был прислан для чтения лекций по истории СССР эпохи феодализма молодой ученый Владимир Иванович Донской. Его кандидатская диссертация была посвящена обороне Смоленска от иностранных интервентов в 1609–1611 гг.⁵ Его научным руководителем был известный историк, профессор Ленинградского университета М.Д.Приселков. Преподавательская деятельность В.И.Донского в Казанском университете продолжалась недолго. В конце 1941 г. он ушел на фронт и не вернулся⁶.

Бывшие студенты историки, а впоследствии известные ученые Г.Н.Вульфсон и Н.П.Муньков с теплотой вспоминали своих первых педагогов и наставников, и высоко оценивали их профессиональные качества⁷.

У молодого факультета были и свои особенности. Прежде всего это неуккомплектованный профессорско-преподавательский состав и малочисленность студентов. Большинство преподавателей работали по совместительству из Казанского педагогического института¹. Не хватало учебно-методических пособий². Преподаватели пытались восполнить пробел всеми имеющимися способами. По истории античной Греции и Рима, по истории средних веков показывали «...учебные кинофильмы и световые картины...». На лекциях по истории СССР и основам марксизма-ленинизма использовались наглядные пособия³.

Учебный план исторического отделения истфилфака на 1940/41 учебный год состоял из 21 обязательного предмета:

1. Основы марксизма-ленинизма.
2. Политическая экономия.
3. Диалектический и исторический материализм.
4. Педагогика.
5. Методика преподавания истории.
6. Введение в языковедение.
7. Иностранный язык.
8. Латинский язык.
9. Военная подготовка.
10. Физическая культура.
11. История доклассового общества и Древнего Востока.
12. История Греции и Рима.
13. История средних веков.
14. История народов СССР.
15. История нового времени.
16. История зависимых и колониальных стран.
17. Основы археологии.
18. Источниковедение.
19. Историография.
20. История всеобщей литературы.
21. История русской литературы⁴.

Почти с первых же дней восстановления исторического факультета начал функционировать и студенческий научный кружок, который возник по инициативе самих студентов. Они регулярно проводили заседания кружка, где обсуждали интересные доклады. Студенты установили тесные контакты и с известными казанскими краеведами: И.М.Покровским, В.В.Егеревым, П.М.Дульским, Н.Ф.Калининым, которые неоднократно встречались с начинающими историками, давали советы при подготовке докладов¹.

Великая Отечественная война нанесла существенный урон научной, общественной и педагогической жизни историко-филологического факультета. Начало войны пришлось на 22 июня, по радио выступил заместитель председателя Совета Народных комиссаров и Народный комиссар иностранных дел В.М.Молотов. После выступления В.М.Молотова в общежитии университета прошел митинг. 23 июня состоялся общеуниверситетский митинг². Многие студенты и преподаватели добровольцами ушли на фронт. В университете создавались бригады для оказания помощи колхозам и совхозам. Студенты выезжали на строительство оборонительных рубежей³.

С началом войны проблем в организации учебного процесса стало еще больше. В первом семестре 1941/42 учебного года практически не было занятий. Были введены новые формы обучения, прежде всего коллоквиумы, которые проводились по всем предметам семестра. По большим курсам, рассчитанным на 1–1,5 года, перед экзаменами читались обзорные лекции. Возросло число дополнительных вечерних занятий. Студенты больше занимались самостоятельно: писали рефераты, делали сообщения по отдельно взятому вопросу¹. Занятия проходили в плохо отапливаемых помещениях при слабом освещении. Не хватало учебных пособий, тетрадей, карандашей. Замерзали чернила. Следует отметить и тяжелое материальное положение преподавателей и студентов². Днем преподаватели и студенты были заняты учебным процессом, а ночью шли работать. Расчищали трамвайные пути, дороги, взлетные площадки в аэропорту от снега и т.д.³

По приказу НКП РСФСР в 1941/42 учебном году вводилось трехгодичное обучение, при этом сохранялись основные направления специализации. Была введена 48-часовая рабочая неделя, отменены зимние каникулы, сокращены периоды сессий, часы по иностранным языкам, практические и факультативные курсы. Студенты всех факультетов в обязательном порядке изучали «Основы сельского хозяйства», но скоро стала ясна нецелесообразность данных преобразований и в июне 1942 г. были восстановлены довоенные учебные планы с пятилетним сроком обучения⁴. Не хватало преподавательских кадров. Временно выход был найден в привлечении специалистов из других городов. Например, читали лекции профессор-медиевист Б.Ф.Поршнев, профессор-византист М.В.Левченко из Ленинградского университета, однако и это не решало проблему кадров⁵.

Казань издавна была центром общественной, культурной и научной жизни в Среднем Поволжье и, видимо, поэтому сюда были эвакуированы часть Института истории АН СССР и несколько столичных вузов⁶. Эти обстоятельства военного времени дали возможность студентам университета слушать лекции знаменитых профессоров и академиков, однако систематических курсов создать не удалось. Студенты-историки в 1941/42 учебном году слушали лекции по источниковедению истории СССР доцента В.И.Лихачева, а по истории Киевской Руси известного историка Б.Д.Грекова¹.

Необходимо отметить, что еще в 1930-е годы Б.Д.Греков вместе с А.Ю.Якубовским предприняли попытку создать первую обобщающую работу по истории Золотой Орды. Она была опубликована в 1937 г. В ней в научно-популярной форме излагается история Улуса Джучи в период его сложения и расцвета, т.е. в XIII и XIV вв. Авторы использовали широкий круг источников, археологический материал, труды отечественных и зарубежных историков. Первая часть – Золотая Орда, была написана А.Ю.Якубовским; вторая часть – Золотая Орда и Русь – Б.Д.Грековым. Впервые в русской историографии Золотая Орда рассматривается не как «варварское государство», а как самостоятельное государственное объединение, оказавшее сильное влияние на дальнейшее развитие России. Б.Д.Греков не употребляет термин «татаро-монгольское иго», но не отказывается от самой концепции. Фразы, типа «хищническая политика татар», «татарское завоевание» – часто встречаются в тексте. В работе недостаточно полно освещена феодальная междоусобная война в Золотой Орде, после смерти хана Узбека². При подготовке второго издания был включен новый раздел «Падение Золотой Орды», написанный А.Ю.Якубовским³, а Б.Д.Греков опубликовал отдельную монографию «Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.)»⁴. К сожалению, авторы не смогли рассмотреть все вопросы, связанные с распадом этого когда-то великого государства. В дальнейшем данная проблема нашла более подробное освещение в монографии М.Г.Сафаргалиева «Распад Золотой Орды»⁵.

Кроме того, в конце 1941 г. был эвакуирован в Казань и академик Е.В.Тарле вместе с женой и сестрой. Здесь он прожил 2 года, самое тяжелое время войны. В Казани Е.В.Тарле развернул кипучую деятельность: читал лекции студентам университета и эвакуированным студентам других вузов по истории наполеоновских войн и о Крымской войне, руководил работой аспирантов, консультировал специалистов, выступал с лекциями перед населением и наряду с этим он продолжил работу над вторым томом «Крымской войны». Первый том еще до войны был сдан в Военно-морское издательство¹. В Казани Е.В.Тарле приступил к написанию новой работы «Великая политика и дипломатия России от конца Крымской войны до 1914 г. (1856–1914 гг.)»². Во время работы над «Крымской войной» специально для него был открыт доступ ко многим архивным материалам³.

В годы Великой Отечественной войны приоритетными в научно-исследовательской работе преподавателей были проблемы, связанные с революционным движением и национально-освободительной борьбой народов СССР во главе с русским народом. Тем не менее в это время изучалась и местная история. Во время пребывания в Казани эвакуированные историки продолжали заниматься наукой на базе богатой университетской библиотеки и местных архивов. В результате академик Б.Д.Греков написал работу «Волжские Болгары», вошедшую во вторую главу первого тома «Истории Татарии»⁴. В 1941/42 учебном году профессор В.Т.Дитякин закончил III и IV главы «Истории Италии» и статью «Из славного прошлого русской военной авиации» для сборника АН СССР и КГУ «Враг будет разбит»⁵. Также историки университета совместно с Академией наук подготовили к печати сборник «Героическое прошлое русского народа» (20 п.л.)⁶. В том же учебном году Б.Ф.Поршневу закончил брошюру «Фашизм и антинародные традиции в германской истории». На эту же тему он выступил с докладом на научной сессии истфилфака.

В 1943 г. была создана отдельная кафедра истории СССР. Ее возглавил эвакуированный в Казань из Украины доцент В.А.Голобуцкий¹. В Казани он защитил докторскую диссертацию, читал спецкурс «Социальная история черноморских казаков»².

Наиболее плодотворным для историко-филологического факультета был 1942/43 учебный год. Преподавателями факультета было опубликовано 12 статей и монографий. Проводились научные конференции. В феврале 1942 г. состоялась конференция, посвященная 24-й годовщине Красной Армии. Работали три секции: историческая, экономическая, педагогическая. Были сделаны доклады на следующие темы: Е.В.Тарле «Парижский мир 1856 г. – по архивным документам», Д.И.Розенберг «Социальная демагогия фашизма», К.Ф.Калинин «Новые археологические источники по истории Волжско-Камской Булгарии» и др. На другой конференции, состоявшейся в апреле 1944 г. были подведены итоги исследовательской работы преподавателей факультета. С докладами выступили: В.Е.Голобуцкий «Значение Запорожской Сечи в освободительной борьбе украинского народа», А.Н.Вознесенский «Русское влияние в западной литературе» и др.³

В 1943/44 учебном году состоялся первый выпуск 16 студентов-историков. Учитывая все обстоятельства военного времени, они получили достаточно хорошее образование. Так, во втором семестре V курса была проведена даже производственная практика, проводившаяся на базе архива НКВД, в научной библиотеке КГУ, в Казанском центральном музее. И хотя тогда еще не было разделения архивной и музейной практики, но уже были составлены специальные программы⁴.

Не прерывалась и студенческая научная работа. Так, на первом же заседании кружка в 1941/42 учебном году было заслушано сообщение студента Г.Вульфсона «Куликовская битва». Члены кружка

занимались изучением архивных фондов Казани, изучали источники и литературу по истории России и Западной Европы¹. В 1943 г. была проведена конференция студентов-историков «Исторические битвы за Москву».

С докладами выступили Н.Муньков, Г.Шамов и др.² В годы войны не прекращалась подготовка научных кадров и в аспирантуре. Было защищено несколько кандидатских диссертаций (М.Д.Бушмакин, Л.Е.Кертман, Б.П.Рождественский, Н.П.Шкляев, А.С.Шаева, А.Н.Вознесенский)³. В эти годы преподаванием истории России на кафедре занимались шесть ученых: доценты И.М.Климов, Е.И.Чернышев, Е.И.Устюжанин (по совместительству), старший преподаватель В.И.Пономарев и ассистенты Г.Н.Вульфсон, Я.И.Липков (по совместительству).

В 1943 г. Е.И.Чернышев читал курс по источниковедению⁴. Я.И.Липков вел спецкурс и спецсеминар «А.И.Герцен и общественное движение России»⁵. Доцент М.В.Левченко одним из первых прочитал спецкурс по истории Великой Отечественной войны⁶.

Даже в тяжелое военное время партия зорко следила за научной и педагогической жизнью высшей школы. Идеологический прессинг ощущался во всем. ЦК ВКП(б) уделял особое внимание преподаванию общественных дисциплин, «играющих решающую роль в идейно-политическом и идеологическом формировании наших кадров»⁷. В 1942–1943 гг. в вузах было введено преподавание политической экономии. Весной 1944 г. ЦК принял постановление «О недостатках в научной работе в области философии». Критике был подвергнут третий том «Истории философии», изданный в 1943 г. Постановление ЦК ВКП(б) вскрыло «...серьезные методологические ошибки...». Следующий удар обрушился на национальных историков. В августе 1944 г. последовало постановление «О состояниях и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», а в феврале 1945 г. «О состояниях и мерах агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации»¹.

Вслед за постановлением ЦК ВКП(б) появилось постановление Татарского обкома партии «О работе и ошибках Татарского научного исследовательского института языка, литературы и истории». Ошибки, по мнению партийных руководителей, «выразились в приукрашивании Золотой Орды и популяризации ханско-феодалного эпоса об Идееге, который организовывал грабительские походы на Русь»².

1944 г. – начало политических репрессий против ряда народов: балкарцев, ингушей, крымских татар и др. По мнению академика М.А.Усманова, в этом списке могли оказаться и казанские татары. Спасло компактное расселение народа по всей территории страны. Сталин «ограничился» идеологическими репрессиями в области истории и культуры татарского народа³. Однако с этого времени начинается «пересмотр» начальных этапов истории татарского народа.

В апреле 1946 г. в Москве в отделе истории и философии АН СССР прошла специальная сессия, посвященная этногенезу татарского народа. Булгарская гипотеза о происхождении казанских татар была положена в основу выводов о татарском этногенезе⁴. На этой сессии выступили Н.И.Воробьев, Н.Ф.Калинин, Х.Гимади и др., в их докладах эта версия получила дальнейшее развитие. И, хотя далеко не все участники сессии АН СССР были согласны с этим подходом, тем не менее, в исторической науке тех лет возобладала эта точка зрения. Надо отметить, что доклады участников сессии интересны и содержат богатый фактический материал, основанный на письменных источниках, материалах археологии, лингвистики, антропологии. Однако выводы, к которым они пришли на основании этих источников, используются как доказательство отсутствия этнических связей между булгарами и пришлыми монголами⁵.

Материалы сессии АН СССР весьма детально обсуждались и в КГУ. Так, одно из заседаний кафедры истории СССР в 1949 г. было специально посвящено происхождению казанских татар. С основным докладом выступил профессор А.П.Смирнов. По его мнению, эволюция народа определяется его внутренним развитием, в котором главную роль играют социально-экономические отношения, и формирование татарского народа началось значительно раньше, а не в период монгольского завоевания¹.

После Великой Отечественной войны расширилась сеть высших учебных заведений по всей стране. Перед высшей школой ставилась задача в течение пяти лет (1946–1950 гг.) подготовить около двух миллионов специалистов, в том числе 600 тысяч с высшим образованием².

Изменилась программа обучения. Неотъемлемой частью учебного процесса стали семинары и спецкурсы. Преподаватели кафедры истории СССР принимали участие в обсуждении и составлении проектов новых программ. В 1948/49 учебном году были разработаны следующие программы спецкурсов и спецсеминаров: «Источниковедение истории СССР», «Историография истории СССР» (ст.преподаватель В.Пономарев)³, «Крестьяне XIV–XVI вв. в Северо-Восточной Руси» (профессор Д.Одинец), «Общественно-политическое движение 30–40-х годов XIX в.» (доцент И.Климов), «Коллективизация в ТАССР» (ст.преподаватель В.Смирнова), «Ленинско-сталинский этап в развитии историографии народов Советского Союза» (профессор В.Писарев), «Теория и практика архивного дела» (ассистент Г.Вульфсон) и др.⁴

На заседаниях кафедры преподаватели неоднократно обсуждали лекции своих коллег. Например, в 1 семестре 1946/47 учебного года были обсуждены лекции В.Н.Голобуцкого на тему «Великий Новгород» и Н.К.Сапеги «Международные отношения и внешняя политика СССР в период 1928–1930 гг.»⁵.

Сохранилась подробная запись одного из обсуждений. Так, 2 сентября 1948 г. профессор В.И.Писарев присутствовал на спецпрактикуме по «Тематике исторического исследования архивных материалов» Г.Н.Вульфсона. Приведем небольшой отрывок из выступления В.И.Писарева. «...Лектор прекрасно владеет литературным языком. Видно, что лектор тщательно готовился к лекции, давал точные формулировки. По содержанию лекция построена на марксистско-ленинском понимании архивного строительства»⁶. Единственное замечание, которое было высказано: «...нужно было построить архитектуру лекции в направлении борьбы с врагами марксизма-ленинизма»⁷.

В архивных документах тех лет такие формулировки встречаются довольно часто. К тому же, необходимо отметить, что профессор В.И.Писарев всегда точно выполнял партийные директивы и установки Министерства образования. Он возглавлял кафедру истории СССР с 1948 г. по 1958 г., до этого работал в Куйбышеве и профессорское звание ему было присвоено без защиты докторской диссертации¹. В эти же годы на кафедре преподавали доцент Ш.Ф.Мухамедьяров (с 1958 г. по 1965 г. руководил кафедрой), старшие преподаватели Е.Г.Матвеева и В.Н.Смирнова. По истории России IX–XIX вв. читали лекции и вели практические занятия В.И.Писарев, Г.Н.Вульфсон, И.М.Климов и В.Н.Смирнова. Учебный процесс жестко контролировался партийными органами. Ввести что-то кардинально новое, излагать свою точку зрения на занятиях практически было невозможно. Тем не менее преподаватели старались поднимать на занятиях наиболее актуальные вопросы отечественной истории. Например, лекции Г.Н.Вульфсона посещали не только историки, но и студенты других факультетов².

Особое внимание в эти годы кафедра истории СССР уделяла преподаванию истории Татарии, руководствуясь постановлениями ЦК ВКП(б) о работе Татарской партийной организации от 1944 и 1949 гг., в которых подчеркивалась «...необходимость изучения совместной борьбы татарского и русского народов против общих внутренних и внешних врагов и разоблачения буржуазного национализма»³. В первую очередь была составлена программа по истории Татарии.

В 1947/48 учебном году доцент Н.Ф.Калинин представил на заседании кафедры истории СССР программу по «История Татарии с древнейших времен до середины XIX в.». В архивных документах, к сожалению, представлен лишь краткий вариант программы.

1. История Татарии, ее предмет, значение и место в истории.
2. Начало заселения края.
3. Население края на средней ступени варварства.
4. а) Население края накануне возникновения классового общества.
б) Население Предволжья.
в) Население Закамья.
5. Булгары до монгольского завоевания.
6. Булгары под властью Золотой Орды.
7. Казанское ханство.
8. Казанский край во второй половине XVI в.
9. Казанский край в первой половине XVII в.
10. Казанский край во второй половине XVII в.
11. Казанская губерния в царствование Петра I.
12. Казанская губерния при преемниках Петра I.
13. Казанская губерния в 1762–1800 гг.
14. Культура Татарии во второй половине XVIII в.
15. Казанская губерния в первой половине XIX в.

По мнению автора, остальные разделы истории Татарии второй половины XIX и XX вв. должны рассматриваться в общем курсе истории СССР.

По курсу он рекомендует всего 2 работы: 1) История Татарии в документах и материалах (М., 1937); 2) Происхождение казанских татар. Материалы сессии отделения истории и философии АН СССР, организованной совместно с Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР 25–26 апреля 1946 г. в г. Москве (Казань, 1948)¹. В ходе обсуждения этой программы был высказан ряд замечаний и программа была возвращена на доработку. Замечания в основном касались источниковой базы программы и истории взаимоотношений Москвы и Казанского ханства.

В 1951 г. кафедрой истории СССР была организована дискуссия с участием преподавателей казанских вузов об этногенезе казанских татар. Дискуссия была вызвана статьей М.Сафаргалиева «Один из первых спорных вопросов истории Татарии», опубликованной в журнале «Вопросы истории» (1951. №17)². В этой статье М.Сафаргалиев подверг критике Н.Ф.Калинина, А.П.Смирнова, Х.Гимади и др., которые вслед за постановлением ЦК ВКП(б) 1944 г. искаженно освещают происхождение казанских татар. Концепция, предложенная М.Сафаргалиевым, близка к современной. Он считал, что в этногенезе казанских татар участвовали тюркоязычные племена и народности, близкие между собой не только по культуре, но и по хозяйственному быту, а также соседние народы. И окончательное формирование татарского народа произошло в период Казанского ханства³.

Сотрудники кафедры активно участвовали и в обсуждении первого тома книги-макета «История Татарской АССР» (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции),

подготовленной к печати по постановлению редакционно-издательского совета Казанского филиала АН СССР, под председательством академика А.Е.Арбузова. В составлении первого тома принимали участие академик Б.Д.Греков (написал часть II главы о Волжской Булгарии), доктор исторических наук Л.В.Черепнин, Н.Ф.Калинин, Е.И.Устюжанин, Х.Г.Гимади и др. Это было первое учебное пособие, в котором систематизировано излагалась история Татарской АССР в соответствии с духом постановления ЦК ВКП(б) 1944 г. Так, в частности, один из важнейших этапов в истории Татарстана – эпоха Золотой Орды – почти не рассматривается на страницах этого пособия.

После войны стала налаживаться и научная жизнь факультета. У преподавателей вновь появилась возможность выезжать в командировки, в основном в архивы и библиотеки Москвы и Ленинграда¹. Это позволило расширить тематику научных исследований. Основным научным направлением в эти годы становится изучение истории ТАССР и народов Поволжья. Разрабатывались такие проблемы, как «Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции» (В.И.Писарев), «Образование ТАССР» (И.М.Климов), «История коллективизации в ТАССР» (Е.И.Устюжанин, Е.Г.Матвеева) и др.² Так, например сферу научных интересов Е.И.Устюжанина можно определить двумя направлениями: 1) история коллективизации в ТАССР; 2) крестьянское движение в Казанской губернии в период отмены крепостного права. О коллективизации тогда писали много. Данной тематике посвящено несколько работ Е.И.Устюжанина: «Первые коллективные хозяйства в Татарии (1918– 1920 гг.)», «Колхозное строительство в Татарии в начальный период индустриализации страны (1926–1928 гг.)» и др.³ По крестьянскому движению наиболее интересными являются: «Волнения крестьян села Бездна 1863–1865 гг. (Из истории крестьянских движений в Татарии в период реформы 1861 г.)», «Борьба помещичьих крестьян в период революционной ситуации 1859–1861 гг.» (в соавторстве с Г.Н.Вульфсоном)⁴. О Безденском восстании написано немало, но события 1863–1865 гг., когда в селе вновь начались волнения, практически не освещались в печати. Е.И.Устюжанин один из первых на основании архивных материалов рассмотрел этот вопрос. Статья «Волнение крестьян села Бездна 1863– 1865 гг.» написана на основе одного из разделов кандидатской диссертации «Крестьянское движение в Казанской губернии в связи с реформой 1861 г.», защищенной в 1947 г. в Ленинградском государственном университете. В другой статье Е.И.Устюжанин с соавторами рассмотрели ситуацию в селе Бездна в период реформы 1861 г.¹

Проблемы, связанные с Безденским восстанием, долгие годы являлись предметом исследований и другого преподавателя кафедры – Г.Н.Вульфсона. В результате им был опубликован сборник документов «Безденское восстание» (1948 г.)², а в 1950 г. защищена кандидатская диссертация «Борьба вокруг реформы 1861 г. в Казанской губернии»³. Защита состоялась в Московском историко-архивном институте, оппонентами выступили крупные ученые – член-корреспондент АН СССР А.М.Панкратова и профессор В.К.Яцунский⁴. Позже, в 1986 г. Г.Н.Вульфсон издал отдельную работу «Жаждали воли», посвященную 125-летию Безденского восстания⁵. В его работах нашли отражение не только крестьянское, но и революционно-демократическое движение в Казанской губернии. На основании ранее не использованных архивных материалов автору удалось воссоздать реальную картину тех лет, передать нравы, обычаи, умонастроение российского общества второй половины XIX в.

В конце 1950-х годов актуальной становится тема, связанная с изучением первой революционной ситуации, сложившейся в России на рубеже 50–60-х годов XIX в. С 1958 г. работа в этом направлении сосредоточилась в руководимой М.В.Нечкиной проблемной группе при отделении истории АН СССР. Группа поставила задачей комплексное изучение проблемы и привлекла для этого исследователей из различных научных и учебных заведений страны⁶.

В Казанском университете изучение революционного движения второй половины XIX в. возглавил Г.Н.Вульфсон. Еще в 1952 г. была опубликована его монография «Революционные демократы и общественное движение в Казанском университете в период революционной ситуации 1859–1861 гг.»¹. В 1960–1970-е годы по истории разночинно-демократического движения в Поволжье им был написан ряд работ и защищена докторская диссертация². А некоторое время спустя вышла его статья по истории Казанского отделения «Земли и воли»³.

Следует также отметить и исследования доцента И.М.Климова. Он известен как автор следующих работ: «Борьба за хлеб рабочих и трудящихся крестьян Казанской губернии в период иностранной интервенции и гражданской войны», «Национальные моменты в государственном партийном строительстве Татарии в восстановительный период»⁴. Эти темы в то время были актуальными и разрабатывались очень интенсивно. В 1950-е годы И.М.Климов возобновил чтение лекций по истории Великой Отечественной войны. В 1957 г. его лекции были опубликованы в двух томах⁵. А в 1961 г. он защитил докторскую диссертацию «Образование и развитие Татарской АССР в 1920–1960-х гг.»⁶. За год до защиты им была опубликована монография по данной проблеме⁷.

Проводилась большая исследовательская работа по изучению истории местного края. Еще в начале 1960-х годов доцент Ш.Ф.Мухамедьяров, юрист по образованию, защитил кандидатскую диссертацию по истории под руководством М.Н.Тихомирова¹ изучал социально-экономическую историю края в XV–XVI вв., а его ученик Р.Н.Степанов подготовил публикацию ценного исторического источника «Писцовой книги Казанского уезда»². Следует также отметить более раннюю работу Ш.Ф.Мухамедьярова «Земельные правоотношения в Казанском ханстве» (1958 г.)³. Она построена на анализе

немногочисленных сохранившихся источников и исторической литературы. Автор исследует специфические особенности феодализма в Казанском ханстве. На основании тщательного анализа ярлыка хана Сахиб-Гирея он сделал вывод о существовании военно-ленного землевладения в Казанском ханстве. Это была одна из первых работ по истории Казанского ханства после долгих лет молчания.

Разработкой проблем отечественной истории занимались и сотрудники кафедры всеобщей истории. В течение 1951–1959 гг. А.С.Шофман принимал участие в составлении коллективного труда «История Казанского университета им.В.И.Ульянова-Ленина», Г.Ф.Шамов изучал историю «Восточного разряда» Казанского университета⁴. В составлении истории Казанского университета участвовали многие преподаватели истфилфака. Авторский коллектив состоял из доцентов М.И.Абдрахманова, Г.Н.Вульфсона, И.М.Климова, А.С.Шофмана, профессора В.И.Писарева и др.¹ И хотя эта работа далека от совершенства, однако богатый фактический материал, содержащийся в ней, и в настоящее время привлекает исследователей.

Следующие приоритетные научные направления этого периода – аграрный вопрос в годы опричнины (В.И.Пономарев), история декабристского движения, точнее «Каменская управа Южного общества» (Н.С.Захаров), аграрно-крестьянское движение в Поволжье (А.М.Полевич)². Исследования по аграрной истории России были продолжены и в 1960-е годы. Особо следует выделить публикации Г.Н.Вульфсона, его ученика Ю.И.Смыкова, а также Е.И.Устюжанина и С.И.Даишева³.

По воспоминаниям профессора Р.И.Нафигова, 1950–1960-е годы – это время перемен на факультете. «Люди ждали серьезных изменений»⁴. И они начались.

После XX съезда КПСС историки по-новому стали освещать некоторые аспекты и проблемы отечественной истории. Казанские историки выступили с инициативой восстановления Общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете. В мае 1961 г. был создан организационный комитет для подготовки учредительного съезда Общества. Съезд открылся в Казани 16 апреля 1962 г. На съезде обсуждали устав Общества, избрали его Совет, редколлегия и ревизионную комиссию, также создали научные проблемные группы. Было заслушано и обсуждено около 80 докладов и сообщений. Особый интерес вызвал доклад доктора исторических наук из Ленинграда Л.Н.Гумилева «Каспий, климат и кочевники Европы». Но в 36 томе Трудов Общества, который вышел в 1963 г. статья Л.Н.Гумилева была изъята из печати, а также статья А.А.Алексина. Чиновникам не понравился нетрадиционный, кардинально новый подход Л.Н.Гумилева к истории кочевых народов Европы¹.

В 1960-е годы расширилась тематика научных исследований, появились новые спецкурсы. В основном значительное внимание стало уделяться истории общественно-политической мысли народов России и Поволжья. Так, с 1963 г. был введен спецкурс по истории формирования общественной мысли народов Поволжья и Приуралья.

Начиная с 1960-х годов на факультете ежегодно организовывались археографические экспедиции по сбору рукописей на тюркских и восточных языках в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири. Эту большую работу по выявлению, сбору и анализу письменных исторических источников XIV–XVIII вв. возглавил доцент М.А.Усманов. Материалы этих экспедиций были использованы им в кандидатской диссертации «Татарские нарративные источники XVII–XVIII вв. и их особенности» (1968 г.). Через некоторое время появилась монография «Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. «Сборник летописей», «Дафтар-и-Чингиз-наме», «Таварих-и-Булгария», татарские шаджара» (1972), а в 1979 г. им была опубликована работа «Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв.»². Эти фундаментальные исследования – результат не только археографических экспедиций М.А.Усманова, но и исследовательской работы во многих архивах и библиотеках страны. Публикация этих работ является значительным шагом в развитии татарского источниковедения.

Проводились исследования и по этнографии казанских татар доцентом Р.Г.Кашафутдиновым. В 1969 г. он защитил кандидатскую диссертацию под руководством профессора Н.И.Воробьева «Народные (общественные и семейные) праздники казанских татар»¹. Также истории местного края была посвящена кандидатская диссертация

И.П.Ермолаева «Проблема колонизации Среднего Поволжья и Приуралья в русской историографии (вторая половина XIX – начало XX вв.)» (1965 г.)². И тем не менее в 1960-е годы все же более популярными оставались традиционные темы, связанные с историей партии, Октябрьской революции и национально-освободительного движения. По данным проблемам было защищено несколько кандидатских диссертаций. Например, А.Л.Литвин «Партийная советская печать в борьбе за организацию разгрома врага на Восточном фронте 1918 – август 1919 г. (по материалам Вятской, Казанской, Самарской и Симбирской губерний)» (1961 г.)³, И.Р.Тагиров «Установление советской власти в Казани (о своеобразии процесса борьбы за победу пролетарской революции на местах)» (1967 г.)⁴, Р.К.Валеев «Революционное движение в Среднем Поволжье в период назревания общенационального кризиса (июль-октябрь 1917 г.)» (1968 г.)⁵. И.М.Ионенко защитил докторскую диссертацию «Революционная борьба и национально-демократическое движение солдатских масс Поволжья и Приуралья накануне Великого Октября» (1966 г.)⁶. В дальнейшем он продолжил исследования в этом направлении и им были опубликованы две монографии «Солдаты тыловых

гарнизонов в борьбе за власть Советов по материалам Поволжья и Урала» (1976) и «Солдатские массы в Октябрьской революции: по материалам Поволжья и Урала» (1982)¹.

Свою лепту в изучение истории местного края внесли и археологи. В послевоенные годы были проведены археологические раскопки под руководством известного историка Н.Ф.Калинина. В 1960-е годы раскопки велись в Нижнем Поволжье, в основном изучались памятники золотоордынского времени, в том числе Сарай-Берке и Сарай-Бату. Профессор А.Х.Халиков руководил раскопками Билярского городища. Впервые с помощью аэрофотосъемки была выявлена планировка города, большое число жилищных и хозяйственных построек².

В 1970-е годы тематика исторических исследований несколько изменилась. Так, в эпоху комсомольскихстроек на кафедре истории СССР под руководством доцента Н.М.Силаевой проводилась большая работа по сбору документов по истории строительства в Набережных Челнах Камского автомобильного завода. Организовывались ежегодные экспедиции на КамАЗ и на собранном местном материале студенты писали курсовые и дипломные работы. Все эти источники тщательно обрабатывались и использовались «в изучении состава и структуры, культурно-технического уровня рабочего класса в период развитого социализма»³.

В связи с 30-летием Победы была опубликована книга «Во имя Отчизны. Казанский университет в годы Великой Отечественной войны»⁴. Среди воспоминаний преподавателей и студентов КГУ выделяются «Страницы памяти. (Историко-филологический факультет в годы Великой Отечественной войны)» бывших студентов-историков Г.Н.Вульфсона и Н.П.Мунькова⁵. В их воспоминаниях сохранились интересные свидетельства о первых годах функционирования историко-филологического факультета. Именно они легли в основу работ по истории исторического факультета, созданных за последние годы.

Существенный вклад в изучение истории Великой Отечественной войны внес «Снежный десант» Казанского университета. Это движение прошло несколько этапов в своем развитии. Оно возникло в студенческой среде после празднования 20-летия Победы над фашистской Германией. Первой ласточкой стал «Снежный десант» географического факультета в 1968 г. И первый этап начинается с этого года и продолжается до 1975 г. В этот период проходило становление ведущих поисковых коллективов университета, да и ряда вузов Казани. С 1975 г. по 1985 г. десантским движением была охвачена вся передовая молодежь Казани, от студентов до рабочих. С 1985 г. до начала 1990-х годов десантское движение в основном занималось поиском и захоронением останков воинов, погибших на фронтах Отечественной войны¹.

В 1971 г. по инициативе профессора И.М.Ионенко «Снежный десант» историко-филологического факультета совершил поход по боевому пути 334-й Витебской ордена Суворова стрелковой дивизии. Профессор И.М.Ионенко² сам воевал в составе этой дивизии и помогал десантникам разрабатывать первые маршруты, связывал студентов с советом ветеранов дивизии. Десантники ходили не только в походы, но занимались и публикаторской деятельностью. В 1975 г. они разработали методическое пособие по научно-поисковой и агитационно-пропагандистской работе. В том же году была издана книга о боевом пути 334-й Витебской стрелковой дивизии. В 1978 г. была опубликована книга «Ни шагу назад», в которой были использованы собранные материалы о боевой пути 69-й гвардейской стрелковой дивизии³. Однако кризис в общественной, политической и экономической жизни страны отразился и на десантском движении. В начале 1990-х годов оно перестало существовать.

В 1970-е годы остаются актуальными и темы, связанные с крестьянством. В 1970 г. Н.М.Силаева под руководством профессора И.М.Ионенко защитила кандидатскую диссертацию «Крестьянское движение на Средней Волге от февраля к октябрю 1917 г. (характеристика документальных источников)»¹. В этом объемном исследовании анализируется богатый комплекс опубликованных и неопубликованных источников, рассматриваются вопросы организации, структуры, состава и текущей деятельности крестьянских комитетов и т.д. Изучение данной темы Н.М.Силаева продолжила и в следующие годы. В результате в соавторстве с А.А.Сальниковой была опубликована работа «Источники по истории крестьянского движения в Среднем Поволжье в период Великого Октября» (1985)².

Вместе с тем, в исследованиях этого периода все больше внимания уделяется социально-экономическому положению деревни второй половины XIX – начала XX вв. Данный аспект нашел отражение в работах Ю.И.Смыкова «Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю» (1987), «Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма (социально-экономическое исследование)» (1984)³. Социально-экономическая и политическая история края XVI–XVII вв. нашла отражение в трудах доцента И.П.Ермолаева. Он занимался исследованием вопросов, связанных с управлением Казанским краем после присоединения к русскому государству, разрабатывал историографические аспекты колонизации Среднего Поволжья и Приуралья и т.д.⁴

Истории Среднего Поволжья, а именно исследованию государственных органов управления в крае после присоединения к Московскому государству, была посвящена докторская диссертация И.П.Ермолаева, защита которой состоялась в 1983 г. в Москве⁵.

В 1980 г. произошло важное событие в жизни историко-филологического факультета. Он был разделен на два самостоятельных: исторический и филологический. Увеличилось число кафедр. На историческом факультете в настоящее время их восемь. Научно-исследовательская работа

преподавателей факультета по отечественной истории в
следующих научных направлениях:

80–90-е годы нашла отражение в

1. Социально-экономическая и политическая история России средневековья и нового времени. Руководитель – профессор И.П.Ермолаев (кафедра отечественной истории до XX в.).

2. Социальные, политические, экономические изменения в российском обществе XX в. Руководитель – профессор И.Р.Тагиров (кафедра современной отечественной истории).

3. Историографические и источниковедческие аспекты изучения истории российской интеллигенции XX в. Руководитель – профессор А.Л.Литвин (кафедра историографии, источниковедения и методов исторического исследования).

4. Археологические исследования памятников Поволжья: средневековые города – ремесло, торговля, культура. Руководитель – профессор А.Г.Мухамадиев (кафедра этнологии и археологии).

5. Этнические и языковые процессы в Среднем Поволжье. Руководитель – профессор Е.П.Бусыгин (кафедра этнологии и археологии).

6. Общественно-политические и национально-демократические движения в Татарстане в первой четверти XX в. Руководитель – профессор Р.Г.Хайрутдинов (кафедра истории Татарстана).

7. Развитие общественной мысли, политической и духовной культуры народов России XIX–XX вв. Руководитель – профессор Р.И.Нафигов, профессор С.М.Михайлова (кафедра политической истории)¹.

Особое внимание уделяется малоизученным проблемам отечественной истории. Разрабатываются новые спецкурсы, публикуются статьи и монографии. Например, на кафедре отечественной истории до XX в. студентам читают взаимосвязанные спецкурсы, посвященные наиболее актуальным проблемам российской истории: «Проблемы отечественной истории России» (И.П.Ермолаев – Г.Н.Вульфсон), «Государственно-церковные отношения в России» (А.И.Мухамадеев – Е.А.Вишленкова) и др.² Взаимоотношения церкви и государства Е.А.Вишленкова посвятила специальные исследования «Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России александровской эпохи» (1997), «Духовная школа в России первой четверти XIX в.» (1998)³.

Изменилась тематика научных исследований на кафедре современной отечественной истории. Долгие годы преподаватели кафедры занимались исследованиями прежде всего проблем, связанных с историей Октябрьской революции. В эти годы все более актуальными становятся источниковедение, архивоведение советского общества. Это научно-исследовательское направление возглавила Н.М.Силаева, которая в течение долгих лет читала курс по источниковедению отечественной истории на кафедре¹.

Новые тенденции национально-освободительного движения в Поволжье и Приуралье нашли отражение в публикациях И.Р.Тагирова² и Р.К.Валеева. Совместно с Национальным архивом Республики Татарстан И.Р.Тагиров опубликовал сборник документов «Дело М.Султан-Галиева» и ряд статей, отражающих судьбу этого видного деятеля национального движения татарского народа³. Целый ряд других вопросов, связанных с историей татарского народа был рассмотрен в следующих его работах: «Очерки истории Татарстана и татарского народа XX в.» (1999 г.), «История национальной государственности татарского народа и Татарстана» (2000 г.)⁴.

Профессор Р.К.Валеев занимался изучением жизни и творчества другого известного общественного деятеля Г.Шарафа. В итоге в 1998 г. была опубликована монография⁵. Другая популярная работа Р.К.Валеева посвящена истории Забулачной республики⁶.

В настоящее время приоритетными для данной кафедры являются изучение национального вопроса, национально-освободительного движения, истории культуры татарского народа в первой трети XX в., также проблемы современного развития республики после принятия декларации о суверенитете Татарстана и т.д.

Кафедра историографии и источниковедения со дня своего открытия в 1989 г. сосредоточила основное внимание на разработке новых спецкурсов по историографии и источниковедению. Курсы лекций по этим предметам читались в Казанском университете еще в XIX в. Уже в советское время лекции по источниковедению читали Г.Н.Вульфсон, Ш.Ф.Мухамедьяров, Н.М.Силаева. По историографии цельный курс перестал читаться в 1948 г. Преподаватели кафедры истории СССР пытались восполнить этот пробел чтением лекций по отдельным периодам отечественной истории. В 1959 г., после длительного перерыва, лекционный курс по историографии был передан доценту Г.Ф.Шамову. Затем с 1984 г. лекции начал читать И.П.Ермолаев¹. В настоящее время лекции и семинарские занятия по историографии ведут профессор А.Л.Литвин и доцент В.В.Астафьев. Доцент В.В.Астафьев занимается изучением развития общественно-политической мысли России XIX – начала XX вв. Лекции по источниковедению читает профессор А.А.Сальникова, которая в основном занимается изучением проблем современного зарубежного источниковедения. В последние годы ею по данной проблематике была опубликована монография и учебное пособие. За прошедшие 10 лет сотрудниками кафедры историографии и источниковедения опубликовано 18 монографий и около 300 статей². Среди этих публикаций также следует отметить работы С.Ю.Мальшевой о Временном правительстве³.

В конце 90-х годов появились еще две новые кафедры – истории Татарстана и политической истории, взамен расформированных кафедр истории КПСС и истории политических партий и общественных

движений. Преподаватели кафедр в основном занимаются изучением истории Татарстана в различных ее аспектах⁴.

В 1988 г. была открыта кафедра археологии и этнографии, а с 1994 г. кафедра именуется кафедрой археологии и этнологии⁵. Ежегодно ее сотрудники выезжают в археологические и этнографические экспедиции, в которых активно участвуют и студенты исторического факультета. Кафедра успешно занимается изучением культуры народов Поволжья и Приуралья, а также вопросами, связанными с этногенезом и этнической историей. С 1993 г. совместно с этнографами Москвы и США разрабатываются научные проекты «Язык, национальность и бывший Советский Союз», «Этнополитические представления молодежи» и др.¹

В настоящее время по отечественной истории студентам, как и прежде, читаются общие и специальные курсы. Среди общих – традиционные: история России до XX в., история России XX в., историография, источниковедение, методологические проблемы исторической науки, история Татарстана, археология, этнография и др. Также каждая кафедра предлагает спецкурсы на различные темы по своим специальностям².

Преподаватели факультета не ограничиваются чтением лекций и проведением семинарских занятий, а активно занимаются созданием учебно-методических пособий. Финансовый и экономический кризис отразился как на преподавании, так и на научных исследованиях. Исторический факультет испытывает серьезные материальные затруднения. Прежде всего не хватает учебно-методических пособий для студентов, не закупается новая отечественная и зарубежная литература, необходимая для научной и педагогической работы. Единственный выход – это создание собственных учебных пособий. Только за последние годы преподаватели факультета издали: «Отечественная история с древнейших времен до конца XX в.» (Казань, 1996); «История России» Вып.1–3 (Казань, 1997–1998) (ответственный редактор профессор Ю.И.Смыков); Федорова Н.А. «Математические методы в историческом исследовании» (Казань, 1996) и др.³

Неотъемлемой частью работы преподавателей факультета является участие в различных научных конференциях. С 1995 г. по 1998 г. преподаватели факультета участвовали в организации и проведении 14 научных конференций, таких как «Интеллигенция Татарстана в период реформ и революций в первой трети XX в.» (1996 г.), «История государственности Республики Татарстан и современность» (1998 г.) и др.⁴ Кафедрой историографии и источниковедения в 1992–1995 гг. были проведены конференции с участием российских и зарубежных ученых. Кроме того, на кафедре неоднократно выступали с докладами известными зарубежными учеными из США: З.Галили, профессора А.Рабинович, А.Далин, Г.Лапидус, У.Эдельман (Израиль). Также профессор А.Л.Литвин выступал с докладом на V Международном конгрессе историков Центральной и Восточной Европы, а затем в Гиссенском (ФРГ) и Иерусалимском (Израиль) университетах¹. Он внес значительный вклад в организацию и проведение международных конференций. А.Л.Литвин – автор более 300 научных трудов². Среди них выделяются публикации о красном и белом терроре, политических репрессиях в отношении историков, политиков, общественных деятелей, по истории гражданской войны и т.д. Многие аспекты отечественной истории впервые были рассмотрены в трудах А.Л.Литвина. Например, из сборника документов «Фанни Каплан. Или кто стрелял в Ленина» читатели впервые узнали об истинной Каплан и возможной причастности к теракту некоторых членов большевистского правительства³. В работе «Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг.» историк показал жестокость и преступность обеих воюющих сторон⁴. Особо значимыми для татарской историографии являются две работы ученого: «Запрет на жизнь» и «Без права на мысль. Историк в эпоху террора. Очерки судеб»⁵. Публикации созданы на базе местных архивов и раскрывают малоизвестные страницы из жизни многих представителей интеллигенции Татарстана. Лучшая награда для историка – это признание его заслуг при жизни. Труды профессора А.Л.Литвина известны не только в нашей стране, но и за ее пределами. Доказательством является непосредственное участие ученого в зарубежных конгрессах и конференциях.

Организируются и новые формы проведения интеллектуальных встреч историков. Например, с 31 января по 9 февраля 2000 г. при финансовой поддержке Института «Открытое общество» преподаватели исторического факультета Казанского университета (среди организаторов талантливые ученые Г.П.Мягков, Е.А.Вишленкова, С.Ю.Малышева, А.Г.Суприянович) провели «Зимнюю школу» под названием «Человек перед текстом: сотворение истории (современные методы работы с историческими источникам)». Вторая встреча состоялась в августе 2000 г. на тему «Историческая память как социокультурный феномен». В работах «школы» участвовали местные и столичные ученые. Цель организаторов – обмен опытом, новыми передовыми идеями, современными методами исследования – была достигнута.

Готовятся к открытию новые специальности «Музейное дело и охрана памятников», «Археология и архивоведение», «Культурология»¹. Хочется надеяться, что с открытием новых специальностей профессиональная подготовка студентов поднимется на качественно новый уровень.

Исторический факультет Казанского университета, как и вся отечественная историческая наука, в XX в. пережил взлеты и падения, и следующее столетие должно стать периодом благополучия и стабильности в его педагогической, научной и общественной жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование становления и развития отечественной исторической науки в стенах Казанского университета за прошедшие два столетия наглядно показывает, сколь трудным и непростым был процесс превращения Казанского университета в один из научных центров страны по изучению истории нашего Отечества. И если первоначально предметом исследования историков Казанского университета, как правило, были те или иные сюжеты, посвященные главным образом истории Казанского края, и представляли собой популярные исторические очерки, то благодаря трудам С.В.Ешевского, А.П.Щапова, Н.А.Фирсова, Н.Я.Аристова, Д.А.Корсакова, Н.П.Загоскина, Н.Н.Фирсова значительно изменилась как масштабность, так и проблематика исторических исследований. К сожалению, эта позитивная линия в развитии отечественной исторической науки в Казанском университете была прервана событиями 1917 г.

Закрытие историко-филологического факультета, по сути дела прекращение преподавания отечественной истории в начале 1920-х годов, привело к тому, что в Казанском университете чуть было не была утеряна традиция в преподавании и изучении истории России. Однако открытие в 1939 г. исторического, а в 1940 г. – историко-филологического факультета во многом способствовало возрождению традиций и навыков в подготовке историков в КГУ. И во многом эта задача была решена усилиями таких известных ученых, как Г.Н.Вульфсон, Р.К.Валеев, И.П.Ермолаев, И.М.Ионенко, А.Л.Литвин, С.М.Михайлова, Р.И.Нафигов, Ю.И.Смыков, И.Р.Тагиров, М.А.Усманов и др.

Особенно разительные изменения в изучении и преподавании отечественной истории произошли в последние десятилетия. Образование самостоятельного исторического факультета способствовало открытию новых кафедр, на факультете возросло число обучающихся студентов. Надо сказать, что все эти позитивные изменения сопровождалось ростом числа докторских и кандидатских диссертаций, защищенных как сотрудниками, так и выпускниками исторического факультета. Сегодня на историческом факультете работает 19 докторов и около 50 кандидатов исторических наук. Значительный потенциал, которым обладает исторический факультет, позволяет ему с уверенностью смотреть в будущее.